



Сказка моя!

Мифы и сказки
Югры

Сказка моя! [Текст] : мифы и сказки Югры / МБУК «Централиз. библиотечная система» г. Сургута ; сост. Г. Н. Библая ; отв. ред. Н. В. Жукова. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2015. – объем напр. 238 с. : цв. ил. ISBN

Издание адресовано молодому поколению и всем, кому важны обретение и понимание исторического и культурного наследия югорской земли.

В сборник вошли мифы и сказки народов ханты и манси о традициях, особенностях мировоззрения, верованиях.

Книга издана в год 85-летия Ханты-Мансийского автономного округа-Югры.

Индекс ББК К82.3(2=665.1)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN

Издательский дом «БИБЛИО-ГЛОБУС», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Напутствие. Жукова Н.В.

«ПЕСНЯ, СПУЩЕННАЯ С НЕБА»

Как Землю выловили
Как ворон Землю мерял
Опоясывание Земли
Как человека сделали
Как Солнце и Месяц достали, как птицы и
звери на Земле появились
Легенда о лесном орле
Порах Нёл
Осетр
Почему лебеди белые
Остров Шиян
Танья-богатырь
Огонь надо чтить

БЕЛОЕ ПТИЦЫ КРЫЛО

Хилы и Аки Черное Сердце. *Хантыйская сказка*
Хлебушко. *Хантыйская сказка*
Гнев тайги. *Мансийская сказка*
Золотая баба. *Мансийская сказка*
Огонь-камень. *Мансийская сказка*
Дочери Отортена. *Мансийская сказка*
Когда куропатки смеяться стали. *Хантыйская сказка*
Победитель Менгк-Ими. *Хантыйская сказка*
Девушка Хутнай. *Хантыйская сказка*
Три мудрых слова. *Хантыйская сказка*

Олле и Гусь-богатырь. *Хантыйская сказка*
Сиротские слезы. *Хантыйская сказка*
Идэ. *Хантыйская сказка*
Оттепельная девушка. *Хантыйская сказка*
Новый человек. *Хантыйская сказка*
Велика сила леса. *Мансийская сказка*
Дочь водяного царя и слепой мужчина из
деревни Месыг. *Мансийская сказка*
О мужчинах, которые поссорились. *Мансийская
сказка*
Священный пояс. *Мансийская сказка*
Умная сова. *Мансийская сказка*
Бабушка Хасынгета. *Хантыйская сказка*
Сказание про богатыря Вищ-Отыра. *Мансийская
сказка*
Берестяной нос. *Мансийская сказка*
Как Ими-Хиты на санках катался. *Хантыйская
сказка*
Менкв и юноша. *Хантыйская сказка*

СКАЗКА МОЯ!

Айпин Е. Д. *Клюквинка и Травяная косичка.
Хантыйская
сказка*
Айпин Е. Д. *Кави. Хантыйская сказка*
Вагатова М. К. *Женщина-ягодка. Хантыйская сказка*
Иванова В. С. *Зря не ворчи. Мансийская сказка*
Енов В. Е. *Подарок менква. Хантыйская сказка*
Шесталов Ю. Н.
Вэлла Ю. К.

НАПУТСТВИЕ

Эта книжка для меня особенная. Она ещё только зарождалась в нашем воображении, когда я почувствовала, что мир в его привычной повседневности стал мне виден иначе - прекрасным, незнакомым и родным одновременно. Так бывает в детстве. Так бывает, когда ты открыт и доверчив, когда ещё способен слышать и понимать каждое его движение, даже при том, что законы мироздания тебе пока неведомы. И теперь я понимаю, что работа над этой книгой превратилась для меня в путешествие. В котором человек изменяет сам себя.

Собирая текст, образы, мы повстречались со многими людьми, живущими в Югре — учёными, сказочниками, художниками, политиками. Все они живо откликнулись на идею проекта — войти в контакт с землей и людьми, живущими здесь, через мифологию и сказку. Помогали советом, делились воспоминаниями. А некоторые из них, кивая, певуче говорили: "Да, и в нашей семье была своя сказка". Признаюсь, за всю мою жизнь мне прежде не доводилось слышать, что есть сказки, живущие в семье. Где их любовно рассказывают, где они передаются из поколения в поколение и остаются тем волшебным пояском, который связывает и хранит душевную близость взрослых и разлетающихся из родимого гнезда людей. И эти сказки нам передали. Для вас. Они тоже здесь, под обложкой этой книги.

Я с трепетом отпускаю этот бумажный кораблик по внешней воде, в мир. В моей душе затеплен новый свет. С ним я стала лучше видеть красоту и мудрость в безыскусности и простоте. И я очень хочу поделиться с вами этим состоянием.

Ключ к сути взаимодействия человека с Небом, с Землей, взаимоотношений друг с другом можно найти в мифах и сказках. Надо только очень-очень захотеть. Набраться терпения. Осторожно и бережно встречать Иное, непривычное, странное. Довериться тому, что постепенно начнёшь слышать. И тогда мир вновь откроется своей волшебной, мудрой стороной. И однажды вернётся понимание живой ткани Бытия. Это гармоническое произведение и по сей день в наших руках. Всякий народ прибавляет к нему свою нить, свою краску. Всякий сказитель — свой звук, интонацию, паузу. Полотно это только на первый взгляд кажется составленным из разных лоскутиков — гладких и шершавых, крепких как парусина и тончайших как шёлк, привлекающих взгляд затейливостью и туманно простых. Мы листаем страницы, читаем, слушаем, вслушиваемся, вчувствуемся, пока непривычный, "чужой" слог не отзовется из глубин памяти узнаванием. И с этого момента отторжение Иного, которое, что скрывать, бывает у нас в обществе, начнёт оборачиваться со-Бытием.

Надежда Жукова,
автор проекта

Ранее бесписьменный народ (до 30-х гг. XX века) за свою долгую историю создал богатейший фонд устного поэтического творчества. Фольклор являлся своего рода литературой, могучим средством духовного воспитания народа, его национальной гордостью.

О МИФАХ

***Миф** (сказание, предание) — повествование, передающее представления людей о мире, месте человека в нём, о происхождении всего сущего, о богах и героях.*

Откровение о сотворении Земли, Человека недавно звучало из уст шамана. Его внимательно слушали рыбаки, охотники, восторгаясь подвигами предков, могуществом и справедливостью древних богов...

О ЛЕГЕНДАХ

В основе легенд всегда есть факт, событие, происшествие. Рассказывают их, чтобы дать наказ, поучить чему-то.

Начинаются они почти всегда с таких слов: «Когда-то вот что было...»; «Оказывается, вот что однажды случилось...» В памяти хантыйского народа много легенд, они не все записаны, живут в живом языке, положены в основу традиций, обычаев...

КАК ЗЕМЛЮ ВЫЛОВИЛИ

Две гагары¹ вниз слетели. Одна большая, другая малая гагарка. Со дна моря землю достать хотели.

¹ Гагара – большая водоплавающая птица, весом 5-6 кг.

Большая гагара в воду нырнула. Ныряла, ныряла — долго ныряла, коротко ныряла, — на поверхность выплыла. Ничего не принесла, дна не достала.

Тогда малая гагарка нырнула. Ныряла, ныряла, наконец наверх поднялась, тоже ничего не достала, до земли не дошла.

Большой гагаре гагарка говорит:

— Давай вместе нырнем!

Нырнули обе. Плыли-плыли, дыхание сдавило, назад вернулись. Выплыли, подышали немного и снова нырнули. Глубоко спустились, до дна все же не дошли, дыхание сперло. Снова вернулись. Выплыли, отдышались и в третий раз нырнули.

Долго спускались, наконец все-таки до дна дошли. Кусочек земли подхватили, в обратный путь пустились.

В этот раз уж очень долго гагары под водой пробыли. Дыхание у них так сперло, что, когда наверх выплыли, у большой гагары из груди воздух вырвался и кровь потекла. Оттого теперь у гагары грудь красная. У малой гагарки из затылка кровь потекла, и теперь у всех малых гагар затылок красный.

Землю на воду положили. Начала земля расти. Скоро с подошву величиной стала, а потом такой выросла, что человеку на ней лечь можно. И все больше и больше растет.

***Источник:** Фольклор народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России [Текст] : кн. для детей сред. и ст. шк. возраста / сост. Е. Р. Акбальян ; под общ. ред. А. В. Преловского. - М. : Сев. просторы., 2002. - 544 с.*

КАК ВОРОН ЗЕМЛЮ МЕРЯЛ

На болотной кочке старуха со стариком жили. У старика белый ворон был. Земли всего лишь островок маленький, только юрточку поставить, а кругом вода. На месте земля не стояла: северный ветер подует, к южному морю ее погонит, с юга ветер поднимется, землю на север несет.

Старик из юрты своей не выходит, какая-токая земля есть, не знает. Белого ворона однажды посылает:

- Землю кругом облети, хочу знать, намного ли она выросла.

Ворон полетел и вскоре вернулся. За то время, что летал он, котел рыбы сварить можно.

Такой земля стала.

Жили, жили, опять посылает старик ворона посмотреть, на сколько земля выросла. Ворон землю всю облетел, через три дня лишь вернулся. Такой земля стала.

Еще сколько-то времени прошло. Старик ворону говорит:

— Землю кругом облети, хочу знать, намного ли еще выросла.

Улетел ворон. Зиму прожили, и вторая зима прошла, ворон все не возвращается.

Старик и ждать перестал: «Погиб где-нибудь ворон».

На третий год видит старик — летит какая-то черная птица. Это белый ворон почерневшим прилетел.

— Ну, где же ты летал?

— Я три зимы, три лета летал, насилу землю окружил. Ни одной речки, ни одного озера не пропустил.

— Пока летал, что-то сделал; почему почернел?

— Что сделал? Человек какой-то умер, я его съел. От того и почернел.

- Человека если съел, уходи прочь. Отныне ты сам зверей убивать, рыбу добывать не сможешь. Человек когда зверя

убьет, там кровь подбирать станешь, а ничего не найдешь, голодным будешь.

Ворон улетел. Так и поныне живет.

***Источник:** Фольклор народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России [Текст] : кн. для детей сред. и ст. шк. возраста / сост. Е. Р. Акбальян ; под общ. ред. А. В. Преловского. - М. : Сев. просторы., 2002. - 544 с.*

ОПОЯСЫВАНИЕ ЗЕМЛИ

Иоли-Торум-Шань² на землю спустилась. Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм на землю спустилась. На земле жить стали. Однажды Иоли-Торум-Шань Сверху-Идущей-Крылатой-Кальм говорит:

— К Верхнему духу, отцу твоему, поднимись. Так ему скажи: «Кожистая земля наша все качается, на месте не стоит. Когда люди на ней появятся, как на ногах стоять смогут? Верхний дух, отец мой, землю нашу укрепи!» Может быть, поясом каким-нибудь он ее опояшет.

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм к Верхнему духу поднялась. В дом его вошла. Нуми-Торум за столом сидит, правой щекой о посох опирается.

Спрашивает он дочь:

² Иоли-Торум-Шань или Калтащ-Эква в мансийской мифологии — старшая сестра Нуми-Торума, божества Верхнего мира.

— Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм, какое ты слово принесла, с какой речью ко мне пришла?

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм отвечает:

- Нуми-Торум, отец мой, земля наша, как ни велика уже стала, а все еще движется, на месте не стоит. Человек, когда появится, на ногах устоять не сможет. Ты землю нашу укрепи, каким-нибудь поясом ее опояшь.

Верхний дух голову опустил. Пока так сидел, котел рыбы свариться мог.

Потом голову поднял. Дочери сказал:

— Я сделаю, как ты сказала,— землю опояшу.

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм из дома Верхнего духа вышла, обратно на землю спустилась.

Иоли-Торум-Шань ее спрашивает:

— С чем пришла, какую весть принесла?

Отвечает ей Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм:

— Нуми-Торум, отец мой, землю укрепить обещал, сказал, что опояшет ее.

После этого Верхний дух пояс свой на землю спустил. Пояс его тяжелыми пуговицами украшен был. Земля в воду глубоко осела и неподвижной стала. На том месте, где пояс лег, теперь Уральский хребет. Это земли самая середина.

Источник: Чернецов, В. Вогульские сказки : сборник фольклора народа манси (вогулов) / В. Чернецов . – Ленинград : Гослитиздат, ЛО, 1935 . – 142 с.

КАК ЧЕЛОВЕКА СДЕЛАЛИ

Сколько-то времени прошло. Опять Иоли-Торум-Шан Крылатую-Кальм посылает:

— Пойди к Нуми-Торуму, скажи ему: «Земля теперь крепко стоит, надо человека сделать, чтобы жил на ней».

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм к отцу своему пошла. Далеко ли, близко ли шла — кто узнает. Однажды пришла, Нуми-Торуму говорит:

— Землю ты укрепил. Теперь человека, сделать надо.

Нуми-Торум голову поднял, на дочь посмотрел:

— Я человека сделаю и на землю спущу, а вы его там оживите.

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм ушла. Нуми-Торум тогда Тапал-Ойка³ позвал, человека сделать ему велел.

Тапал-Ойка из лиственницы семь человеческих подобий вырубил. За это время Хуль-Отыр⁴ семь человеческих подобий из глины слепил.

Тапал-Ойка говорит:

— Давай, братец, поменяемся, а?

— Нет, не буду меняться, — Тапал-Ойка отвечает, — твои люди глиняные, худые.

— Ну поменяемся, — Хуль-Отыр уговаривает.

— Не хочу своих людей отдавать, вон сколько я с ними бился.

— И я над своими поработал, - Хуль-Отыр говорит. — А ты души для них откуда возьмешь? Нуми-Торум тебе душ не давал.

Сидит Тапал-Ойка, голову почесывает.

— Верно, — говорит, — душ-то у меня нет. Ну, а ты моих деревянных людей живыми сделаешь?

— А то как же! Я их оживлю. А из глиняных людей пусть менквы⁵ будут.

³ Тапал-Ойка или Полум-Торум — младший брат (или сын) Нуми-Торума.

⁴ Хуль-Отыр — младший брат Нуми-Торума, дух Нижнего мира.

⁵ Менкв [манс.] — лесной дух.

Тапал-Ойка лиственничных людей Хуль-Отыру отдал, себе глиняных взял. Хуль-Отыр деревянные подоби́я взял, к Нуми-Торуму отнес. Нуми-Торум спинами к себе их поставил, дунул — куда девались? Тапал-Ойка руки расставил, да ни одного не поймал.

Тапал-Ойка затылок себе почесал. Глиняных людей взял, посмотрел на них. Что же? Глина, и только.

Говорит ему Нуми-Торум:

— Глиняных людей к сестре нашей, Калтащ-Экве, снеси. Корс-Торум⁶ ей души для них отдал. Пусть она их и оживит.

Тапал-Ойка к Калтащ-Экве отправился.

Пришел, говорит ей:

- Сестра, этих людей оживить сможешь?

— Оживлю, — Калтащ-Эква отвечает, — только ты отсюда уходи.

Тапал-Ойка ушел. С тех пор, когда дети на свет появляются, мужчине при этом быть нельзя.

Глиняные люди живыми стали. Только век их недолог: глиняные руки, глиняные ноги куда годятся? В воду человек упадет — тонет, жарко станет — из него вода выступает. Из лиственницы сделанные люди крепче были бы и в воде бы не тонули.

Когда люди на земле появились, Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм снова к Нуми-Торуму пошла.

Сказала ему так:

- Вот люди на нашей земле появились. Теперь скажи, чем кормиться они станут, от холода тела свои чем прикроют?

Нуми-Торум голову опустил, долго думал.

Потом так ответил:

- Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм, обратно на землю иди. В тайге, в лесной чаще, много сохатого зверя будет, на болота,

⁶ Корс-Торум — высший дух, мифический хозяин второго, Верхнего мира, отец Нуми-Торума.

на янги⁷ я оленей пуцу. Там они жить станут, себе пищу искать, а люди туда на промысел пусть идут.

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм на землю спустилась. Иоли-Торум-Шань ее спрашивает:

— От отца своего какое слово принесла?

— Сказал так Нуми-Торум: «В тайгу, в чащу лесную, в болота сохатых зверей и оленей пуцу. Люди пищу себе промышлять туда пойдут».

Источник: Чернецов, В. Вогульские сказки : сборник фольклора народа манси (вогулов) / В. Чернецов . — Ленинград : Гослитиздат, ЛО, 1935 . — 142 с.

КАК СОЛНЦЕ И МЕСЯЦ ДОСТАЛИ, КАК ПТИЦЫ И ЗВЕРИ НА ЗЕМЛЕ ПОЯВИЛИСЬ

На тундровой кочке старуха со стариком живут. Долго ли жили, мало ли жили — однажды старуха в сенцы вышла. В сенцы вышла, видит — там только что родившийся мальчик лежит. В люльке лежит, плачет.

— Старик, ребенка, пожалуй, в дом внесу?

Старик из дома выскочил, взяли они ребенка, в дом внесли. Женщина его растить стала. Качая мальчика, песни поет.

Однажды мальчик молвил:

- Мама, укажи мне место, где бы я с кем бороться мог.

— Такого места нет,— отец отвечает.

— Мать, ты, верно, знаешь, укажи мне.

⁷ Янга — у местных русских — большое чистое болото [с мансийского—янкыл маа].

— Есть такое место,— мать говорит.— Дочь Верхнего духа, сказывают, живет. Уж если ты так бороться хочешь, иди туда. Место твоей борьбы там! Небесный отец на нее слово положил: никакой человек против нее устоять не может. Если кто ее ударить задумает, в землю уходит. Семь морей, семь земель насквозь проходит.

Мальчик пошел. Мать ему обломок миски дала.

— Руки твои, ноги твои в беду если попадут, этот осколок разломи.

Поцеловала она его, мальчик пошел. Мать, плача, дома осталась.

Долго ли шел, коротко ли шел, однажды на своей дороге семисуставный посох нашел. На дороге посох воткнул. Посох взял и дальше идет.

Однажды сверху человеческий голос слышится:

— Внучек!

— Что?

— Куда идешь?

— Землю посмотреть, силу свою попытать.

— Никакой силы не пытай, я тебе работу дам.

— Какую работу?

— Птиц, зверей делать.

— Как смогу зверей делать? Темно совсем, ни солнца ни месяца нет. Где я солнце и месяц возьму?

— У Хуль-Отыра они.

— Тэ...

Мальчик три травинки сорвал, скрутил их и дунул. Из рук его когтистый зверек выскочил, вокруг мальчика запрыгал, запищал:

— Великой женщины сын, богатырский сын, что сделать велишь?

— На семь сажень землю копай.

Когтистый зверек землю рыть начал. Так роет, что комья земли как вороны кверху взлетают. Наконец в Нижний мир ход прорыл. Мальчик глянул туда, видит — светло как. И солнце и месяц светят, видно, как люди ходят. Сквозь отверстие комары наверх подниматься стали. Один комар песенку поет:

*Пан-панрищ-пани-пани
В Верхнем мире люди живут.
В Верхний мир я лечу,
Земных людей кровь пить буду.*

Так много комаров поналетело, что вся земля полна ими стала.

Мальчик в Нижний мир спустился, к Хуль-Отыру в дом вошел.

- Ты зачем сюда пришел? — Хуль-Отыр спрашивает.

— Спросить что-то хочу.

— Что же ты хочешь спросить?

— А зачем у тебя комаров так много? Вон сколько их на землю налетело, взгляни-ка.

Хуль-Отыр глядеть стал, а в это время мальчик табакерку свою открыл, щепотку табаку взял и в глаза Хуль-Отыру дунул. Оба глаза ему запорошил, совсем смотреть тот не может.

Хуль-Отыр и солнце и месяц у себя в доме держал. Мальчик потянулся, месяц и солнце схватил, из дому бросился и бежит. Хуль-Отыр за ним погнался. Мальчик гусем обернулся, дальше полетел. Хуль-Отыр железной чайкой обернулся. Мальчик с криком к Верхнему духу летит.

- Отец, отец, вот догонит он меня.

Верхний дух из дому выбежал, кричит вниз:

— Месяц и солнце бросай кверху!

Мальчик бросил их, там они и повисли.

Верхний дух навстречу побежал, блестящий меч свой схватил. Хуль-Отыр меч увидел, с плачем назад повернул.

Говорит:

— В светлом месте жить будешь, а я в темноте остался! Души людей ко мне попадать будут — тоже в темноте жить станут.

— Ну, я тебе полсолнца дам.

— Какой уж от половинки свет!

— А не хочешь, так и вовсе без солнца живи.

Верхний дух домой с сыном вернулся. За стол сели. Попили, поели. Мальчик из-за стола встал, с отцом попрощался, обернулся гусем и полетел. Летел, летел, на землю спустился. На земле снова человеком стал и пошел. Долго ли, коротко ли шел, в одном месте два камушка поднял. Потер их друг о друга хорошенько — пушистохвостая собака появилась, за мальчиком дальше побежала. По дороге он три листика с березы сорвал, в трубочку их свернул, подул — маленький зверек,мышь лесная появилась. Все вместе дальше идут. Мальчик от ели щепотку отломил, наподобие зверька обстругал — соболь пушистый прыгнул, за ними пошел. Так, идя дорогой, все новых зверей делает. Голова его куда повернута, туда и идет. Мальчик куда идет, звери за ним бегут. Долго так брел, коротко брел, смотрит вперед — на берегу моря огонь виден. Огненные искры кверху взлетают. Туда направился. Пришел, смотрит — женщина лежит, спит. При дыхании из ноздрей у нее искры вылетают.

Женщину посохом ударить хотел — в тот же миг скрылась. Под землю провалялась, только голова мелькнула. Матерью данный осколок разломил, кольчуга появилась. Кольчугу надел, за женщиной бросился. Гонится. Долго гнался или коротко гнался, смотрит вперед — видно, вдали женщина бежит.

Когда мальчик нагонять стал, обернулась она, остановилась. Добежал, бороться схватились. Долго бились или коротко бились, наконец оба наземь упали.

Женщина обессилела, и мальчик обессилел. Силы у них равные.

— Довольно, кончим, милый, — женщина говорит. — Ты меня убить не можешь, а я с тобою справиться не могу.

Друг друга отпустили, попрощались, в разные стороны разошлись.

Мальчик дальше идет. Долго ли шел, близко ли шел, до отверстия добрался, по которому под землю спускался. Наверх вылез, зверям своим говорит:

- Ты, собака, иди человека ищи. А ты,мышь, пойдй, может, где кучу травы сухой найдешь, там гнездо себе сделаешь. А ты в лес беги, — лисице говорит. — Мышь если к твоему дому придет — убивай. Убийцей мышей ты будешь.

Звери разбежались, мальчик дальше пошел. Долго брел, коротко брел, однажды смотрит вперед — по всей земле огонь полыхает. Пришел туда, оказывается, не земля то — море огненное. Как через море пройти? Семисуставный посох поперек моря положил, как раз через все море лег. Слюной помазал — человеку пройти, должной ширины, мост вырос. Через огненное море побежал. Посох забрал и дальше шагает. Однажды сверху голос отца слышит:

— Братьев своих не встречал ли где?

— Нет, — говорит, — не встречал.

— Поднимайся сюда.

Мальчик в свой облик обернуться захотел — не оборачивается. Наконец плакать стал.

Отец его говорит:

— Чего плачешь?

— Своего облика принять не могу!

Отец его сверху дунул, златошейный гусь кверху взвился. Мальчик в образе златошеего гуся к отцу своему, Верхнему духу, полетел, в окно влетел, на середину пола опустился, тогда человеком обернулся.

Верхнего духа все сыновья собрались. За стол сели, есть стали. Поели, попили, распрощались. Мальчик в свой край полетел. Теперь там живет. Маленький богатырь имя его. Желтая Трясогузка имя его. Желтой Трясогузки облик имеющий богатырь — это он.

Источник: Чернецов, В. Вогульские сказки : сборник фольклора народа манси (вогулов) / В. Чернецов . — Ленинград : Гослитиздат, ЛО, 1935 . — 142 с.

ЛЕГЕНДА О ЛЕСНОМ ОРЛЕ

Многие сотни тысяч лет назад происходило это. Согласно легенде хантов земля только-только образовалась. А до этого кругом, куда ни взгляни, плескалось огромное необъятное море. И вот в ту далекую пору остроносая долгоныряющая гагара, нырнув в глубины моря, вынесла своим клювом кусочек земли, размером, наверное, с ноготок... И этот кусочек земли, словно по мановению волшебной палочки, стал мгновенно разрастаться до невообразимых размеров. Появился лес с разными деревьями - хвойными и лиственными - каменные горы Урала с многочисленными отрогами, в глубокой пазухе леса стали раздаваться крики четвероногих и двуногих зверей и птиц. Образовались глубоководные и мелководные реки и озера. И тогда новая жизнь зародилась на земле. Двукрылые птицы в гнездах стали разводить своих

птенчиков, а четвероногие звери - в своих норах - детенышей. Птицы населяли многочисленные берега живительных рек и озер, а звери в просторах тайги находили для проживания своего вида заветные уголки.

Но не все было спокойно на земле и воде. Между птицами и зверями началась борьба за лучшие места обитания. Каждый из них хотел обжить себе уголок получше и побогаче, чтобы можно было уютно проживать и в достатке обеспечить себя обильной пищей.

И, разумеется, из-за этого между двукрылыми птицами и четвероногими зверями вспыхивали большие и маленькие стычки, порою переходившие в непредсказуемые войны; а все это ничего хорошего не сулило только что образовавшейся земле. Зло порождало зло, а жить в добре и согласии они еще не научились.

Все это видел великий Турам (Бог), находившийся на высоте семи подолов неба, на высоте тридцати подолов бескрайней небесной выси.

До этого всемогущий Турам уже спустил на золоченой вместительной люльке с помощью сверкающих цепей небесного Светилы (Солнца) на землю Сот Хоятпи Ляль (Зверя, имеющего силу ста воинов-лучников) - стожильного и тысячежильного могучего медведя, чтобы он навел порядок среди споривших зверей и птиц. Надо было утихомирить их. А что же оставалось делать Великому Тураму? Ведь постоянные споры и войны между ними ни к чему хорошему не смогли бы привести. И могучий медведь навел порядок на земле среди лесных зверей и животных.

Но никак не могли угомониться птицы. Здесь уже возможностей могучего медведя не хватало: поди-ка попробуй урезонить летающих птиц.

И здесь всемогущий и многоумный Турам решил призвать на помощь Сываса - Лесного орла, имеющего размах крыльев, пожалуй, в семь сажень⁸ и который мог успокоить в тайге любую лесную птицу.

Шевельнул тогда указательным пальцем правой руки всевышний Турам, и тут же около него уселся могучий Орел. Турам повернулся в его сторону и заговорил:

- О, послушай, мой помощник -

*Зло творится на земле,
Сотни тысяч птиц под нами
Все к согласью не приходят.
От зари и до зари
Только меж собой и спорят.
Каждый хочет норовить
Больше для себя урвать.
Если будет так и дальше,
Меж собой передерутся,
И себя переклюют.
О, крылатый мой помощник,
Птиц земных сильнее всех!
Полети-ка ты на землю,
Их слегка утихомирь.
Суд решай над ними сам.
Птицы разной там хватает
И среди птиц, и среди зверей.
Только - лишь прошу тебя я,
Ты хозяина тайги (медведя)
Никогда не тревожь:
Он порядок свой наводит
Среди зверей всех непослушных.
А теперь - давай-ка в путь!..*

⁸ Сажень - старорусская единица измерения длины, равная 2,13 м.

И могучий орел тут же взлетел, семь раз покружился над золотым дворцом Великого Турама, затем сложил крылья и стал камнем падать на землю с высоты семи подолов неба, с высоты тридцати подолов небесной выси.

Долго падал он. За это время, пожалуй, семь раз сменялись зори на земле, а возможно, семьдесят раз яркое утро сменяло темную ночь.

На высоте, наверное, семисот бросков аркана от земли, на расстоянии семидесяти полетов стрелы, выпущенной из упругого лука, орел расправил крылья. И тут же мощные струи воздуха, ударившись о широкие расправленные крылья орла, издали такой шум, что казалось в семи подолах неба прогремел гром, звуки которого перекачивались от горизонта к горизонту. Затем могучая птица стала плавно спускаться на землю. Увидев невиданного доселе огромного орла, все птицы в лесу попритихли и каждый спрятался, как мог. А сидевшие в реках и озерах утки дружно взлетели и подались подальше от приближавшегося к земле лесного орла. Невиданный страх навел лесной орел и на четвероногих зверей: трусливых зайцев, длиннохвостых лисиц, жадных зубастых волков, поедавших ягель оленей и даже мощных крепконогих и рогатых лосей.

Только хозяин тайги - медведь, тоже впервые увидев орла-гиганта, не испугался и, ненадолго уставившись глазами-звездами вверх, продолжал поедать добытого им жирного оленя. Но все же он издал грозный рык, и казалось, что при этом попадали листья с деревьев.

Орел же, плавно приземлившись на галечный мыс, огляделся, повел своими сверкающими глазами по сторонам и неожиданно заговорил человеческим языком:

- Я - великий повелитель

Среди птиц всех на земле.

*И послал меня Всевышний
Навести у вас порядок.
Потому что меж собою
Вы никак не сговоритесь.
У меня же силы хватит,
Чтобы вас утихомирить.
Я бегущего оленя
Слету справлюсь закогтить,
Клювом острым, как пешнею
Череп с ходу раздолбить.
У меня такая сила.
У меня такая хватка:
Если только я решусь,
Что тяжелого лося
Закогтив, взлететь смогу.
И, подняв на высоту
Гор Полярного Урала,
Скинуть так лося на землю,
Что останутся лишь кости,
Переломанные кости.
Мне ж останется лишь только
Мясо лакомое съесть.
Силе все моей подвластно,
Мощью всех я одолею.
И запомните все звери -
А о птицах речи нет -
Я в лесу лишь повелитель,
Я хозяин и в воде!*

Хозяин тайги - медведь, услышав такие до невозможности, на его взгляд, хвастливые слова лесного орла, вначале слегка встревожился, затем встал на задние лапы, чтобы издалека лучше разглядеть небесного пришельца. Медведь, закрыв

передними широкими лапами солнечные лучи, которые слепили глаза, начал изучать орла и тут же подумал:

*До чего же он наглец
И болтун к тому ж великий.
Ведь меня Всесильный Турам
Тоже к людям опустил,
На семи цепях стозвонных,
Чтобы я навел порядок
Среди птиц и средь зверей,
Только лишь людей не трогать.
Но такого хвастовства
Я средь птиц и средь зверей
Никогда еще не слышал,
И сдается мне, что где-то
Мы померяемся силой,
На земле святой и чистой
Болтунов быть не должно.*

После этих мыслей медведь закончил пиршество у убитого оленя и улегся на густой мох отдохнуть после сытной трапезы.

Долго ли коротко ли спал медведь, но вскоре был разбужен необычным гомоном речных чаек, халеев⁹, которые беспрестанно крутились у талового берега широкого сора. Внимательней приглядевшись, медведь понял, что халеи крутятся над сетями, которые были выставлены хантами. В сеть, очевидно, запуталась какая-то большая рыба, которую халеи, усевшись рядом у одного из колов ловушки, беспрестанно клевали. Это, конечно же, была попавшая в сеть огромная двухпудовая щука, которая делала мощные движения мускулистым хвостом, поднимая при этом мощную мириаду серебристых брызг.

⁹ Халей - птица, похожая на чайку, только больших размеров.

И тут же медведь увидел, как ширококрылый орел взлетел с галечной косы в сторону резвившейся стаи халеев над сетью.

Приблизившись к сети, примерно на высоте, куда могла долетать остроконечная стрела, орел прекратил полет, прицелился острыми глазами к плескавшейся в сетях огромной щуке, затем резко сложил крылья, наострил когти на двух мощных лапах и стал камнем падать в сторону добычи. Приблизившись к щуке на расстояние вытянутой руки, он сделал мощный удар лапами, и острые стальные когти впились в тело хищной щуки. Затем он вновь замахал своими крепкими размашистыми крыльями и почти без всякого напряжения поднял щуку вместе с сетью, которая надежно запутала в свои многочисленные ячейки подводного хищника. Недолго пролетев, орел уселся на прежнее место.

- Да-а, - подумал про себя хозяин тайги, следя за полетом птицы. - Силу-то орел действительно имеет немалую. Вон, даже одинокий кедр, куда запутался болтавшийся конец сети, вырвал вместе с корнями. А корни-то у кедра ой-ой! Они на несколько моих длинных прыжков стелются по земле. Пожалуй, нелегко придется мне, коль вступлю когда-нибудь с ним в схватку. И...

И мысли медведя тут прервал крепконогий лось, который выбежал из тальникового мыса, находившегося неподалеку от него и направлявшегося в сторону глинистого берега сора. Рогач, раскидывая комки мягкой глины из-под копыт, подошел к берегу и стал переплывать сор¹⁰.

Хозяин тайги, конечно же, не мог упустить такую удачу. К тому же, уже почти с неделю он не пробовал сочного свежего мяса и питался в основном различными лесными ягодами.

Медведь резво соскочил и длинными прыжками, почти в три сажени, помчался к берегу. Придя к берегу, он с ходу

¹⁰ Сор – 1. Пойма реки, затопляемая в половодье. 2. Ровное чистое болото.

ринулся в студёные струи сора - а время близилось в зиме - и, мощно загребая передними и задними лапами, погнался за лосем, которому до противоположного берега оставалось не более трех-четырёх бросков аркана.

Лось, увидев плывущего за ним хозяина тайги, прибавил скорость, но так же поступил и преследователь.

Только рогац коснулся своими длинными ногами дна, почти находясь у кромки берега, и готов был торжествовать победу, - ибо знал, что в скорости вряд ли уступит своему извечному врагу - как в это время медведь, сделав мощный прыжок, оказался на его спине. Хозяину тайги не стоило особого труда перегрызть шею лося и повалить его на землю. И победитель тут же приступил к обильной трапезе почти у самого обрывистого берега сора. В первую очередь медведь распорол живот и стал с аппетитом пить теплую питательную кровь лося, а затем приступил к внутренностям живота.

Все это, конечно, не мог не видеть орел, сидевший на вершине раскидистого кедра, который под его тяжестью прогнулся наполовину до земли. И орел подумал:

О, великая удача!

Бог послал такое счастье,

Здесь еды, наверно, хватит

Мне на целую неделю.

Только надо поначалу

Мне расправиться с медведем.

И могучий орел, резко оттолкнувшись могучими лапами, замахал крыльями. Конечно, в нем заговорил неудержимый инстинкт хищника, который он не смог подавить. Орел совсем забыл мудрое наставление Всесильного Турама, который неоднократно наставлял ему, чтобы не трогать зверя, имеющего силу ста лучников-воинов. Ведь медведь тоже, чуть раньше, был спущен Турамом на землю.

Но жадность и хищный инстинкт перебороли в нем доброе наставление Всевышнего. Зло взяло в нем верх над добром. А мы посмотрим, что будет дальше.

Увлечшись едой, хозяин тайги не сразу расслышал, как над ним что-то, словно широкими лопастями, разрывает воздух. Мигом взглянув наверх, медведь тут же увидел, как огромный орел, сложив крылья и молнией рассекая воздух, обрушивается на него. Нацеленные на него острые когти, словно отточенные копыя, поначалу на миг ошеломили его. Но он, тут же переборов нахлынувший страх, так же моментально пришел в себя, резко перевернулся на спину и вытянул свои лапы с не менее острыми, чем у орла, когтями и приготовился к схватке.

Медведь прекрасно и вмиг понял, что орла интересует в первую очередь не туша убитого им лося, а его самого. Зверь, имеющий силу ста лучников-воинов, сообразил сразу, что если воздушный разбойник запустит свои когти в тушу лося, то ему ничего не стоило бы вмиг расправиться с непрошеным «гостем».

И когда когти орла оказались на высоте воткнутого хорея, медведь, напрягшись, стремительно вспрыгнул и нанес передними лапами молниеносный удар по вытянутым лапам разбойника. Он тут же оторвал правую лапу орла, а его самого откинул подальше от себя. На расстояние пяти-шести саженей.

Орел, не ожидавший такого исхода, повалился на землю, взглянул на медведя сверкающими глазами и, издав громкий хлопок, тут же мощно взмахнул размашистыми крыльями и взмыл вверх. Только падали капли горячей крови из правой лапы, которую медведь оторвал у него.

Острая боль пронзила тело орла, и его осенила внезапная мысль: «Надо расправиться с озверелым медведем... И как я не догадался. Надо накинуть на него вырванную мною сеть. Медведь запутается в ней. И я тогда, я тогда... Все же у меня

вторая лапа цела, да и невиданную силу клюва еще в ход не пускал. Уж он-то обязательно раздолбит медвежий череп.

Утвердившись в этой мысли, орел подлетел к галечной косе, схватил лежавшую там сеть и вновь полетел к своему обидчику. На этот раз орел действовал осмотрительней. Он долго маневрировал над медведем и, выбрав удобный момент, накинул широкостенную сеть, сплетенную из жил крепких кедровых корней, на медведя.

Хозяин тайги вначале оторопел и стал в суматохе метаться туда-сюда, и тем самым он все больше, как рыба, запутывался в сплетенную умным человеком сеть. Порядочно устав, медведь, глубоко вздохнув, присел на глинистый грунт, который был им разрыт настолько, будто прошло здесь тысячное стадо оленей. Хозяин тайги стал лихорадочно соображать, что делать дальше. Тем более, что в этот момент, оглядевшись по сторонам, увидел на галечной косе грозного орла, который то и дело вытягивал свою шею, длиною, пожалуй, с пастушеский хорей, и не сводил взгляда с него. И тут у него созрела внезапная мысль: «Что же я делаю? Зачем мне метаться туда-сюда, как глупому зайцу. Я еще больше запутаюсь. Этого, наверное, и дожидается лесной орел. Для чего же Великий Турам дал хваткие когти?»

И он, выбрав в запутавшейся сети наиболее уязвимое место, стал двумя могучими лапами, сила удара которых переламывала хребет самого могучего лося, разрывать сеть. Медведь теперь уже не суетился, ибо понял, что это еще больше опутает его. И хозяин тайги, умело сведя лапы в одну точку, резко и во всю свою мощь раздвинул их. Тут же образовалась небольшая прореха, но вылезти через нее еще было невозможно. Повторил этот опробованный прием несколько раз, и спасительный выход был готов. Но в это время он увидел, что лесной орел опять закружил над ним. И

медведь решил мысленно: «Обману я его. Пусть подумает, что я все еще в путях. А сам вылезу и притаюсь. А он пусть подумает, что я лежу бездыханным. А когда орел спикирует на меня, сделаю резкий прыжок и оторву стальные смертельные когти второй, левой лапы».

Медведь решил действовать так, как замыслил. Он, притворившись мертвым, краешком правого глаза зорко следил за пикирующим орлом. И когда тот оказался на высоте воткнутого хорея, медведь, собрав все свои силы, оскалил свою пасть, сделал молниеносный прыжок и обеими могучими лапами схватил когти левой лапы орла, вмиг крутанулся, и мудро задуманный им план точь-в-точь осуществился.

Орел, издав громкий клетот, резко замахал широкими крыльями и взмыл вверх.

Медведь от большой удачи и огромной злости на обнаглевшего хищника тут же стал разгрызать своими острыми клыками левую лапу орла с пятью стальными когтями и приговаривал про себя:

- Будешь знать, небесный хищник,

Что нельзя такую наглость

Средь зверей и птиц иметь.

Я твои распутал мысли.

Как следы лесного зайца,

Захотевшего спать.

Ты же зарился не только

На меня. За то, что ловко

Повалил я рогача,

Ты позарился, помни -

На дешевую добычу,

На добычу, для которой

Ты и даже ноготка

Сил своих ты не потратил.

*Ну и главное, конечно:
Навести хотел ты страху
На лесных зверей и птиц,
Показать хотел ты силу,
И тем самым на земле
Стать жестоким властелином
Для лесных зверей и птиц,
И, быть может, Человека.
А теперь - лесной орел,
Будешь, видно, поумнее,
И, конечно, осторожней...*

Расправившись с оторванной лапой орла со стальными когтями, которые он специально тщательно и со злостью пережевал своими мощными клыками, медведь облизнулся, и приступил кушать мясо лоса, которого он добыл своим честным трудом.

А теперь посмотрим, что же стало с нашим коварным лесным орлом? Он, конечно, был очень раздосадован: ведь он остался без своего основного и страшного оружия - стальных когтей, которые могли вонзиться не только в теплое тело любого живого зверя или птицы, но даже и в дерево.

Теперь ему оставалось полагаться только на грозный клюв. Но он же был дан ему всевышним только для поедания пищи. И бедняге оставалось только одно: искать кем-то добытого зверя или птицу. А это уже значительно осложняло его дальнейшую тропу жизни.

Но хвастливый орел и здесь нашел выход. Он часто, плавно паря высоко над землей, почти в облачной выси, не раз и не дважды видел, как ханты рано поутру шли на охоту по берегу сора осматривать свои петли и слопцы¹¹, настороженные на боровую дичь. Видел и то, что домой охотники возвращались с

¹¹ Слопцы - ловушки на мелкого зверя.

тяжелой ношей на плечах - со связками глухарей и тетеревов. Зоркий глаз хищного орла, конечно же, даже с такой высоты не мог не заметить, что охотники вынимали добычу с выставленных ими ловушек. И эти места он хорошо запомнил. Да и как не запомнить, коль он с подоблачной выси видел пробегающего по земле не только зайца или лисицу, но даже и юркого горностая, и прыткого мышонка. От его острого зрения не ускользнуло и то, где охотники порою прячут добытую дичь, когда ее попадалось в ловушки столько, что они не могли на своих плечах дотащить до дому. И теперь он пищей был обеспечен в достатке. Охотники, осматривая свои ловушки, частенько не досчитывались многих глухарей и тетеревов, а порою в тайниках, где временно оставляли добытую дичь, находили только кучу разбросанных на десятки саженой перьев. Озадаченными оставались охотники и в лесу, гдеставляли петли на оленей и лосей. Здесь зачастую находили только облизанные копыта и кости лесного животного.

Все это, конечно, не мог не видеть Всевышний Турам, и он был страшно возмущен разбойничьими повадками лесного орла. Турам видел и то, как ханты после осмотра ловушек тоже приходили в большую ярость. Не зная, как бороться с воздушным разбойником, они в один из дней занялись жертвоприношением. Выловив самого жирного белобокого оленя, люди пришли к священному мысу. Заколов оленя и поставив чашки со свежим оленьим мясом, чтобы угостить духов земли и воды, ханты уселись вокруг костра и семь раз прокричали в бескрайние просторы Высокого Неба, приговаривая:

*О, родной Великий Турам,
Самый умный, самый сильный,
Власть имеешь ты большую
На Земле да и на Небе.*

*Помогите, очень просим,
Хоть бы краешками глаз
Вы на нас взглянули сверху.
Здесь лесной Орел покоя
Не дает ни днем, ни ночью.
Всю добычу отбирает,
Нам лишь кости остаются.
Коль продолжится так дальше,
Все мы с голоду помрем.
О, родной великий Турам!
Обращаемся лишь к Вам,
Больше некому помочь.
Поглядите: наши слезы
Ручейками уж текут
Посмотрите, вскоре сами,
Каждый день недоедая,
Превратимся мы в тростинки.
Помогите, очень просим,
Лишь на Вас одна надежда,
Только в Вас одно спасенье.*

Жалко стало Великому Тураму несчастных хантов - ведь они действительно без еды могли протянуть руки и ноги. И он решил помочь, заговорив:

*- О, лесной орел могучий,
Я послал тебя на землю,
Чтобы птиц всех успокоить,
Мир и счастье подарить.
Ты занялся же разбоем,
Горе людям лишь несешь.
Я терпел тебя все время,
Но терпению конец
Наконец-то наступил.*

*Укрощаю твои силы,
Станешь ты совсем другим.*

И тогда шевельнул указательными пальцами левой руки Великий Турам, и произошло невероятное.

Грозный лесной орел, наводивший страх на все живое, моментально уменьшился в размере, может, в тридцать раз, может, в семьдесят раз, и он стал птицей обыкновенных размеров, каким является на сегодняшний день. И что удивительно, рядом с орлом появилась и орлиха.

Ханты, увидев такое чудное превращение с лесным орлом, до самого заката солнца молились Великому Тураму, и, говорят, еще семь дней приносили они жертвоприношения ему, который избавил их от жадного и грозного всесильного и безжалостного воздушного разбойника. Не зря ханты в старину говорили: «Земле приносящие зло всегда исчезают, как ветер».

Люди, наблюдавшие за тем, как некогда могучий орел превратился в маленького орла и орлиху, тоже были немало удивлены. И они посчитали, что это возможно только священной птице, обладающей необыкновенным волшебством.

С тех далеких пор древние ханты стали почитать орла как священную птицу, и поэтому они никогда не стреляют в него стрелами из упругих луков, а сейчас и из ружей.

И орел тоже перестал трогать добычу в ловушках человека. И стали они жить да поживать. Еще ни разу не случилось, чтобы хант разорял орлиные гнезда. Территория, прилегающая к дереву, где орел свил гнездо, считается священной. А в древние времена ханты приезжали на это место и устраивали пышные жертвоприношения. Да продлится их дружба на долгие века.

Источник: Ругин, Р. П. *Легенды и мифы народа ханты [Текст] / Р. П. Ругин. - Салехард : Красный Север, 2008. - 433 с.*

ПОРАХ НЁЛ

Когда-то в давние времена жил на еще безымянном тогда мысу смелый охотник по имени Нятама. Быстрыми были его ноги, крепкими руки, -самого сильного лося мог заторопить он в снежную пору, одной стрелой мог сбить летящего гуся, а капканы на зверя ставил так хитро и ловко, что ни осторожной лисе, ни разбойнице-росомахе не удавалось их обойти. Своим хулты пуном - ловушкой для рыб - Нятама не раз вылавливал из Оби больших осетров, а о прочей рыбе и говорить нечего - она сама так и шла к нему в сети.

Всего у Нятама было вдоволь: и запасов съестных, и мехов драгоценных. Одного не хватало удалому охотнику - счастья. Не было у него ни жены, ни невесты. Один он жил, бобылем. Тоска съедала его сердце.

И вот однажды сидел на мысу Нятама, печально глядел на бегущую мимо реку. И вдруг видит парус чьей-то бударки. «Чей это парус?» - подумал охотник.

Когда суденышко подошло к берегу, он увидел, что правит бударкой мужчина, а на корме сидит нарядно одетая молодая девушка.

Внезапно налетел сильный ветер и понес бударку на каменный перекат. словно вставшие на дыбы медведи, вспенились волны, ударил гром, и kloкочущий водоворот в одно мгновение поглотил лодку, только дно ее мелькнуло в ревущих бурунах!

Когда Нятама подбежал к воде, мужчины уже не было видно, а девушка, как-то вынырнув, еще цеплялась руками за борт перевернутой лодки. Охотник спустил свою высокую лиственничную колданку¹² и поспешил ей на помощь.

- Кто ты? - спросил Нятама спасенную девушку.

¹² Колданка – маленькая лодка рыбака-ханты.

- Я невеста того человека, который погиб, - ответила она и заплакала. - Он увез меня из селения Порават. Мы собирались с ним пожениться.

- Как твое имя?

- Тутья...

Нятама взял ее, обессиленную, на руки и понес в дом. Развел огонь, дал девушке сухую одежду, напоил горячим чаем, настоящим на брусничных и смородиновых листьях.

- Как ты красива, Тутья, - сказал он. - Никогда прежде не видывал я такой красоты!

Девушка и в самом деле была удивительно хороша... Нежнее первого весеннего цветка была ее кожа, ярче алой зари полыхал на щеках румянец.

На следующий день девушка заболела. Она бредила и стонала, металась в страшном жару. Словно малого ребенка выхаживал ее Нятама: отпаивал травяными отварами, давал ей медвежью желчь, готовил сытную пищу.

Когда Тутья поправилась, Нятама спросил:

- Скажи, Тутья, могла бы ты стать моей женой?

Нелегко было вдове-невесте ответить на этот вопрос. Долго думала она, не одну чашку чая выпил за это время в сильном волнении храбрый охотник. Наконец Тутья сказала:

- Спасибо тебе, Нятама, за это! Ты жизнь мне спас, - разве смею я тебе отказать? Но ведь я любила своего жениха... И не знаю, смогу ли полюбить тебя... Смогу ли принести тебе счастье...

- Но, может, со временем сердце твое сжалится надо мной?

- Разрешите мне пойти на берег. Я буду стоять там семь дней и ночей, прощаясь с душой моего жениха. А потом... отвечу тебе согласием. Ты же... всю эту неделю не приближайся ко мне.

Тутья встала у самой воды и устремила свой взор в речную глубь.

Так она провела семь дней и ночей. Солнце и дождь сменяли друг друга, а Тутья стояла не шелохнувшись. Ветры несли на берег песок и мелкую гальку. Всю неделю не пила и не ела девушка, только дождевыми каплями, попадавшими ей на лицо, утоляла иногда свою жажду.

На седьмое утро, решив, что запрет уже кончился, охотник побежал на мыс... И увидел: девушку занесло песком - с правой стороны по самое ухо, с левой - до плеча. Принялся он ее откапывать, а она уже не дышит...

Так и осталась прекрасная Тутья верна своему жениху.

С тех пор и прозвали этот мыс Порах Нёл, что значит «Одноплечий».

И сейчас этот мыс красуется на одном из поворотов могучей реки Обь.

Источник: Ругин, Р. П. Легенды и мифы народа ханты [Текст] / Р. П. Ругин. - Салехард : Красный Север, 2008. - 433 с.

ОСЕТР

Стоял тихий солнечный день. Поверхность воды на Оби словно лоснилась жиром.

Вдруг на середине реки что-то зажурчало, словно тысячи волн во время шторма ударились о высокий крутой берег.

Это, оказывается, огромный осетр, подобно большому острову, поросшему лиственницей, всплыл наверх.

От его всплытия поднялись высокие волны, которые, переливаясь и пенясь, понеслись по реке от одного мыса к другому. Такие большие волны поднял осетр.

Вздыбившиеся волны, ударившись о берег реки, моментально смыли стоявшие у воды большие лодки и

маленькие колданки. По берегам Оби словно промчался сильный шквал, крушащий все на своем пути.

- Ха-ха-ха! - засмеялся, хвастаясь своей силой, осетр. - Я на Оби самый сильный. Пластины моей стальной кольчуги самые крепкие. Если к ним прикоснется человеческая рука - вмиг рассекут надвое. А если попадетя бревно, то и его моментально надвое распилят. Встретится лодка человека - я ее своей стальной головой в щепки раздолблю и осколки на расстояние семи поворотов реки, семи мысов закину.

- Кто на берегах реки может быть сильнее меня? - хвастаясь, спросил осетр.

Земля притихла, словно затаила свое дыхание.

Живущие в лесу четвероногие звери, обитающие в лесу двукрылые птицы, услышав такую угрозу, вздрогнули, попрятались и затаили дыхание.

- Ха-ха-ха, - опять похвастался осетр. - Я так и знал. Я - самый сильный. Я - непобедимый!

И осетру пришла в голову мысль: размахнусь-ка я еще раз своим могучим хвостом, ударю-ка я по воде и еще раз переверну мутные и глубокие воды реки.

Он хотел волнами, которые вздыбит своим мощным хвостом, смыть зверей, попрятавшихся в прибрежных лесах, и закинуть их в обскую пучину.

В это время со стороны обской кручи тихо-тихо проговорила маленькая елочка, которая еле-еле показала свою колючую головку из-под мягкого и влажного мха:

- Я сильнее тебя.

- Кто это там еле мямлет? Почему я не вижу тебя? Где ты?

Могучий осетр повыше приподнял свою большую голову над поверхностью воды.

- Я, я, маленькая елочка. Я сильнее тебя, хвастливый осетр.

Оскорбленный осетр не на шутку рассердился. И пришла ему мысль наказать эту глупую елочку, смыть ее волнами и закинуть до устья реки, где та впадает в ледяное море.

Самонадеянный осетр собрал свои силы и намеревался мощным ударом хвоста гребануть воды Оби и прикончить смельчака на берегу. Он так и сделал. Размахнулся могучим хвостом и рванулся в речные глубины.

Так, рассекая плотные струи воды, мчался осетр, оставляя за собой длинные жгуты.

Вскоре осетр слышит - вроде бы он стал легким. Оглянулся: стальные его доспехи, которые веками служили ему верой и правдой, словно кто-то снял с него, и они погрузились в мутные глубины Оби.

Опять рванул воду своим хвостом осетр - но нет уже прежней силы, нет уже тех волн, которые все крушили на своем пути.

Вновь всплыл на поверхность воды осетр и огляделся, - оказывается, он стал величиной с маленький обрубок бревна.

Стыдно стало некогда могучему и всесильному осетру, и он с досады побыстрее погрузился в реку, подальше от глаз зверей, птиц и людей.

Плывя под водой, вдруг почувствовал, что запутался. Это он попался в сеть, сплетенную человеком из жил дерева, из грубых нитей ели. Стал рваться и метаться осетр, но еще сильнее запутался. И, обессилев, заплакал.

А в это время со стороны обской кручи донеслись слабые слова маленькой ели:

- Никогда своей силой не хвастайся, никогда своей мощью не бахвалься.

Источник: Ругин, Р. П. Легенды и мифы народа ханты [Текст] / Р. П. Ругин. - Салехард : Красный Север, 2008. - 433 с.

ПОЧЕМУ ЛЕБЕДИ БЕЛЫЕ

Давно это было. На земле только-только первые четвероногие звери и двукрылые птицы появились...

Собрал в один из весенних дней Вой Турам - Дух Лесных Зверей и Птиц - своих подопечных всех вместе и говорит:

- Хочу каждому из вас отдельный цвет дать. И вам веселей будет, и мне приятней вами любоваться. Ну, говорите, кому какой цвет нужен!

- Мне - черный! - крикнул крепкокрылый горбоносый турпан.

- Мне - серый! - загоготал гусь.

- Мне - все цвета радуги! - закричал широконосый соксун. Крики так и неслись со всех сторон. Волшебный Вой Турам тут же исполнял желание птиц, они на глазах преображались и, радостные, улетали прочь.

Остались только лебедь с лебедихой, имевшие тогда невзрачный бурый цвет.

- Ну, а вы какой хотите? - спросил Вой Турам. - Всех я уже осчастливил, - а вы-то чего молчите?

- Думаем! - дружно ответили лебеди. - Думаем.

- Ну и как - надумали?

- Надумали, Вой Турам. Мы хотим стать белыми. Совсем-совсем белыми!

- Хм... Интересно. Это почему же?

- Потому что мы любим друг друга, не можем один без другого жить. И хотим, чтобы наша любовь была чистая-чистая! Как только что выпавший снег...

- Хм... Ну коль и вправду не можете жить друг без друга, то и перекликайтесь меж собой всегда так: «Хо-танг? Хо-танг?», то есть «Где ты? Где ты?» - чтобы, значит, никогда не терять друг друга...

Махнул Вой Турам своей волшебной рукой, и лебеди тут же превратились в белоснежных красавцев.

С тех пор они и кричат всегда «хо-танг, хо-танг», и любят друг друга до самой смерти, и жить друг без друга не могут...

Источник: Ругин, Р. П. Легенды и мифы народа ханты [Текст] / Р. П. Ругин. - Салехард : Красный Север, 2008. - 433 с.

ОСТРОВ ШИЯН

В древние времена это было.

Сто раз, может, на этом острове рождались и умирали многовековые деревья: кедры, ели, лиственницы и березы.

Приехал как-то к осени на этот остров, тогда еще безымянный, охотник Ими Хилы срубить толстый кедр и смастерить из него для себя легкую колданку. И вот он пустился по острову. Шагая между деревьями и высматривая для себя подходящий кедр, неожиданно увидел красивую девушку.

Щеки пылали у ней подобно пламени жаркого костра, глаза были темнее поспевшей черной смородины, тонкие губы исходили свежестью утренней румяной зари, на уши были навешаны вместо сережек поспевшие морошки. Все лицо излучало такую красоту, что от долгого взгляда могли ослепнуть глаза. И выглядела она стройней небесной радуги.

Закружилась от такой невиданной красоты голова и сердце Ими Хилы. Забыл он, зачем явился на остров, и увлекся увиденной красавицей Земли и Неба.

Разговорились. Ими Хилы тут же, чтобы она не досталась другому мужчине, предложил ей стать его женой.

Девушка - ее звали Айнэ - ответила:

- Вижу я: смелый ты юноша. В руках крепко держишь топор, тетива лука из лосиной шкуры за плечами тугая. И красотой ты не обижен. Вышла бы я за тебя. Но я каждую осень превращаюсь в лебедицу и улетаю на зиму в теплые края. Через три дня и три ночи за мной прилетит лебедь-отец, сядет на озеро, кликнет три раза, и я вмиг обрасту крыльями и превращусь в птицу.

- Почему? - крепко взял девушку за руки Ими Хилы. - А сможешь не превратиться в птицу? А если я этого не допущу?

- Нельзя, парень, - ответила Айнэ. - Я убитая лебедица. На этот остров ежегодно весной прилетали лебедь и лебедица. Они здесь вили гнездо, откладывали яйца и выводили потомство. Несмолкаемым радостным криком наполнялся летом остров от маленьких лебедей.

Это не понравилось злой ведьме острова Порнэ Ими, которой веселый крик лебедей мешал спать. Она решила лебедей лишить потомства и убить лебедицу. Выстрелила Порнэ Ими однажды весной своей черной стрелой в лебедицу, и вода озера окрасилась кровью птицы. Долго не хотел улетать лебедь-самец, но страшный вид Порнэ Ими заставил подняться его в небо. Для того чтобы наводить страх на лебедя-самца, Порнэ Ими повесила на толстый сук березы труп лебедицы. Со временем убитая лебедица срослась с деревом, став огромным наростом - шияном, похожим на фигуру лебедицы. И эта одеревеневшая лебедица каждый год рождает меня в виде девушки. А осенью лебедь-самец уводит меня с этого острова.

- О, нет! - сказал Ими Хилы, услышав рассказ Айнэ. - Я не допущу, чтобы ты превратилась в лебедицу. Я найду эту злую Порнэ Ими. Я убью ее в честном бою...

- О, Ими Хилы! Это очень трудно. Но я знаю, как это сделать. Мне об этом во сне нашептала добрая фея острова Мошнэ.

- Что нашептала? Расскажи, расскажи! Я все сделаю!

- Надо срубить нарост на березе - отвердевшую фигуру моей умерщвленной матери. И из этого нароста надо смастерить фигуру лебедицы, чтобы была как живая. Тогда прилетит лебедь-самец, подсядет к ней, кликнет три раза и, не услышав ответного крика, щипнет плавающую фигуру за клюв, и та превратится в мать-лебедицу. И счастливая пара, три раза прокружившись над островом, улетит в теплые края. А я тогда навечно останусь человеком и смогу выйти за тебя замуж.

Обрадовался Ими Хилы от этой доброй вести.

Тут же срубил нарост на дереве. И три дня и три ночи, не смыкая глаз, мастерил фигуру лебедицы. Все мастерство приложил к этой работе Ими Хилы, всю теплоту и доброту своего пылкого влюбленного сердца.

И фигура получилась на диво! Как живая!

Ими Хилы спустил ее в воды озера, и она закачалась на ленивых волнах. Издали трудно было отличить ее от живой.

Уставший от долгой, напряженной работы, Ими Хилы на четвертые сутки крепко уснул.

Проснулся к вечеру. Лучи закатного солнца залили гладь небольшого озера, словно настлана была там тысяча белых оленьих шкур.

А над островом, издавая прощальные крики, три раза прокружилась пара лебедей и удалилась к югу.

Ими Хилы, обрадовавшись, что наконец-то девушка станет его женой, кинулся со всех ног к месту их постоянной встречи. Он мчался так быстро, что из-под его пяток вылетал мох, долетавший до вершин стоявших рядом деревьев.

Пробегая около берега озера, он увидел плавающую, вырезанную им фигуру лебедицы.

- Так ты не превратилась в живую лебедицу? - сказал огорченный Ими Хилы. - Значит, зря я столько времени, три дня и три ночи, старался. Значит, обманула меня девушка?

Разозленный Ими Хилы вытащил из-за плеча свой тугой листовенничный лук, положил на тетиву острую стрелу, прицелился и выстрелил.

Стрела угодила прямо в голову, и в тот же миг раздался душераздирающий крик:

- Что ты наделал, Ими Хилы?! Это же я была, Айнэ! Я же хотела в последний раз поплавать по озеру, в последний раз полюбоваться своим чудным отражением. А затем хотела вылезти на берег и расстаться с одеждой птицы, навеки стать твоей верной женой. А сейчас... - И она, уже истекая кровью, еле выговорила: - Повесь меня на ту березу, под которой стоишь, как мать мою...

Повесил Ими Хилы ее на берегу на эту березу.

И на ней с тех пор и вырос опять такой большой шиян-нарос. С этого времени и остров называли Шиян, что означает нарост на березе.

А Ими Хилы с горя уселся рядом с березой и умер. И где он сидел, вырос многовековый кедр с раскидистыми, искривленными ветвями. И даже сам ствол скрючился. От горя, говорят люди. Мол, сердце Ими Хилы страдает и мучается в сердцевине старого кедра.

Источник: Ругин, Р. П. Легенды и мифы народа ханты [Текст] / Р. П. Ругин. - Салехард : Красный Север, 2008. - 433 с.

ТАНЬЯ-БОГАТЫРЬ

Давно замечали пастухи-оленоводы болота, которые и в жгучие морозы не промерзали, дымом курились.

- Дурной дух из земли идет! Олень морду воротит в сторону,
- сокрушались пастухи.

А олени сердито били крепкими копытами богатые мхом кочки, фыркали широкими ноздрями и бежали прочь из этих мест — вкусный чистый мох искать, который летом пахнет грибами да сочными ягодами, морошкой и клюквой.

- Побежал олень! Видно, земное тепло близко! - говорили оленеводы. Собирали, складывали на нарты свои чумы и шли дальше от этих мест.

Случалось и рыбакам на озерах видеть, как плавали на волнах большие черные жирные пятна.

- И сюда земное тепло из земли вылезло, — говорили они.

А охотники - те половчее: найдут где в низине между кочками воду жирную да пахучую - подожгут ее. Вспыхнет пламя, озарит округу и начнет слать тепло.

Хоть с опаской, а все тянулись к теплу: руки, ноги погреть у костра, чаю попить.

Сидят у огня, про всякие небылицы лесные рассказывают; ну, конечно, и про земное тепло не умолчали, про Танью-богатыря вспомнили, и давно это было... Когда еще могучая Ась¹³ в берега не входила, когда вместо озер, болот море-океан на просторе гуляло, когда на месте великанов пихтачей тонехонькие тальники на ветру свистом свистели, напали на племя Алыча князя богатые с войском сильным. Много дней подряд стрелы свистели в воздухе, валили без жалости стариков и детей малых. Храбро дрались воины племени Алыча, да не хватало сил. Одолели их враги. Крепким сном уснули воины.

Сколько стонал от ран Алыч-воин, никто про то не знает, только разве птица-халей.

¹³ Ась – один из вариантов названий у ханты реки Обь.

Не хотелось умирать воину. Не хотелось отдавать свои угодья богатые врагам. Видит Алыч - халей летает, машет с утра до ночи крыльями, будто ищет кого. А вокруг тишина стоит: вся округа смолкла-вымерла. Вдруг в испуге как прокричит халей:

- Лах! Лах! Лах!

Вздрогнул Алыч, хотел приподнять голову, а в глазах круги темные вертятся, а халей все кричит, будто зовет воина. Собрал силы Алыч, приподнял голову и видит: по другую сторону реки войско движется. Пал Алыч к земле, будто прильнул, и зовет шепотом:

- Халей! Халей!

Услышал острокрылый халей, крылья сложив, камнем свалился.

- Лети, халей, к Танье. Поначалу по могучей реке лети, ни в одну протоку не сворачивай. А как увидишь косу песчаную, а за ней протоку черемушную, тут и ищи его. Танью сюда пошли. У Таньи оленей нет. У Таньи пастбищ нет. У Таньи доброе сердце есть. - И закрыл глаза Алыч.

Тише комара взлетел халей, прижался к реке, крыльями воду режет. Долго летел вдоль реки могучей, а как увидел косу песчаную, потом протоку черемушную — давай кричать:

- Лах! Лах! Танья-богатырь! Лах-лах, Танья-богатырь!

Парит в воздухе, расправив крылья, слышит, как рыба в реке играет, плавниками о воду бьет; слышит, как ветер с тальником разговор ведет. А Танью не видит. Дальше полетел халей, леса дремучие пошли, а он снова кричит:

- Лах-лах! Танья-богатырь! Лах-лах, где ты?

Снова к реке могучей вылетел. Веселее по ней лететь халею. Вдруг грохот в стороне раздался. Вздрогнул халей, одно, потом другое перо с усталых крыльев на воду пали.

Видит халей — богатырь по колено в воде стоит. На нем рубаха красная, замысловатыми узорами расшитая, тугие две косы, нитками разноцветными переплетены, а вокруг пояс широкий с амулетами да табакерками; нож большой охотничий, мешок кожаный со стрелами, лук огромный, через плечо перекинутый. Стоит богатырь, руками-веслами друг о дружку хлопает. А от этого вокруг грохот стоит страшнее небесного.

Догадался халей, кто это такой, и, закрыв глаза, к Танье полетел. Да не донесли крылья птицу, в полете измученную, пал халей поодаль на гриву песчаную, слышит плеск воды, да головы поднять, крылья расправить сил нет.

- Танья-богатырь! Танья-богатырь! - шепчет халей.

Подошел богатырь, поднял халея, расправил крылья да спрятал себе за пазуху. Скоро тепло Таньи оживило халея.

- Зачем дорогу большую летел? Зачем Танью звал? - спросил богатырь.

- Воин Алыч послал Танью искать, а найду - сказать: пусть вперед ветра летит Танья, не то всю землю враги топтать будут.

Выпрямился Танья-богатырь. Плечи расправил да говорит халею:

- Обожди. Силы от родной земли-воды набраться надо.

Пошел к реке Танья, по колено встал и давай воду пить пригоршнями. Пил, пил, пока его нярки¹⁴ из воды не показались. Повернул круто Танья да к лесу направился. Схватил сосну под самый комель да на берег с корнем легохонько вышвырнул. Подошел к кедр, потянул да сам по колено в землю увяз, а кедр только ветками помахивает.

Снова вернулся Танья к реке, снова по колено в воду встал и пил, пока река наполовину меньше не стала. Полетели тогда

¹⁴ Нярки — меховая обувь.

к берегам кедры, пихтачи и лиственницы, а халей со страху спрятался в тальниках прибрежных да за Таньей поглядывал.

- Как не увидеть шерсти на оленьих копытах, так врагам земли нашей не видать! - громом прокричал Танья и пал на колени лицом к солнышку, поклон низкий земле отца-матери послал, горсть земли поцеловал да в лузан¹⁵ спрятал, перекинул лук и крикнул халею: - Не отстань от меня, птица!

И замерял Танья землю шагами-верстами. На широких лугах трава к земле гнулась, молчаливая тайга расступилась, ветер крылья свои отдал Танье.

Раз один да еще один солнце пряталось за дремучий лес, а когда покатило в третий раз, услышал Танья знакомый крик птицы-халея. Остановился Танья. Видит: халей низко у земли летит. Прислушался Танья. Слышит стон кругом. «Неужто земля человеком стонет?» - подумал богатырь.

А стон все громче да громче, прямо за сердце ловит Танью.

Выбежал богатырь на берег да замер на миг. На берегах воины будто уснули, только черной тучей над ними вороны кружат, орут. Поодаль в логу костры горят, а по могучей реке чужие колданки плавают. Притаился Танья, ночи скорой дождался да Алыча-воина искать стал. Долго ходил по берегу, через убитых братьев перешагивал. Да снова услышал халея стон. Побежал Танья на крик, тут и Алыча нашел.

Взглянул Алыч в чистые глаза Таньи, вздохнул полной грудью, и слеза теплая по щеке покатилась. Взял богатырь ее в ладонь да к реке могучей отправился. Опустил в реку слезу воина, почернела река, расходилась, волны вздыбила, опрокинула, смыла с берегов колданки все. А Танья тем временем достал из лузана землю родную да всю на берег высыпал. Застонали, проснулись, поднялись воины храбрые, схватили луки свои и снова в бой пошли. Прогремел Танья

¹⁵ Лузан – охотничья сумка.

громким голосом, затряслись деревья могучие, с перепугу птицы на разные голоса заорали, тучей в небо взлетели, солнце закрыли.

Взглянул вдаль Танья, тяжело вздохнул: не видать конца и края войску вражьему.

- Ничего, Танья-богатырь. Веди нас, - проговорил Алыч-воин. - На родной земле и заяц силен.

И пошел Танья на смертный бой. Стрелы тучей в Танью летели, а он словно от комариного роя отмахивался. Развернет плечи Танья, только кости хрустят, и летят тогда враги в разные стороны. Кто в реку летел, кого богатырь через лес перекидывал, кого к небу подбрасывал.

Сколько шел тот бой, разве только Торум знает, не запомнить человеку. Перебили врагов. Тихо стало. Приумолкла река, пригорюнился лес. И опять войско спит мертвым сном, теперь беспробудным сном. Не осталось у Таньи живительной земли целованной, земли от отца-матери.

Только Алыча-воина в этот раз стрела не задела, не ранила. Видит Алыч: Танья к реке тяжело идет, пошатывается да и повалился вдруг от усталости или от многих ран, не понял Алыч. Побежал к Танье и видит, как у него из глаз свет выкатывается, а из ран всех кровь густая горючая хлынула. Подбежал Алыч к реке, притащил воды в пригоршне, только губы Танье помазал, а кровь так и свищет, так и хлещет.

Захотел Алыч ближе к реке подтащить богатыря, хватить - не может. Силой бог не наградил Алыча. Давай бегать Алыч к берегу да к Танье, как горностай, туда-сюда. Одну рану водой зальет, десять других открываются. А Танья-богатырь распластал руки в разные стороны, обнял землю и захрапел.

Видит Алыч - нет толку от старания его. Сел Алыч около Таньи, задумался. «Птица мест родных не забывает, а человек

и подавно, - думает воин. - Надо Таню тащить к земле отца-матери».

Нарубил Алыч ваги¹⁶ из молодых сосен, уложил на них Таню и поволок. По лесам волок и лугам, около озер и болот. А из ран Тани кровь ручейками горячими в землю пряталась.

Долго вез Таню Алыч, долго плутал по тайге. Обернется, поглядит и заплачет воин: Таня-богатырь все меньше и меньше становится. Да, видать, привез Алыч Таню на родную землю. Открыл Таня глаза, вздохнул глубоко да и потерялся весь, только глубокая яма на этом месте осталась да блеском черным вода на озерах, болотах покрылась вокруг.

- Посиди, отдохни, я след Тани посмотрю, - сказал халей Алычу и улетел.

Долго летел халей. Прилетел, сел на вагах, где Таня лежал, закрутил головой из стороны в сторону, снова взлетел и прокричал на лету:

- Плачь не плачь - нет Тани. Нюхай не нюхай — все кругом Таней пахнет. Когда солнца светить не будет - тогда люди Таню забудут. - И улетел халей, жалобно крича.

Долго думушку думал Алыч-воин, как рассказать людям о Тане-богатыре, о его горячей кровушке, что вся в землю ушла.

- Река сохнет — название остается. Богатырь погибает - имя в народе живет, - говорил всем Алыч.

Не дожил и Алыч-воин, не узнал, что нашли люди земное тепло и что горячую кровь богатыря Тани нефтью звать стали.

Источник: Анисимова, М. К. Сказы [Текст] : по мотивам сказок, легенд, мифов народов Обского Севера и Приполярного Урала / Маргарита Анисимова ; [послел. А. П. Зенько]. -

¹⁶ Вага — длинный шест.

ОГОНЬ НАДО ЧТИТЬ...

Когда-то вот какой случай был. Жили две женщины в разных семьях, у каждой были дети. В одной семье никогда не забывали думать и заботиться об Огне и его доме — чувале¹⁷, печке, костровище. Вещи все убираются, чистятся, люди молятся. Женщина всегда готовила пищу для Огня: смолистые щепки, стружки, сухую бересту.

Она в любую погоду могла развести Огонь, он отвечал добром, теплом, радостью и нежностью. Другая же женщина, не зная, где она родилась, кто ее мать была, совершенно не заботилась об Огне. Если дрова были сырыми и Огонь не разжигался, она ругалась, могла оскорбить его. Однажды она со своей семьей оказалась в пути, холодная темная ночь застала их. Решили ночевать. Огонь ни за что не разжигался, а она продолжала ругать его. Женщина пробовала менять место, думала: в другом месте можно развести костер. Так Огонь нигде не разжигается. Когда пришла женщина в отчаяние, вот-вот застынут все: она, дети, муж, Огонь заговорил: «Вот что, если ты отдашь мне самого маленького ребенка с люлькой, тогда я разожгусь, а иначе — никогда тебя греть не буду». Женщина вынуждена была отдать ребенка с люлькой Тут Ими. Это было тоже очень давно, таких женщин уже нет. И вот что надо помнить: Огонь чтите больше самого близкого человека, одаривайте, заботьтесь о нем.

Источник: Вагатова, М. К. *Моя песня, моя песня [Текст] : стихи. Легенды. Сказки* / М. К. Вагатова ; худож. Г. Райшев. - Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во : Новое время, 2002. - 192 с. : ил.

¹⁷ Чувал – очаг, огнище.

Белое птицы крыло

Сказка – Чудо!..

Благодарю Бога за время моего детства, хотя оно совпадало с очень трудным периодом жизни нашей Родины: шла Великая Отечественная война, затем неимоверно тяжелые послевоенные годы...

В эти годы жило особое стальное поколение людей, они победили, сберегли Россию, Жизнь и детей...

Человек рождается на свет жить, вести Жизнь и защищать Жизнь!

По мере роста и развития малыши входят в Жизнь. Пути вхождения в нее разные. Дети видят, как живут люди, прежде всего родные, окружающие люди. Сколько помню, когда день кончается, наступает вечер. Это было самое интересное, радостное время. Оно начинается со сказки...

Старшие люди поочередно становились сказителями. Это были дедушки, бабушки, отцы и матери...

В Юильске, где я жила в детстве с бабушкой Екатериной Максимовной, был дед – сказитель Павел Артемьев – одинокий, добрый, светлый Человек!

- Ну, слушайте сказку, если есть еще место для нее в ваших душах, - начинал он свое слово.

Вмешался в его речь мой дед Николай Александрович Вагатов: «Как же нет места для сказок в наших Душах. Душа Человека, дети, бесстенна и бездверна как и Дом Бога... Рассказывай!» - обратился он к гостю.

А про Дом Бога мы уже знали тоже из сказок, что он бесстенный, бездверный мир, где живут наше Небо, наше Солнце, наши Звезды, наша Луна, и наша святая Земля...

Да, сколько сказок, легенд, песен прошли через наши Души! Это настоящая кладезь! Старшие люди считали их одним из главных средств воспитания Человека, пополнения его Души вековыми ценностями. Герои сказок оказывались в разных жизненных ситуациях, они вынуждали их искать возможности выйти из них. Какое богатство приключений, обстоятельств! Герои сказок находят разнообразные пути их решения!

Так человек через сказки входит в Жизнь! Сказка бесценна, сказка – Чудо! – так в моем сердце поселилась она. Люблю сказки и сейчас, став пожилым Человеком, пишу сама сказки для детей...

М. Вагатова,
хантыйская поэтесса

ХИЛЫ И АКИ ЧЕРНОЕ СЕРДЦЕ

Хантыйская сказка

На перепутье семи соров, на перепутье семи рек жил Хилы со своей бабушкой, звали ее Има. Это были самые добрые, самые честные люди, и поэтому земля и воды не жалели своих даров для них, солнце им дни освещало, луна им ночи освещала, людское зло не трогало их сердца.

Очень гордилась Има любимым внуком. Он был умен, ловок, храбр. Какой бы день ни настал на земле, Хилы не сидел дома — он проверял ловушки. Попадал ли зверь, ловилась ли рыба в них, мы не знаем, но одно место, где ловил он налимов с большими и жирными максами, длиною в сажень, знали все люди семи соров, семи рек. Если кого застала неудача в пути, если в доме стало пусто и в котле варить нечего было, то Има и Хилы не скупились на помощь. Все считали, что за добрые души их земля дала им это место.

Так жили они, долго ли — тоже про то не знаем.

Но однажды случилось вот что. Пришел Хилы к своей налимьей ловушке, глазам не верит, думы и мысли отгоняет, которые тут же подсказывают ему недоброе: кто-то только что проверил морды¹⁸ и всю рыбу взял. Стоит Хилы, а ноги словно сетью опутаны, мимо него бегут то холодные ветры, то теплые ветры и шепчут ему: «Да, ты не ошибаешься. Недобрый человек только что был тут, проверил твою ловушку и унес добычу».

Люди семи соров, семи рек никогда не слышали о таком, не видели такого.

Стал думать Хилы, как найти этого злодея и как его наказать. В его человеческое сердце не вмещалось чувство, которое принес этот злой человек, посмевавшийся проверить чужие ловушки. Лицо у него стало белым, как кора березы,

¹⁸ Морда — рыболовецкая снасть.

сердце стало дуплистым деревом. Пришел Хилы домой к Има. Ни слова не сказав, лег на свои нары в переднем углу избы. Думы, как ветер, не давали покоя. Ночь прошла. Утром чуть свет снова Хилы отправился в путь. Много ли прошел, мало ли прошел, подходит к налимьей ловушке. Снова злой человек опередил его, проверил морды и всю рыбу вынул. У Хилы вместо налимов — пустой кузов и пустой пояс. «В одной голове ума и мудрости мало, надо посоветоваться с Има», — решил Хилы и отправился домой.

— Има, ты старый и мудрый человек, скажи, кто может нарушить закон предков, закон людей семи соров и семи рек — ходить росмахой и воровать чужую добычу?

— Кто про это сразу скажет? Ведь рука там не осталась. Но не простят воды, не простят леса, не простят люди человека, потерявшего душу, — сказала мудрая старуха. — Ты не печалься. Если люди днем не увидят этого человека, то нам помогут луна и звезды, им все видно с высоты небес, а ты можешь укрыться около ловушки и покараулить, — советовала Има.

Хилы так и поступил. Чуть вечер наступил, Хилы ушел караулить. Кусты постарались укрыть его надежно, чтобы злой человек не заметил. Ночь проходит, утро приближается. Слышит Хилы скрип полозьев нарточки, насторожился, глаза и уши направил, чтобы увидеть и услышать, кто идет. Луна стала ярче светить, засверкали звезды, помогая глазам Хилы.

Пришел злой человек к ловушке, вытащил из воды морды, вынул налимов с большими и жирными максами, наполнил кузов, крепко привязал его к нарточке, поставил снова ловушку и хотел было отправиться в обратную дорогу, но тут перед собой увидел Хилы.

Хилы сразу узнал его, еще когда сидел в кустах. Это был Аки, который жил среди людей семи соров, семи рек. Сидело в

нем черное сердце: он попавшему в беду первым не протянет руки, никогда к костру не позовет погреться. Никого не грело его черное сердце.

Знали это все.

— Ивлап-аслап! — воскликнул Хилы. — Не стыдно тебе, Аки, чужие ловушки проверять? Вот на какие дела ведет тебя черное сердце!

У Аки задрожали руки и ноги, как ветки деревьев в большой ветер, лицо стало черным как ночь. Семь раз его подбросило над землей, семь раз падал на землю, потом вымолвил нечеловеческим голосом как велело его черное сердце:

— Это ловушка моя, а не твоя!

Всего ожидал Хилы от этого человека, только не этих слов.

— Это ловушка моя, знают люди семи соров, семи рек, знают небо и земля! Как у тебя язык повернулся так сказать? — возмутился Хилы.

— Что мне люди семи соров, люди семи рек? Знает бог Торум, — процедил с закрытыми глазами Аки Черное Сердце.

— Хорошо, приведи своего Торума, пусть он докажет.

Как решили, так и сделали. В условленный час, в установленный день пришел Аки Черное Сердце с деревянным идолом-божком, и Хилы тоже побеспокоился о защите: уговорил свою мудрую бабушку Има сесть в нарточку, надел на нее украшения, платки, платья — преобразилась старуха.

«Сама богиня Вут-Ими пожаловала на спор», — подумал трусливый Аки, увидев разнаряженную «куклу».

Хилы поставил нарточку с Има на горку так, чтобы, чуть покачнувшись, она покатила вниз.

Аки подошел со своим деревянным идолом и поставил его у дерева.

— Ну, давай, Аки, будем решать, чья все-таки ловушка налимов. Спрашивай своего бога! — обратился Хилы к вору.

Подошел Аки к своему идолу и взмолился:

— Все, что имею, отдам тебе, хочешь, еще тебе сделаю подарок? — Повернулся он семь раз вокруг себя по ходу солнца. — Не обходил я тебя вниманием, полка твоя полна мехов и шелков. Дай знать Хилы, что ловушка налимов моя, она мне оставлена в наследство от предков моих.

Деревянный идол как стоял, наклонившись к дереву, так и стоял. Лицо Аки скривилось от боли, даже зубы оголились, а Хилы так громко засмеялся, что слышали люди семи соров, семи рек и решили узнать, что случилось, над кем смеется Хилы. И собрались в путь.

— А теперь, Аки, моя очередь спрашивать! Подойди сюда, встань перед моей нарточкой. Пусть эта женщина разрешит наш спор, чья ловушка налимов: моя или твоя. Пусть она наедет на того, кто лгун и вор.

Начала Има раскачиваться, а нарточка стала скатываться под уклон на Аки. Мечется Аки из стороны в сторону, катится вниз, а за ним — нарточка с Има. Над бедным старым Аки Черное Сердце стали смеяться воды и леса, ветер и люди семи соров и семи рек, успевшие добраться сюда. Не могло выдержать черное сердце вора, оно лопнуло, и он стал уже человеческим голосом кричать:

— Не моя ловушка налимов, а Хилы! Простите меня, люди, прости меня, Хилы!

И Аки не заметил, как у него появилось новое сердце, уже не черное, а такое же, как и у людей семи соров, семи рек. Много ли, мало ли воды утекло с тех пор, много ли, мало ли дней и ночей ушло, но Хилы и Има по-прежнему живут среди людей семи соров, семи рек.

И мы с ними живем.

Источник: Вагатова, М. К. Тей, тей [Текст] : [сказки, стихи, песни и считалочки для детей] / М. К. Вагатова ; [предисл. А. Б. Кердан ; худож. А. С. Кухтерин]. - Тюмень : Тюм. дом печати, 2006. - 87, [1] с. : ил. - Тексты на рус. и хант. яз.

ХЛЕБУШКО

Хантыйская сказка

Жили-были муж с женой. Мужа звали Икилэ, а жену Имилэ. Уж так издавна велось: Икилэ находил себе занятие в лесу или ловил рыбу. Ездит-ездит, приедет домой, сменит износившуюся обувь и одежду, привезет жене мясо, рыбу, шкурки убитых зверей — и снова в лес. Был он добр к людям.

И Имилэ тоже знала, что делать. Ведь не мужское дело отапливать дом, заготавливать хворост, шить одежду, готовить еду. Она сушила рыбу и мясо. Всего у них в доме было полно, только муки мало. Все умела делать Имилэ, только вот беда: была очень грубая и жадная.

Однажды жена решила состряпать хлебушко — Няние, уж очень ей захотелось мягкого душистого хлебушка попробовать. Взяла икры, сбила ее деревянной ложкой, высыпала последнюю муку в берестяной бачок. Замесила тесто. И грубо, как камень, бросила тесто на сковородку.

Очень обиделся Няние, но ничего не сказал, стал печься. Тем временем Имилэ выстругала остроконечную палочку — и ну тыкать Няние то тут, то там, словно шилом. Пробует — испекся ли. Няние стал прыгать от боли. То на одну, то на другую сторону повернется. Больно ему было, очень больно. Жадная Имилэ не успокаивалась — ей хотелось скорее съесть Няние.

— Ждешь-ждешь! Пекись скорей! Я есть хочу! — кричала она на весь дом.

Хлеб старался скорее поспеть, зарумяниться, вздрагивая от страшных уколов.

А у Имилэ глаза больше прежнего разгорелись, зубы стали острее, а сердце еще злее.

— Скоро я тебя съем, Няние! Ты будешь в моем животе! — дразнила она Няние.

Только хлеб поспел, стал румяным и пышным, — Имилэ тут как тут. Хотела ткнуть острой палочкой и поднести ко рту, а Няние — прыг! На столе оказался. Имилэ — к столу, а Няние — на полку с посудой. Полка эта находилась на женской половине дома. Имилэ в ярости бросилась туда.

А Няние покатился в передний угол дома и прыгнул на святую полку, где жил домашний бог. Женщине нельзя было даже касаться этой полочки.

«Здесь Имилэ меня не достанет», — подумал Няние.

Испугалась Имилэ: «Как же я теперь поем хлеба?» Но забыв обо всем и даже о боге, она с руганью потянулась за Няние. Хлеб засмеялся, изловчился и прыгнул через голову женщины, стал кататься по всему дому и смеяться над грубой и жадной Имилэ. Она старалась его догнать, пока не перебила всю посуду.

Хлеб открыл двери и выкатился на улицу. Имилэ опомнилась, выскочила за ним, увидела собак и сколько есть силы закричала:

— Пурыс, пурыс! Лэвыс, лэвыс! — что значит: «Кусайте, кусайте! Съешьте, съешьте!».

Собаки помчались за Няние. Вот-вот его поймают и съедят. А Няние подумал: «Ведь собаки есть хотят. Они ведь не то что их хозяйка — добрые. А я, Няние, неблагодарный».

Он отломил от себя корочку и бросил собакам. Они схватили корочку и не стали преследовать. Няние тем временем исчез.

Имилэ, беспомощно разводя руками, громко плакала и звала Няние. Но он и слушать не стал ее.

В густом ли лесу, в темном ли бору сидел Икилэ и варил мясо. Не один бор обошел, не одну речку переехал — сил не стало, и хлеба нет. Думы тяжелые, горе гложет сердце.

«Вот Няние бы пришел на помощь», — сетовал он. Только подумал — глядь: около него сидит Няние, лица на нем нет. Усталый, истыканный чем-то...

Икилэ взял его осторожно натруженными руками, загладил раны на хлебе и поцеловал его. Посадил на самое почетное место у костра. Няние стал веселым, румяным, пышным и очень хотел, чтобы Икилэ его съел и стал самым сильным и умным.

Икилэ съел Няние, улыбнулся и сразу почувствовал такую силу в руках, в ногах, что мог объехать не одно болото, мог пройти не одну землю. В голове прояснилось, а сердце стало еще добрее.

Пусть здесь этой сказке будет конец.

Только Икилэ просит вот что запомнить. Няние — это сила людская, да не простая. У кого недобрые сердце и руки — хлеб не дается им.

Да и я так же думаю: злой человек пусть и близко к Няние не подходит.

Источник: Вагатова, М. К. Тей, тей [Текст] : [сказки, стихи, песни и считалочки для детей] / М. К. Вагатова ; [предисл. А. Б. Кердан ; худож. А. С. Кухтерин]. - Тюмень : Тюм. дом печати, 2006. - 87, [1] с. : ил. - Тексты на рус. и хант. яз.

ГНЕВ ТАЙГИ

Мансийская сказка

В давние времена в нашем крае столько водилось всякой птицы, что шум да свист стоял от её крыльев. Все озёра и болота были заняты утками, гусями да лебедями, а в лесах — тучи боровой птицы. И зверя всякого было полным-полно. Люди тоже жили привольно. Да только люди, когда живут в достатке, не замечают, что всё, что дано им природой, беречь надо.

— Ай-яй, что делаете! Зачем птицу зря губите? — говорил старый Тасман парням, которые для потехи стреляли серых уток.

Подраненная утка, чуть взлетев, падала на озёрную зыбь. Осиротевшие утята, громко крича, прятались в зарослях камыша и осоки, а озорник шёл дальше.

Грустными глазами смотрел старый Тасман на оставленную птицу.

— Зачем бьёт, если не надо? — сокрушённо качал он головой. Он шёл по тайге и видел вокруг и заботливых белок, и хлопотливых глухарей, и торопливых оленей.

- «Богата тайга! Шибко богата!» — рассуждал Тасман. И вдруг старик остановился. В ложбине, придавив большой куст, лежал подраненный лось. Он силился подняться на длинные ноги, но снова падал, от боли закинув на спину тяжёлую голову с большими рогами. Тихо подошёл к нему Тасман. Лось не испугался, не вздрогнул.

— Добрый человек! — промолвил зверь. — Помоги мне встать на ноги, и тогда они понесут меня как ветер!

Наскоро Тасман нарубил жердей и стал поднимать тяжёлого лося. Пот стекал с лица, от усталости дрожали руки и ноги. На закате солнышка помог Тасман встать лосю. Зверь лизнул руки Тасмана, сказал:

— Если трудно будет тебе, старик, ищи меня. Помогу! — И скрылся за лесом.

... Шло время, но озорники не слушали старика Тасмана и били не жалеючи зверя. Затосковал Тасман и не стал выходить из юрты, чтобы не встречаться с ними.

А однажды проснулись люди, вокруг ни ветерка, ни свиста, ни взлёта птиц, ни шороха зверей. Люди вышли из юрт. Светило солнышко, но тайга стояла безмолвная. Они стояли и смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Многие, взяв луки, пошли в лес, поплыли по реке, но вечером возвратились ни с чем. И снова все молчали. Озёра и болота вымерли: не стало в них уток. В лесах потерялся зверь.

— Страшно ходить по тайге! Страшно! — говорили охотники, возвратившись с охоты.

Стал людей одолевать голод. Большая беда пришла в тайгу, и тут все вспомнили про старого Тасмана.

— Это великий гнев тайги! — сказал Тасман. — Тайга рассердилась, тайга свой гнев послала.

— Добрый Тасман, научи нас, что делать? — стали просить старика люди.

Вышел Тасман из юрты, и сразу на сосну сел глухарь. Обрадовались люди, за луки схватились, а глухарь улетел.

Долго искали его, да не нашли.

И поняли все, что один Тасман не виноват перед тайгой, что его послать к Гневу тайги надо. Только к Тасману давно старость пришла.

А тайга стояла хмурая, молчаливая. Долго думал старик, как помочь людям. Вспомнил слова лося. Надел малицу¹⁹ и направился Тасман в тайгу. Только зашёл он за первое дерево, как навстречу ему лось.

¹⁹ Малица – верхняя мужская одежда, шьется из оленьих шкур мехом внутрь.

— Не меня ли ты ищешь, старый Тасман? — спросил зверь.
— Проси, что тебе надо, только быстрее, я помогу тебе!

— Вижу я, что торопишься ты!

— Говори!

— Помоги, добрый зверь, нашим людям! — промолвил старик. — Страшный голод пришёл в наш край.

Лось молчал. Потом говорит:

— Это Гнев тайги. Он наказал всех, кто не берёт добро её.

— Горе! Горе! — вздыхал старик.

— Всех зверей и птиц спрятал Гнев от человека, — продолжал лось.

— А как же тогда ты, лось, на свободе? — спросил Тасман.

— Гнев отпустил меня на три дня и три ночи найти ослушницу сову. Но я обещал тебе, старик, помочь. Садись на меня, и я понесу тебя, куда скажешь!

— Вези, добрый лось, к Гневу тайги! Хочу его видеть.

— Да знаешь ли ты, старик, как далеко живёт Гнев? Никто ещё не бывал у него и не видел его.

— Вези, — сказал Тасман, и лось побежал.

Он бежал, словно летел, обгоняя ветер, оставляя позади леса и болота, горы и реки. Наконец остановился. Кругом стояли старые, хмурые кедры. Было темно вокруг: ни звука, ни шороха, ни света.

— Здесь живёт Гнев тайги, — показал лось на лесную тропинку. — Иди, иди, но если не будет тебя до первого луча, — меня не ищи.

Тасман низко поклонился на все стороны и пошёл в царство вечной тьмы.

Чем дальше шёл Тасман, тем лес становился гуще, и скоро тёмная стена деревьев встала перед ним.

Долго старик приглядывался.

Вдруг промелькнул солнышка луч и вспыхнул огоньком рябиновый куст. Перелетела с ветки на ветку птичка серенькая с белой грудкой, клюнула ягодку одну, другую, звонко щёлкнула клювом, повернула головку с бойкими глазками к Тасману да проговорила голосом человеческим:

— Зачем ты пришёл в моё царство?

Тасман ласково спросил:

— Кто ты есть, добрая птичка?

Птичка молчала.

— Я пришёл к Гневу тайги спросить: зачем он упрятал всё живое от людей? Зачем он так сердит на людей?

— Искать долго не надо, — сказала птичка, — я Гнев тайги.

— Ты? Такая-то крохотная птичка — Гнев тайги?

— Я и доброта и гнев, — прощёлкала белогрудка. — Когда люди разоряют лесное царство — уходит доброта, прячется, остаются гнев и голод. Когда люди добры — плачу я им щедро: грибами, ягодами, шишками, лесными зверями и птицами. В такую пору сама дружу с человеком, сажусь на плечо к нему.

Вздохнул Тасман и сказал:

— Не права ты, птичка-белогрудка. Не все виноваты в тайге, а ты наказала всех.

Притихла птица. Услышал Тасман, как забила она крылышками, забегала бойко по рябиновым веткам.

— А кто в тайге не грешен? Все! Все разоряют тайгу!

— Нет, не все! — спорил Тасман.

— Нет, все! — сказала птичка. — Вчера на вечерней зорьке мальчонка маленький с щеками румяными, как брусничный сок, выстрелил из лука и попал мне в крылышко.

Замолчал Тасман.

— Ладно! — проговорила птичка. — Сейчас мы посмотрим, грешен ли ты. Попробуй-ка из пчелиного роя взять пригоршню мёду. Если возьмёшь, — твоя правда, помогу тебе. Если нет, — разговаривать с тобой не о чём.

Притих Тасман.

Вдруг снова промелькнул лучик солнышка, и перед Тасманом появилось старое дуплистое дерево. Вокруг него роились пчёлы. С опаской подходил к дуплу Тасман.

А пчелиная матка облетела вокруг него, прожужжала над самым ухом и села на соты. Дотронулся Тасман до ноздристых восковых домиков. Притихли пчёлы, заползали, защекотали руки старика. Достал Тасман пригоршню мёду чистого, только хотел обернуться, как слышит голос сзади.

— Твоя правда, старик. Виновата перед тобой я, — прощebetала белогрудая птичка. — Но озорники принесли много горя. А тебе скажу: если ты мою просьбу исполнишь, верну людям богатство тайги. А найти тебе надо сову-ослушницу и привести сюда.

Нечего делать. Заторопился Тасман на тропинку, по которой пришёл. Лось ждал его. Когда Тасман рассказал о сове, лось говорит:

— Далеко это! Шибко далеко. Искать её надо у гор, где солнце совсем не заходит теперь и светит всё время.

И снова быстрее ветра понёс лось старого Тасмана по угрюмой тайге.

Унёс лось Тасмана далеко. И увидел Тасман, как, поклёвывая ягоду, у подножия горы ходит птица.

— Это она, — прошептал лось.

А сова взлетела на выступ скалы и завертела головой из стороны в сторону, громко постукивая крепким клювом. Не пришлось старику долго раздумывать.

Сплёл он петли из трав и припрятал их под каждым кустом. Ждёт. Прошёл день, другой, а сова сядет поодаль, клювом пощёлкает, словно смеётся над стариком. Вдруг от громкого крика вздрогнул Тасман, спохватился, побежал на шум и видит: лось наступил сове копытом на крыло и держит. Орала сова во всё горло, была свободным крылом, клевала ногу лосю, но он дождался Тасмана. Взял мешок старик, набросил его на сову, завязал накрепко и пустился в обратный путь.

Был на исходе третий день, когда лось привёз Тасмана в царство Гнева тайги.

— Поймал ослушницу! Спасибо, старик! — прощёлкала белогрудка.

Оказавшись в темноте, сова поползла по земле, распустив крылья.

— Не видать тебе больше солнца! Не будешь летать днём, обижать птиц и зверей маленьких. Ночью на охоту вылетать станешь.

А Тасману сказала:

— Иди домой, старик!

Долго ещё стоял Тасман, но ничего больше не сказала ему птичка.

Лось послужил старику и тут. Повёз Тасмана в родной пауль²⁰.

А над ними с шумом пролетела стая уток к озеру.

Много лет прошло с тех пор, но ослушница сова и сейчас боится солнца и охотится только ночью, а люди помнят о Гневе тайги и берегут лесные богатства.

Источник: Анисимкова, М. К. Сказы [Текст] : по мотивам сказок, легенд, мифов народов Обского Севера и Приполярного Урала /

²⁰ Пауль – селение.

Маргарита Анисимкова ; [послел. А. П. Зенько]. - Переизд. - Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2012. - 227 с. : цв. ил.

ЗОЛОТАЯ БАБА

Мансийская сказка

Как-то на закате, когда, словно прощаясь на ночь с землей, солнце заливало все своим светом, торопился в юрту охотник Куземка. Шел он мимо горной речки, потом завернул в ложок, что промеж гор затерялся, и решил напрямик скоротать дорогу. А кругом красота-то какая! Хочешь не хочешь, да остановишься, заглядишься на мать-и-мачеху, на кукушечьи лапки да лесные ландыши. Здесь вроде и мошकारа добрее, вся ярость у нее проходит — любитесь тоже. Много в наших местах таких уголков красивых. Идет Куземка ходко да тихо, словно спугнуть кого боится, слышит вдруг, что-то шумит у него под ногами, журчит да грохот раздается. А тут и солнце как-то враз за горы ушло. Сумрачно стало, тоскливо, вроде и не видно всей красоты, а под ногами все равно что-то шумит. Ничего Куземка понять не может. Припал ухом к земле, слышит: будто ручей далеко в горах течет, а стук и грохот от камней, словно их кто-то ворочает с места на место да по сторонам раскидывает. Прибавил шаг охотник, тетиву лука натянул покрепче.

И вдруг видит Куземка — стоит на горе баба да гору раскидывает, а сама то черная, то красная, то желтая, и платья на ней никакого нет — вся каменная.

Присел от страха Куземка, а она, видать, заметила его, перестала разбирать гору и говорит: «Счастливый ты парень! Повезло тебе золотую бабу увидеть. Не думала, что так поздно ты здесь окажешься. Только молчи. Сам знаешь: все ищут золотую бабу!» И потерялась. Куда ушла — не заметил Куземка. Сидел: то ли дрожал, то ли забытье накатило какое. Поднялся и, сколько ни кружил, ни колесил по тому месту, никаких следов не увидел.

Шел домой, а сам все думал про золотую бабу и слова-наказ помнил: никому о ней не говорить. Стал подходить к дому, а мать бежит ему навстречу, кричит радостно: даже лицо платком забыла прикрыть: «Каждая олениха в твоём стаде по два олененка принесла!»

Порадовался со всеми Куземка, а сам про золотую бабу вспомнил.

Прожили дня два-три: вдруг собаки залаяли. Прямо к чуму охотника лося пригнали, птицы боровые возле жилья токовища выбрали. Ягелем болотина вся покрылась — оленей не гонять на пастбище. «Кто так осчастливил Куземку?» — думают люди. Они целыми днями ходят охотиться и все идут с пустыми лазунами²¹. А Куземка не рад богатству. Много ли бедняку надо! А как разделить его между всеми — не знает.

Про Куземку плохая молва пошла, охотники его сторониться стали, шаман да богатые оленщики — завидовать. — Говори, откуда к тебе такая удача идет? Какие ты слова знаешь? — допытывают все Куземку.

А шаман свое твердит: в Куземке недобрый дух сидит. Сжечь его на костре надо. Охотникам жаль Куземку, а слова шамана сильнее.

Между гор развели большой костер, завязали Куземке глаза, повели на гору, а на самом краю обрыва развязали глаза. И видит Куземка: далеко на горе баба каменная стоит, вся как жар горит, а сама Куземке каменным пальцем грозит: молчать велит. Не вытерпел он да как закричит: «Золотая баба, каменная баба! Зачем Куземку таким счастливым сделала? Зачем мне столько богатства даешь? Устал я от него!» Костер под горой сразу погас, а Куземка в черный камень превратился.

²¹ Лазун (или лузан) — охотничья сумка.

«Надо искать золотую бабу! Надо искать золотую бабу! Она приносит счастье!» — закричали люди, а в какой стороне Куземка увидел золотую бабу, никто не знает. Собрались вокруг гор целые племена. Гору, на которой Куземка стоял, всю по камешку раскидали — ведь никому не сказал Куземка, большая она или маленькая. Знали одно: золотая баба счастье приносит. Думали все думали, где ее искать, и пошли племена в разные стороны. Кто к океану двинулся, кто к горам, кто возле рек чумы стал ставить, а нашлись и такие, которые в теплую сторону двинулись.

Долго-долго ходили по разным местам племена, и нашелся храбрец-удалец, а быть может, мудрец: «Разве бедны наши леса и реки, болота и озера!» — и запел песню:

Спасибо вам, глаза мои и уши,

Спасибо тебе, солнышко красное.

Спасибо вам, руки мои, что крепко лук держать умеете.

Спасибо вам, ноги мои, что по тайге ходко ходите.

Хорошая сказка про Куземку и золотую бабу!

Мы тоже расскажем ее нашим детям!

Источник: Анисимкова, М. К. Сказы [Текст] : по мотивам сказок, легенд, мифов народов Обского Севера и Приполярного Урала / Маргарита Анисимкова ; [послел. А. П. Зенько]. - Переизд. - Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2012. - 227 с. : цв. ил.

ОГОНЬ-КАМЕНЬ

Мансийская сказка

Когда-то давным-давно в тайгу долго не приходила зима. Заждались все. На зверях шкурки поспели, охотники уже наготове, истосковались за лето по охоте, а снега все нет. Сушь стоит в тайге. Бывают у нас такие осени, только очень редко. Все насторожилось в ожидании северного ветерка, а с ним и снега. А когда подул долгожданный северный ветер, приключилась в тайге беда.

Остался в юрте мальчик один, Самбиндалом звали его. Ему и захотелось огнем поиграть. Слышал Самбиндал, что нельзя огнем играть, слышал, что тайга разгневается и камешком сделает озорника маленьким. Да уж больно хотелось Самбиндалу посмотреть, как огонь будет играть с деревом. Достал Самбиндал огонь и бросил на шкуру оленью. Затрещали, вспыхнули ворсинки. Встал Самбиндал на шкуру ногой — нет огня. Собрал он сухие листья и бросил на них огонь. Огонь быстро побежал по листьям, от травинки к травинке. Самбиндал упал на огонь, огонь и потух. Вскочил Самбиндал. Весь в саже, но довольный, что огонь быстро поймал. «Бойтся меня огонь!» — думает Самбиндал. Смотрит: сухие листья кругом. Поднес он огонь к сухому листку на дереве, а тот будто того и ждал. Побежал по каждому листку, вмиг перемахнул на другое дерево, опалил там каждый листок — и на третье. Самбиндал глазам своим не верит, что огонь так далеко убежал.

— Огонь! Огонь! — кричит Самбиндал. — Иди в юрту, огонь.

А огонь будто дразнит его, кружит вокруг, машет своими красными языками. И что только ни делал Самбиндал: кричал, прыгал, бил ветками, хотел схватить огонь — да нет. Вокруг

все окуталось густым черным дымом. Загорелся лес, а в каждой юрте погас чувал.

Самбиндал бросился догонять огонь. Теперь Самбиндал плакал, звал на помощь, просил огонь вернуться, обещал никогда его не трогать, но огонь делал свое недоброе дело.

Страшное зрелище, когда в лесу хозяйничает огонь! Ветер легко перебрасывает искры с одного дерева на другое. Могучие деревья, охваченные пламенем, с силой рушатся, губят все живое. Зверь опрометью несется, не зная куда.

Измученный Самбиндал уже много дней бежал за огнем, пытаясь поймать его. А когда он выбежал к реке, то увидел, что все звери жались к реке, лезли в воду. Птицы с криком летали, касаясь легкими крыльями горячей воды. Но все были дружны между собой. Общее горе сблизило их. И зайчик прижался к лисе, и старая волчиха держала в лапах испугавшегося соболя, и россомаха прятала от пламени белочку, а медведь просил лося выйти из воды и освободить место уткам.

И тут все увидели Самбиндала. Многие звери зарычали, оскалили зубы, норовя разорвать мальчика. Да в спор вмешался медведь:

— Надо, — говорит, — помочь парню огонь поймать. Он тоже измучился. Простить можно. Мал еще.

Медведь взялся сам помочь Самбиндалу. Забрался Самбиндал на медвежью спину, крепко ухватился за уши, ведь медведь в те времена быстро бегал, любого обогнать мог, это он с той поры лениться стал, потому что тогда устал очень.

Несет медведь Самбиндала во весь дух. Вот-вот схватит парень самый большой язык огня, спрячет его. Но не так-то легко это сделать. Рванулся огонь и опять зашагал по верхушкам. Деревья обгорелые валились одно на другое. Опалил о них бока медведь, с тех пор и бурым стал.

Видит Самбиндал, устал медведь, слез с него, похлопал по бокам да по шерсти обгорелой и отпустил, а медведь не хочет оставлять одного Самбиндала. Огонь пляшет прямо над головой, то лизнет волосы Самбиндалу — они затрещат, вспыхнут, то к ногам совсем опустится. Заплакал опять Самбиндал, в юрту бы вернуться, да нельзя без огня.

Вдруг что-то холодное его руку задело. Оглянулся он и видит: соболю вертится у ног.

— Садись, — говорит, — побежим догонять огонь.

Сел Самбиндал на соболя.

Метровыми прыжками летел соболю. Видит огонь, что догоняет его Самбиндал. Вот он и завертелся во все стороны: то на дерево, то на кусты бросится, то на землю опустится, по траве побежит. А кругом горы Уральские пошли. Боится огонь камня. Самбиндал руками бьет, сбивает пламя, не пускает его в тайгу. Не под силу маленькому Самбиндалу бороться с огнем, а надо вернуть огонь в юрты. Плохо людям жить без огня, без света. Гонит пламя в горы Самбиндал.

Кончился лес, кустарник пошел. Огонь налетел на кусты, коробит, чернит их, а Самбиндал уже тут. Совсем схватил было огонь. «Ай!» — огонь уже опять прыг, да и в гору.

Самбиндал только того и ждал. Мечется пламя-огонь по холодным, скользким стенам горы, лижет скалы своими желтыми, синими языками, да камни-то от его злости только поблескивают. Тут уж Самбиндал не оплошал. Схватил огонь — и в тот-ящик. Обрадовался, хотел домой бежать, да нет — ноги тяжелые стали, хотел крикнуть — да голос пропал. Стал чернеть Самбиндал и превратился в огонь-камень. И сразу же в каждой юрте загорелся чувал. А огонь-камень тот расти и расти начал, да такой большой стал, что с его вершины весь Урал как на ладони виден. Этот камень, говорят, всю тайгу от огня бережет.

Жаль было народу Самбиндала, да что сделаешь? Неслух был. Так теперь и говорят в тайге: «Огонь друг — огонь враг!» Все, кто огонь по земле пускать будут, камнем станут.

***Источник:** Анисимкова, М. К. Сказы [Текст] : по мотивам сказок, легенд, мифов народов Обского Севера и Приполярного Урала / Маргарита Анисимкова ; [послел. А. П. Зенько]. - Переизд. - Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2012. - 227 с. : цв. ил.*

ДОЧЕРИ ОТОРТЕНА

Мансийская сказка

Только ветер знает да Чистоп-камень помнит, может, гусям-лебедям матери рассказывали про то время, когда в этих местах молодой охотник Отортен жил.

Первым солнце встречал Отортен, первым ветер ласкал Отортен, первым слышал он громкий плач улетающих птиц.

Как забьют в бубен, позовут на бой, всех туже лук у Отортена, всех острей стрела Отортена. «Ай-я-я! Какой храбрый манси Отортен!» — говорили все.

За рога удержит сохатого, из берлоги достанет медведицу, переставит валун с места на место. «Ой-ой-ой! Какой сильный манси Отортен!» — говорили все.

Если лодки нет — по волнам пробежит через речку любую или озеро... «Её-ё-ё! Ну, и ловкий манси Отортен!» — говорили все.

По следам запорошенным он обгонит зверя, изловит его. Даже птица с высот не приметит Отортена! «Ай-я! Хитрый какой Отортен!» — говорили все.

Одиноко в тайге жил Отортен. Мать, отца схоронил, братьев лёд утащил, а невеста по сердцу не встретилась.

Шёл как-то Отортен берегом говорливой речки Тосемьи да вдруг слышит сзади завывание сердитое. Оглянулся, видит: ветер летит, ветки деревьев к земле гнёт, траву с корнем рвёт.

— Что ты делаешь, ветер Сиверко? — взмолилась река Тосемья. Облила ветру бороду косматую. Долго тряс её ветер, моросил дождём, а сам кричал сколько было сил:

— Неспроста кружу! Неспроста иду-у! Океан послал жениха найти своей дочери. Чтобы храбрый был, чтобы сильный был, чтобы ловкий был, чтобы хитрый был.

Приумолкла река Тосемья, призадумалась, волны спрятала, стала тихою.

А ветер кружит, дрожит, как олень на привязи, ждёт, что скажет река говорливая.

Вдруг всплеснула одна и другая волна. Замутилась река.

Ветер тут как тут.

— Отортен — жених! Лучше не найти, — прошептала река. И давай хлестать волны в разные стороны.

— Что ты делаешь? Неразумная! — проревел Сиверко. А река ревёт, волны пенятся, к берегам летят.

— Подожди! Расскажи! Успокойся! Не расслышал я.

А в ответ, будто человек, простонала река Тосемья да в камнях и спряталась.

Слышал всё это Отортен и с тоской смотрел на сухие каменистые берега. Как травы между собой разговаривали, слышал, видел, как утки в страхе крякали, с гнёзд поднимали птенцов слабокрылых да к озёрам скорей летели.

Чаще стал ходить к сухим берегам Отортен. И увидел раз, как облака с землёй встретились. Закачались деревья, стали землю вершинами бить, а по сухой реке Тосемье ручеёк прозвенел.

Обрадовался Отортен, что река снова в берега входит. Только перед ним вдруг появилась девушка-красавица. Солнце дало ей руки свои, травы дали нежность и стройность, а озёра подарили глаза голубые, бездонные.

— Прячься, Отортен! За тобой летит ветер Сиверко! — громко крикнула девушка и потерялась, а за ней пробежал ручеёк.

— Это ты пришла, Тосемья-река? — крикнул радостно Отортен. — Где ты? Покажись ещё! Пойдём в чум ко мне!

А буран поднялся невиданный. Это хитрый ветер Сиверко услышал имя охотника и задурил, закричал:

— Отортен! Отортен! Отортен!

— Ты иди скорей ко мне! Прячься под берег! Я укрою, засыплю камнями тебя! — слышит Отортен слабый голос девичий.

— Отортен! Отортен! — слышно ветра крик.

А косматые тучи закрыли всё, закружили всё.

— Не отдам тебя в чужую страну! Оставайся со мной, Отортен, храбрый сын народа, сильный сын тайги, ловкий сын лесов! — крикнула каменная Тосемья-девушка.

И рассеялось, потерялось облако тёмное. На том месте меж гор, где стоял Отортен, очутился вдруг большой камень. А Тосемья-река обежала журча его, обласкала водой. И стоит с тех пор камень Отортен. Давным-давно снег не тает, лежит на вершине его.

Чтоб не грустил Отортен, не печалился каждую весну, ему Тосемья-река по ручейку говорливому дарила. Пошумят ручейки и убегут в болота, у подножия Отортена спрячутся. Любовался ими Отортен. Год от году ручейки ширились. В реки полные собираться стали. Отортен стал звать их по имени. Постарше дочь Печорой назвал, помоложе которая — Вишерой.

Раз в весенний день солнечный замолчала, задумалась Печора-дочь. Долго ждал сказок её Отортен, прислушивался. Горсть снега с вершины сбросил, а Печора молчит. Видит Отортен — почернела Печора, нахмурилась дочь Вишера.

— Ты пусти нас, отец, в сторону! — прокричала Отортену Печора-дочь.

Посуровел Отортен. Сбросил камень один, а за ним другой, много камней, заковал дочерей в берега. Замолчал. Год молчит, два молчит. Крепко держит дочерей в утёсах каменных.

Утки с криком летели, гуси крыльями свистели, над вершиной Отортена разговор вели:

— Дорога длинная, нелёгкая. Нет озёр! Нет лесов. Пусто-мёртво всё без воды.

И садились птицы на речную гладь, и купались в Печоре и Вишере. На утёсах крутых перья чистили, в низинах речных гнёзда вили, птенцов выводили. А Отортен всё молчал. Всё думушку думал.

Как-то в тёплый день Отортен послал звонкий чистый ручей к дочерям своим. Испугались они, приутихли, слушают.

— Я раздвину плечи свои, — разнёсся голос Отортена, — открою ходы-выходы, на простор пущу. Пусть в водах ваших рыба водится, пусть по глади вашей птицы плавают, по берегам пусть леса растут.

И умолк.

Заметались реки, закачали волны и запели песню камню Отортену.

Долго сил Отортен набирался, тихо поворачивался, раздвигая свои плечи каменные с той стороны, где солнце падает, и отпустил дочерей по широким лугам воды нести.

Он им каждый год свои думы шлёт, талым снегом отцовским потчует. С побелевшей головы светлые ручейки

гонит. Да не знают про то сестры, что отец Отортен на другой стороне, что ближе к солнышку, отпустил дочерей самых меньших своих: Лозьву с Сосьвою — так их люди зовут. Наградил их водой прозрачной. Каждый камушек в них птицы видят с небес.

Облака в этих реках купаются, прихорашиваются, а в награду дал им Отортен рыбку малую позолоченную. Все селёдкой её зовут сосьвинской. Не увидеть такой, не сыскать нигде!

Стоит Отортен, снежная шапка на нём и савик²² расшит мхом да лишайником. Низко кланяется ему ветер Сиверко, и подножия ласкают дочери, да течёт у подножия малый ручеёк Тосемьи-реки. Тот, кто был в тех краях да у камня Отортена стоял, тот и сам, наверно, сказками его заслушивался.

***Источник:** Анисимкова, М. К. Сказы [Текст] : по мотивам сказок, легенд, мифов народов Обского Севера и Приполярного Урала / Маргарита Анисимкова ; [послел. А. П. Зенько]. - Переизд. - Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2012. - 227 с. : цв. ил.*

КОГДА КУРОПАТКИ СМЕЯТЬСЯ СТАЛИ

Хантыйская сказка

Недалеко от зимовья куропатки кормились. А в зимовье веселые люди жили: охотник с женой, их старые родители, ребятишки.

И все-то у людей было ладно да складно. Песни да радость в избе. Шутки да смех около дома. В тальниках слышать дружные голоса!

А куропатки поедят и нахохлятся - скучают! Завидуют птицы:

²² Савик — верхняя длинная меховая одежда мехом наружу.

- Счастливые ханты! Котел не всякий день полон. А чему-то все рады. Чему?

Один раз возвращались ребяташки с болота. Осень была. Снег не выпал, подул холодный, пронзительный ветер. Насквозь куропаток пробирало, хотя они уже в зимних шубках сидели. Видят - дети домой бегут, смеются.

Окликнули птахи мальчишек и девочек:

- Где веселье нашли?

- На болоте, — посмеиваются ребята. Кузова заплечные друг у друга пооткрывали. - Смотрите, сколько радости нашей матери несем и обеим бабушкам.

- У самих пальцы, как клюква, и носы от стужи, как клюквины, сизо-красные, бормочут куропатки. - Чем сердце тешат? Не понимаем...

В другой раз дело зимой было. Глядят куропатки - хозяйка тащит по глубокому снегу на грузовой нарте обломки сухар²³. Толстые бревешки! Высохли стволы на корню, а все равно тяжелые.

- Трудно? - птицы у женщины спрашивают.

- Слов нет, нелегко, - отвечает мать.

- А почему улыбаешься? - допытываются куропатки.

- А я дрова притащу, чувал вытоплю. Семья согреется. Еда сварится. Всех накормлю. Одежду, обувь для всех просушу, погрею. Семейство оденется, пойдет работать. Кто на промысел, кто у дома, кто в амбаре. Все за дела примутся, как не радоваться.

- У-у-у, _ бормочет стая. - В заботах разве веселье есть? Не понимаем...

И опять нахохлились.

Скучают, покуда голод их шевелиться не заставит. И все мечтают, как у людей веселье перенять.

²³ Сухара - дерево, высохшее на корню.

Под весну охотник с дальнего промысла пушнину нес. Спина под грузом дичи согнулась. В нарточке лосиное мясо грудой. Сам улыбается и на солнце щурится радостно.

- Еле лыжи двигаешь, а веселый, - дивятся куропатки.

- Удачно поохотился, - отвечает мужчина.- Семья сыта будет. Старики довольны останутся. Похвалят: сын - кормилец.

- Не понять, - переговариваются куропатки. - Ему приятно свою еду отдавать другим.

И опять сидят, скучают.

Много ли, мало ли минуло, люди из зимовья в гости к деревенской родне уехали. Оставили домовничать деда с бабой.

И снова в тальнике смех доносится да беседа ласковая.

- Ладно, - говорит самая старая куропатка, - попробуем старика обмануть. Если удастся его провести, обязательно засмеемся. Закружилась стая над зимовьем. В оконца стучат клювами, в двери мохнатыми лапками царапают.

- Дед, - велит бабушка, - лови куропаток! Им в таловой роще тесно, на избу сели.

Вышел дед, начал кругом избы пленки - петли волосяные ставить. Настораживает, навешивает силки над тропинками, которые куропатки натоптали. На пальцы дышит - зябнут!

Студено!

Белые куропаточки, милые головки бочком, па старика хитро поглядывают.

- Дедушка, зачем в такой мороз по нашим следам ходишь? Сидел бы у чувала, грелся.

- Я пленки-ловушки вынес, - отвечает охотник. - Ловить вас буду. А поймаю, тогда у огонька вдосталь посижу.

Переглянулись птицы и поучают старика:

- Что нас ловить петлями-силками? Выгони старуху. А в избе-то вымой да прибери. Мы беленькие, молоденькие, сами прилетим.

Дед поскорей силки кинул и домой. Заходит в избу - так-то всюду показалось ему нечисто, неубрано. Закричал он на хозяйку:

- Перетаскивай свое добро в амбар. Там жить будешь. Вон собак сколько! Обогреют.

Старуха заплакала. Не уходит. Сроду дед ей громкого слова не говаривал, а теперь гонит. А старик еще пуще сердится.

- В избе прибирать стану. Ишь, три хозяйки, закоптили, запоганили! Ступай вон!

Обиделась старуха. Но видит, деда не переспорить. Кабы все дома были, другое дело.

- Ну ладно! - старуха говорит. - Пойду... Кликнула бабушка собак в амбарчик. Навесила там полог из шкур, настелила шкурок, и с собачками ей тепло.

А старик воды нагрел - и ну скоблить стены да потолок, нары да полки. В окошко тонкую льдинку вставил. Пол пихтовником застелил. А чувал белой глиной выбелил. То-то светло в доме, то-то свежо - как в новом. Дед и себя прибрал. Праздничную малицу надел с разноцветными узорами из ярких суконных полосок. Оленьи сапожки, выше колен, натянул. Обувка тоже изузорена и мехом, и бисером. Ой, пригляден старик! Не зря говорится, наряди пенек, и то паренек.

Растворил дед избу, запел, хотя и утомился с приборкой:

- Куропаточки беленькие, молоденькие! Пожалуйте к моему очагу, беленому да топленому. Будьте хозяйюшками!

Ждал-пождал, не слышать крылатых озорниц, не видать. В тяжелой малице поплелся усталый дед к тальникам²⁴. Еле-еле

²⁴ Тальник – небольшое растение из рода ивовых.

широкие подволоки-лыжи двигает. Прибрел в тальники. Куропатки на кустах охорашиваются да ошипываются. Одна другой белоснежней.

Старик их укоряет:

- Куропаточки белые, что же вы в гости ко мне не идете. Я старуху выгнал в амбар. А в избе-то прибрал. Дверь растворял, вас звал да звал.

Захохотали куропатки. Таким смехом залились, закатились. Снег ветвей посыпался!

- Ах ты, старый ловец! Где это видано, чтобы вольные птицы в избенке жили? Мы над одним лужком летим - покормимся, на другом в снегу зароемся. Переночуем, на новые луга полетим.

Вот так!

И вспорхнули стайка за стайкой, будто буран понесся, будто вьюга по-над вербными вершинками.

Погнался было старик за птицами. Да куда! Лыжи не крылья... Лыжи не крылья, а слетели. Старик в рыхлый снег с лету да и провалился по горло. Хорошо - изба-то близехонько, он и закричал что есть мочи:

- Старуха, что в тепле расселась, не видишь работы! Иди откапывать мужа!

Засмеялась бабушка в амбаре. И куропатки хохочут на всю округу. Так и хохочут до сих пор по-человечески.

Услышишь смех в безлюдном поле зимой, не бойся. Не над тобой смеются дружные птахи. Вспоминают, как погнался дед за ними да и застрял в снегу по самую голову, как кол в сугробе.

Источник: *Фольклор народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России [Текст] : кн. для детей сред. и ст. шк. возраста / сост. Е. Р. Акбальян ; под общ. ред. А. В. Преловского. - М. : Сев. просторы., 2002. - 544 с.*

ПОБЕДИТЕЛЬ МЕНГК-ИМИ

Хантыйская сказка

Жили в урмане бабушка и внучек. Часто без ужина спать ложились. Бабушка дряхлая, а внук мал. Велика ли их добыча? Мелкая рыбешка, ягоды-коренья да орехи. Редко куропатка, рябчик.

Медленно рос малыш, но все же рос, стал выше кочек, что стояли на болоте.

За болотом в кедровом бору великанша Менгк-Ими²⁵ жила. Богата её охота! Что стоило громадной Менгк-Ими лося остановить? Вечером на лосиной тропе насторожит самострел или прочную петлю. Утром свежует богатырского зверя. Одна ест. Никого в гости не позовёт, ни с кем не поделится. Однажды весна тянулась долго-долго. Бабушка с внуком подобрали свои запасы до последней рыбьей чешуйки, до последнего орешка. Совсем ослабели.

Старуха умирать собралась.

- Мне-то по годам пора, - прошептала она мальчику. Но ты не стал ещё добытчиком. Как проживёшь без присмотра?

- Подожди, бабушка, не умирай, - испугался внучек.

Оделся малыш и перешёл болото. Влез на кедр возле великанского дома. Принюхался. Из дымового отверстия табачный смрад валит. Чуть не задохнулся мальчик, однако обрадовался:

- Великанша сыта-сытешенька, лежит и послеобеденной трубкой пыхтит!

Распахнул двери амбара. Голова у него закружилась!

Как густая хвоя, полосы прокопчённого сушёного мяса свисали из-под крыши. Топлёное сало в громадных корчагах-горшках стояло вдоль стен, глиняные горшки, которые были

²⁵ Менгк-Ими – женщина – лесной великан.

выше мальчика, залиты рыбьим жиром. А в птичьем жиру припасена копчёная гусятина.

Толстые аппетитные гусиные ножки торчали из горловин горшков. Тут же кузова с вяленой белой рыбой, бочки с мочёной брусникой и клюквой, лари с мукой, туеса с оленьим и лосиным салом!

Много добра у Менгк-Ими! Да такого, что бабушкин внучек и не слыхивал.

Мальчик схватил связку выветрившихся чебаков²⁶ и побежал варить уху для бабушки. На опушке под пеньком обнаружил кладовку бурундука.

- Возьму половину твоих припасов? - спросил у зверька. - Для бабушки.

- Бери всё! - отвечал полосатый бурундучок. - Все малые зверушки печалются, что бабушка слегла.

Корми её хорошенько! - напутствовал щедрый бурундук. - Твои предки хорошие люди были.

Разжились старушка и мальчик рыбой, малыш вернул Менгк-Ими то, что взял. Увидела она его у амбара, погналась, попугала.

Как-то однажды опять нечего стало есть бабушке и внуку, еле живы, а ловушки их все пусты.

Опять унёс мальчик связку вяленой рыбешки из амбара обжоры-соседки.

Увидела его Менгк-Ими, погналась, не отстала:

- Вот я тебя съем, воришка.

Как кузнечик, с кочки на кочку перебежал мальчик болото.

Менгк-Ими бежать не может, жирное брюхо мешает. В болоте вязнет великанша.

²⁶ Чебак - небольшая рыба, относящаяся у семейству карповых. Обитает практически во всех реках и озерах Урала и Сибири.

Заторопился малыш, вывел бабушку из землянки. Спрятал в яме, валежником, травой прикрыл. А сам отбежал подальше и на лиственницу влез, на самую вершину. Менгк-Ими стала карабкаться за ним. А лиственница до макушки без сучков. Упала Менгк-Ими на колени, ствол грызет. Лиственница, известно, крепка, что железо.

Сбегала великанша за топором. Рубила, рубила, сломала топор.

Идёт мимо Медведь - Лесной Мужик:

- Менгк-Ими, дровишки понадобились? Великанша, объевшаяся мясом, просит:

- Помоги моему горю. Свали дерево. Я завтракала, не отдохнула. Сильно спать хочу.

- Ладно, - согласился Медведь. - Ступай в свою избушку, спи.

Убежала великанша, захрапела. Прислушался Медведь, говорит мальчику:

- Внук, привяжись поясом, а то свалишься.

Мальчик привязал себя к вершине опояской. Медведь говорит:

- Твой дед хороший человек был. И ты живи!

Наставил Медведь таловых кольев вокруг ствола, заплёл их длинными вицами, гибкими ветвями ивы. Глиной с песком умазал. Вдвое толще лиственница у корней стала.

Менгк-Ими выпалась, прибежала. Принялась снова ствол грызть. Так песок и заскрежетал на зубах!

Бежит мимо Волк.

- Менгк-Ими, что за нужда вместо обеда живое дерево грызть?

Великанша просит:

- Помоги моему горю. Свали лиственницу. Я проголодалась. Побегу, лося съем.

- Ладно, - согласился Волк. - Ступай в свою избушку.
Убежала она.

Тем временем Волк говорит малышу:

- Племянник, крепко ли сидишь?

- Крепко! - отвечает мальчик.

Волк говорит:

- Твой отец хороший человек был. И ты живи!

Натаскал Волк ивняка, оплел им ствол, глиной с песком умазал. Втрое толще лиственница у корней стала.

Менгк-Ими слопала лося, вернулась к лиственнице. Опять ствол грызёт. Грызла-грызла, устала.

Бежит мимо Лиса.

- Менгк-Ими, после обеда такие богачки, как ты, нежатся-спят.

Великанша просит:

- Помоги моему горю. Свали лиственницу. Я обедала, объелась. Теперь спать хочу.

- Ладно, - согласилась Лиса. - Ступай в свою избушку, спи.

Убежала Менгк-Ими, захрапела, точно скрипучее дерево на ветру качается - хрр-скырр.

Лиса говорит мальчику:

- Племянник, наверно, есть хочешь?

- Хочу, - отвечает мальчик.

Кинула Лиса вверх позёму - сушеную распластанную щуку,
- мальчик поймал.

Лиса говорит:

- Твоя мать хорошая женщина была. И ты живи!

Принесла лиса гибкого черёмушника, заплела вокруг ствола, глиной и песком умазала. Вчетверо толще лиственница у корней стала.

Менгк-Ими отоспалась, опять прибежала лиственницу подгрызать. Видит, стала лиственница такой толстой, что хоть

все лето грызи, не свалишь. Завыла великанша и села пол деревом.

Мальчик спрашивает:

- Тётушка, я слезу?
- Слезай, - отвечает Менгк-Ими.
- Принеси пешню²⁷, тогда слезу.
- Зачем?
- Я лёгкий. Чтобы вниз потянуло.

Подавала великанша пешню. Сама под лиственницей легла. Разинула пасть и ждёт, когда малыш соскользнёт. А маленький ханты прицелился. И, как копьем, отточенной пешнёй пригвоздил людоедку.

Все её запасы доброй старушке и малышу-внучку достались. Вот был пир! Все звери без страха к великанскому амбару сошлись. Все птицы слетелись. А на самом почётном месте напротив бабушки и внука сидели Медведь, Волк и Лиса.

***Источник:** Слинкина, Г. И. Сказки земли Югорской [Текст] / Галина Слинкина ; [худож. Ф. Г. Ячигин]. - Изд. доп. и испр. - Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2010. - 199, [6] с. : [12] л. цв. ил.*

ДЕВУШКА ХУТНАЙ

Хантыйская сказка

В давние-давние времена в хантыйских юртах на Иртыше жила девушка по имени Хутнай — Шесть Огней. До того красивая, что братья ее, когда надо было им отлучиться, прятали Хутнай в тайной землянке. Там всегда наготове запас

²⁷ Пешня - остро заточенный железный лом с деревянным черенком для долбления лунок во льду.

еды, вода и дрова. У яркого огня возле чувала можно было рукодельничать.

Двадцать веселых подружек окружали Хутнай в землянке. Пели с ней песни, рассказывали ей сказки, ждали охотников с добычей.

Вот один раз собрались братья промыслять лосей и диких оленей. Всех мужчин деревни с собой взяли. А сестру с девушками, как всегда, в землянке в глухом месте спрятали.

Много мяса повезли домой в тот раз охотники. С трудом их лодки по течению плывут.

Вот уж юрты недалеко, за ближним мысом стоят.

Вдруг с яра чужие воины прыгнули в реку, схватили лодки, быстро на косу песчаную вытащили. Руки-ноги охотникам арканами волосяными связали.

Самый высокий в богатой одежде, князь, видно, стоит на яру, смеется.

— Эй, братья Хутнай! Видели, какие ловкие у меня воины! Послушные воины! Что велю, исполнят. Отдавайте за меня сестру, не то силой возьму. Выкупа не дам. Вас заставлю большой ясак²⁸ платить. Совсем разорю ваш народ.

Старший брат Хутнай отвечает:

— Не будем, князь, ссориться. Наш отец в мире с твоим жил. А мы и породниться согласны. Однако приготовиться надо к свадьбе. Брусника поспеет, через семь дней после того приезжай за невестой.

Вернулись братья домой, открыли землянку, говорят сестре:

— Сестра Хутнай, скоро — как брусника поспеет — жених свататься приедет, готовься. Прощайся с подругами.

Заплакали девушки, и Хутнай тоже. Жалко расставаться. Боязно Хутнай к чужому народу ехать. Но ничего не поделаешь, видно, придется.

²⁸ Ясак — ежегодная дань с покоренного народа.

Отошла морошка. Берут девушки чернику, малину. Хутнай на бруснику глядит. Подержит кисть брусничную в руке: «Ой, мягкая ягода становится. Скоро князь приедет. Увезет Хутнай на чужую сторону из родных юрт. С кем она песни свои петь будет, кто ей сказки своего народа рассказывать станет?»

Долго ли коротко — заговорили в юртах: едет обский богатырь Хуш-Тор-Ики замуж Хутнай братъ. Везут его шесть гребцов, седьмой на корме правит веслом кедровым позолоченным. Много воевал Хуш-Тор-Ики. Смелый он богатырь. И охотник первый, и рыбак лучший. Сколько песен знает Хуш-Тор-Ики! Как на лебеде играет Хуш-Тор-Ики! А легенд и сказок ему без счету известно. Добрый он с добрыми людьми. Жесток с врагами. Как рассердится Хуш-Тор-Ики, ударит по земле кулаком — двадцать озер, двадцать лугов появятся. Едет обский богатырь сватать красавицу Хутнай.

Вот уже из иртышских юрт стало видно лодку его.

Девушки говорят:

— Побежим, с яра посмотрим, какой жених.

Воротились скоро, рассказывают Хутнай:

— Лежит он в лодке, сам в красной рубахе, от солнца не отличается.

Пристала лодка обского богатыря. Братья Хутнай встречают гостя. В дом ведут, на почетное место сажают. Угощают богатыря обского муксуном вяленным, ухой из муксунных головок, осетрину, стерлядь свежую ставят поближе к гостю, икру, в рыбьем жиру жаренную.

— Отдайте за меня вашу сестру, — говорит обский богатырь.

— Рады б, — отвечает старший брат, — да другому обещали. Скоро приедет жених. Не сдержим слово, разорит он нас, не будет житья всему народу.

Опечалился Хуш-Тор-Ики и говорит:

— Тогда домой не поеду. Опять воевать стану.

Вовек не женюсь.

Видит Хутнай — повернулась лодка Хуш-Тор-Ики, поплыла по течению быстро.

Побежала Хутнай берегом, обогнала лодку. Смотрит с обрыва на обского богатыря. Какой сильный обский богатырь! Какой он высокий! В красной рубахе от солнца не отличается. Заплакала Хутнай. «Уйду берегом за Хуш-Тор-Ики. Женой богатыря стану». Побежала было. Потом застыдилась. «Если я за ним побегу, все девушки ханты к женихам сами пойдут. Неладно будет». Остановилась красавица, подняла в горе руки к небу.

— Дай мне, небо, кольчугу богатырскую. Одолею нелюбимого князя.

Только сказала так, скользнула золотая кольчуга с облака прямо ей в руки.

— Благодарю тебя, небо, однако без лука и стрел не победить мне мужчину.

Упали с облака к ногам девушки богатырский лук и стрелы оперенные.

Зашла Хутнай в тайную землянку, примерила кольчугу, попробовала лук. Впору ей доспехи, под силу оружие.

Прибежали девушки в землянку.

— Подружка наша, Хутнай, братья домой зовут. Князь приехал, большой выкуп привез.

— Не пойду за князя! — говорит Хутнай. — Будут силой отдавать, воевать стану.

Старший брат пришел, уговаривает:

— Милая сестра, иди за князя. Все девушки замуж выходят. Близко ли, далеко ли вслед за мужем идти — не

девушке решать. Мы тебя берегли, ты нас уважь, не навлекай беды на весь народ.

— Не пойду за него, — отвечает Хутнай. — За обского богатыря пошла бы.

— Обский не приедет больше. А князь разорит юрты, если не пойдешь за него.

— Сама одолею князя, — говорит Хутнай. Вышла она в кольчуге. Лук со стрелами брату показывает.

— Стыдно нам, если девушка начнет воевать. Сами станем гнать князя и его воинов, а убьют нас — не дай в обиду народ, — сказал брат.

Три дня, три ночи сражались братья Хутнай с княжескими воинами. Всю кровь пролили в родную землю, упали бездыханные и превратились в ранний снег.

Как увидели люди, что убиты братья, побежали к тайной землянке.

— Хутнай, твоя очередь настала!

Вышла Хутнай.

Лицо ее грозное забралом золотым завешено. В длинной блестящей кольчуге Хутнай от луны не отличается.

— Князь, я мстить пришла. Становись на виду, узнаем, чьи стрелы вернее.

Три дня не может князь пробить кольчугу Хутнай. И стрелы девушки его не трогают. Замрет стрела в воздухе, дождется княжеской стрелы, пошлет ее обратно, а сама падает к ногам девушки. Видит Хутнай — не сразить ей князя из лука.

— Давай, князь, бороться, — говорит.

Согласился князь.

Только дотронулся он до любимой Хутнай, силы его покинули.

Шесть раз подняла и уронила Хутнай немилого князя на землю. Он взмолился:

— Отпусти меня, девушка Хутнай. Вовек твой народ не трону, тебя никогда не обижу.

Не пожалела Хутнай постылого жениха. Оторвала от земли, бросила опять. И стал князь ранним снегом.

Позвала девушка свой народ:

— Не бойтесь никого! Рыбачьте, на охоту ходите. Запасы делайте. Зима скоро.

Обрадовались люди, принялись все за дело. Дальше жить стали.

Хутнай народу советчица. Со всего Иртыша ханты называют ее своей защитницей. Мудрая Хутнай, сильная Хутнай. Имя ее светлое — Шесть Огней. Лицо ее красивое — от луны не отличается. Однако никто к ней посвататься не смеет. Богатырь — девушка Хутнай! Плачет девушка тайком, а слава о ней идет по всей земле.

Источник: Чучелина, Т. С. Сказки Югры [Текст] : сборник / Т. С. Чучелина. - М. : Наш современник, 1995. - 176 с.

ТРИ МУДРЫХ СЛОВА

Хантыйская сказка

В небесном городе, в царском городе бедные муж с женой жили. Жили они очень бедно. Иногда еду находят, иногда нет. Однажды старик решил в чужие земли пойти, чтобы работу найти. Поцеловался с женой и пошёл, куда глаза глядят, куда ноги его несут. Долго шёл или коротко шёл — кто знает. Наконец, в большой город пришёл. Пошёл он к купцу, спросил работу. Дал ему купец сапоги и сказал:

— Работай до тех пор, пока сапоги не износишь.

Согласился мужик. Думает: «Сапоги долго ли износить». Стал он работать. Работал с утра до ночи. Много месяцев

прошло, только сапоги совсем не изнашиваются. Однажды он встретился с белобородым стариком. Тот поздоровался и сказал:

— Послушай меня, я тебе помочь хочу. Эти сапоги не изнашиваются. До тебя много человек до самой смерти работало. Ты эти сапоги каждый день в воде мочи и на печи суши, тогда они быстро сгниют. Потом ты пойди к хозяину и ему их покажи. Хозяин спросит: «Что тебе нужно: триста рублей или три мудрых слова?» Ты денег не бери, соглашайся на три мудрых слова.

Сказал так старик и исчез.

Мужик так и сделал. После того как сапоги продырявились, пришёл он к хозяину.

— Что делать,— сказал хозяин,— но ты сапоги быстро изнашивал. Проси, что тебе нужно: триста рублей или три мудрых слова.

Мужик немного подумал и сказал:

— Что мне делать с деньгами? Был я бедным, от трёхсот рублей богатым не стану. Говори мне три мудрых слова.

— Слушай. Когда очень пить захочешь, воду ищи на болоте между кочек. Когда захочешь войти в чужой дом, постой перед дверью, постучи в дверь. Третья мудрая мысль: когда что-нибудь захочешь рубить, руку свою немного задержи.

Слушает мужик эти слова и думает: «Эх, зря я отказался от денег». Что делать, так и пошагал домой. Шёл день, шёл два, на третий день видит перед собой большое стадо и людей. Подошёл мужик поближе, спросил, что случилось. Оказалось, люди много дней не видели воды, много скота потеряли. Так обессилели, что дальше идти не могут. Вспомнил тут мужик первый совет. Пошёл он на болото, нашёл между кочек воду и оживил людей. Обрадовались те люди и много коров и лошадей дали мужику. Дальше они отправились вместе.

Пришли они вечером в город и остались здесь торговать. Мужик заночевал на краю деревни. Вечером городской голова пригласил приезжих людей в гости, те пригласили с собой мужика. Мужик пришёл в гости после всех. Только хотел он открыть дверь — вспомнил второй мудрый совет и вдруг услышал разговор. Женский голос слышится:

— Сегодня в наш город гости приехали. Сейчас и нужно мужа моего убить — все подумают на приезжих. Ты будешь вместо него править городом.

Говорившие не заметили, как мужик приоткрыл дверь и отрезал от их одежды по маленькому кусочку. С этим он вернулся обратно.

Утром в городе известили: городского голову чуть не убили. Схватили всех гостей. Мужика тоже позвали туда. Стали допрашивать всех, только никто ничего не знает. Тогда вышел мужик и рассказал всё, что слышал вчера. Потом он вытащил кусочки от одежды и приложил их к платью тех мужчины и женщины, они точно на место легли. Виновных тут же схватили.

Мужик отправился домой. Долго шёл или коротко, пришёл он в свою деревню. Смотрит: на месте старого дома новый дом стоит. Вошёл он в дом. Смотрит: спит его жена в другой комнате, а рядом с ней молодой человек. Схватил мужик топор и подскочил туда. Только поднял он топор — вспомнил третий мудрый совет. Тут жена его проснулась и схватила его за руку:

— Что ты делаешь, глупый мужик! Это наш сын. Сколько лет прошло после того, как ты ушёл, уж и сын вырос.

Стали они счастливо жить. Может, и сейчас живут.

Источник: Сказки народа ханты [Текст] : кн. для чтения в мл. и сред. кл. / под ред.: Е. А. Немысовой, Е. К. Скрибник ; ил. Л. Н. Иванов ; сост.: Е. В. Ковган [и др.]. - СПб. : Алфавит, 1995. - 143 с. : ил.

ОЛЛЕ И ГУСЬ-БОГАТЫРЬ

Хантыйская сказка

Жили в урмане на берегу речки три брата и сестра. Сестру Олле звали. Братья рыбачили и охотились, а Олле дома управлялась. Мясо и рыбу сушила, ягоды и кедровые орехи запасала. Много шкур Олле скоблила и мяла, из этих шкур одежду и сапоги охотничьи для братьев шила.

В урмане²⁹ одежда и сапоги скоро рвутся. Каждый вечер Олле чинит, латает. Каждый вечер зимой просушивает у очага большущие рубахи и малицы, рукавицы и кенчики — чулки мехом внутрь. Варит Олле обед — три котла подвешены у чувала. Хлеб Олле возле избушки в глиняной печи выпекает. С утра до полночи некогда Олле присесть.

Однажды Олле пекла хлеб. Очень пышный хлеб удался, душистый.

Шел недалеко хозяин Нижнего города Ай-Лонт-Вурт, Гусь-богатырь его звали, запах хлеба почувствовал. Вышел он к избушке — молодой, красивый богатырь, в богатой одежде. Поклонился Олле, сказал:

- Вкусный, наверно, хлеб. За семь песков твоим хлебом пахнет.

Олле при чужом мужчине платком завесилась. Однако богатырь ей полюбился, и подала Олле один хлеб ему.

- Отведай, потом хвали.

Попробовал Гусь-богатырь и говорит девушке:

- Сватать тебя пришел.

- Не отдадут братья, — ответила Олле. — У них жен нет. Кто управляться станет?

- В моем Нижнем городе много девушек. Почему братья не берут невест из моего города? - удивляется богатырь.

²⁹ Урман - тайга, глухой лес.

Отвечает Олле:

- Братья сказывали, ленивые девушки в твоём городе. Только вышивают да наряжаются с утра до вечера, а вечером песни поют да пляшут под музыку лебеда.³⁰

Строго говорит Гусь-богатырь:

- Наши девушки всему учатся, что им в замужестве пригодится. Но вечерами отдыхать надо и девушкам. Я порядок завел, чтобы у кого дети малые есть в домах, всякий вечер им сказки рассказывали. А молодые веселятся. Вечерами в моём городе все в чистой одежде. Кому петь и плясать не хочется, стариков расспрашивают, мудрые речи слушают.

Изумляется Олле. Вон как в Нижнем городе! А богатырь дальше говорит:

- Дерево и то наряжается. Зверь и птица малицы обновляют. Только тебя братья не наряжают, работой заморили. Посмотри, Олле, твои пальцы свело, как у пожилой женщины.

Заплакала Олле. - Деваться мне некуда. Старший брат сильно сердитый. Не дает вышивать, петь не велит.

Только так проговорила Олле, братья к избушке вышли. Увидели богатыря, нахмурились. Старший брат спросил:

- Свататься явился? Уходи, а то убью.

Ушел богатырь ни с чем, и с этих пор братья стали гнать его из урмана. Едва увидят - целятся из луков, велят в город возвращаться.

Перестал Ай-Лонт-Вурт ходить на промысел. Каждое утро вместо охотничьего лука берет лебеда. Залезает в свой самый высокий амбар и перебирает струны.

Далеко из амбара урман видно. Видать даже дымок от чувала, который Олле топит.

Смотрит богатырь на тот дым, ударяет по струнам лебеда.

Выговаривают струны:

³⁰ Лебедь (хотанг) - струнный музыкальный инструмент.

Олле — невеста моя,
Тратил я годы
На охоту, пиры и беседы.
Олле — невеста моя,
Теперь о тебе лишь думаю.
К зиме накоплю
Силу в крыльях своих.
Жди меня, Олле,
Не называй меня трусом.

Разносится музыка по урманам. Братья Олле слышат, злятся. А добрые люди в Нижнем городе радуются.
— Скоро Гусь-богатырь — хозяин Нижнего города — совет гнездо с Олле-красавицей.

Однажды ветер донес Олле голос струн. Заволновалось сердце девушки, застучало, как дятел.

Проводила Олле братьев в бор, принесла оленью голову варить. Принести принесла, а что дальше делать забыла. Дрова притащила, в очаг не подбросила. Достала Олле кукол своих, вышивать стала. С куклами разговор ведет:

— Скоро Гусь-богатырь меня замуж возьмет. Он добрый. Меня наряжать станет, бусы и ленты подарит. Я вам новые платья сошью. Нагрудники бисерные носить будете.

Пела Олле весь день, не заметила, как вечер наступил, братья из бора пришли.

Кинулась Олле очаг растапливать, старший брат говорит:

— Смотри, сестра, будешь лениться, выгоню. Опять Олле управляется в избушке, старается.

Старший брат покрикивает на нее:

— Не забывай женской работы. Засветло дрова и воду носи. За хлебом следи, коли в печь посадила. Собак корми. Шкуры скобли-выщелывай. Одежду шей новую, старую чини,

успевай! Еду вари. Мы на промысле мокнем, мерзнем. Тебя кормим, защищаем.

Однажды ушли братья на охоту с ночевкой. Опять ветер донес с Нижнего города музыку. Услышала Олле речь струн — про все забыла. День и ночь с куклами проиграла. Вышивала, песни пела, не заметила, как братья пришли. Старший брат схватил Олле за косы и выволок из избушки.

— Говорил тебе — не ленись! Иди куда хочешь. А жениха твоего мы выследим и убьем, как пакостливого зверя — росомаху.

Стоит Олле на поляне, дрожит от холода.

Вдруг зашумели верхушки кедров. Темно стало. Будто буран налетел на Олле, поднял, закружил и понес куда-то.

Очнулась Олле утром в каменном доме. Лежит она на высоких нарах. Постель из белых мягких шкур. Занавес у нар цветастый, как опушка урмана летом.

— Наверно, Ай-Лонт-Вурт меня в жены взял, — догадалась Олле.

Подошла она к чувалу. Чувал истоплен. Еда горячая готова. С дровами пожилая незнакомая женщина вошла.

Олле ее спрашивает:

— Кто хозяин тут, у кого гощу? Женщина отвечает:

— Теперь ты тут хозяйка, Гуся-богатыря жена. Я прислуживаю сегодня, а завтра другая женщина придет. Мы нашему богатырю помогаем, а он нас от врагов защищает.

Оделась Олле во все новое и на улицу вышла. Огляделась кругом — дома каменные один за другим стоят. Улицы чистые, широкие. Ребятишки с горы катаются. Иногда по городу на оленях в нартах охотники, рыбаки проезжают. Женщины мужей приветливо встречают. Дивуется Олле, как все согласно живут в городе.

Долго Олле по улицам ходила. Люди с ней здороваются, счастья желают.

Пошла Олле в дом богатыря. Видит — печальный сидит. Взял он лебедя, заплакали струны.

— Почему грустит твой лебедь? — спрашивает Олле. — Скажи мне, мой муж.

Отвечает богатырь:

— Должен я покинуть тебя, моя жена. Полечу в Верхний город. Давно там не был. Узнаю, все ли хорошо. Через три дня за тобой прилечу.

— Как одна останусь? — заплакала Олле. — Братья придут, обратно уведут.

— Я сторожей у дверей посажу, — говорит богатырь. — Но ты младшего брата не бойся и среднего брата не опасайся. Придут они по одному. Накорми и одежду новую дай. А старшего не пускай. Если примешь его, мы с тобой больше не увидимся.

Надел молодой муж Ай-Лонт-Вурт серую гусиную шкурку и вылетел в дымовое отверстие. Осталась Олле одна в доме. Сторожа посидели-посидели да и уснули у дверей. Слышит Олле — стучит, зовет младший брат. Открыла Олле ему, накормила, одежду дала новую. На завтра средний брат пришел. И его Олле приветила.

На третий день старший явился. Долго Олле не отворяла. Заплакал брат.

— Сестра, я тебя вырастил, поил, кормил. Неужели мое добро забыла?

Пустила Олле старшего брата. Он сердитый опять. Еду сам взял. Одежду сам взял. Прикрутил брат Олле веревкой к нарам, рот платком завязал. Сам отдохнуть лег, охотничий нож рядом на полку положил.

В полночь свист крыльев донесся. Слышит Олле — круг за кругом делает Ай-Лонт-Вурт.

Чует Гусь-богатырь — чужой в доме.

Полетал-полетал, сел на дымовое отверстие.

Старший брат подскочил с охотничьим ножом, отсек лапки богатырю. Хлынула кровь. Застонал Гусь-богатырь, закричал, в небо взвился.

Старший брат развязал Олле, говорит:

— Загостился я. Пойду. Что хотел — сделал. Умрет твой муж без ног.

Собрала Олле в туесок кровь своего мужа, лапки-ноги его туда же положила. Пошла она по улицам Нижнего города, по окраинам. Смотрит Олле — не лежит ли где замертво богатырь. Нигде не нашла она своего мужа. В горе упала Олле на тропу, долго плакала. Очнулась — ее кто-то зовет. Глядит Олле — перед ней маленькая старушка.

— Не горюй, Олле. Живой твой муж. Улетел он в свой Верхний город. Сюда без ног не вернется.

Еще горше заплакала Олле. Старушка ее утешает.

— Знаю, как ты его любишь. И он тебя любит. Спасешь его, если моего совета послушаешь. Пусть кузнец тебе три хлеба скует, кисы³¹ и посох. Как износятся кисы, изотрется посох, кончатся хлебы, до лестницы дойдешь. Та лестница в Верхний город. А идти к ней долго. Сперва с домом попрощайся. Туесок с кровью и лапками возьми, шесть раз дом богатыря обойди. Седьмой раз пойдешь, заметишь мышиную тропинку. Иди по ней. Она к горностаевой тропинке ведет. Горностаеву тропинку пройдешь, начнется заячья. Заячья тропа в лисьей теряется. С лисьей тропы на волчью сойдешь. С волчьей на медвежью ступай смело.

³¹ Кисы - сапожки из оленьего меха.

Долго шла Олле. Все тропинки и тропы прошла, как ей старушка велела. Увидела Олле лестницу. Нету сил у Олле. Еле-еле взобралась наверх. Оказалась на сухом болоте. Вдалеке город увидела, точь-в-точь как Нижний город богатыря. И солнце то же, и урман похожий, и речка совсем такая же, из какой Олле воду в избушку носила.

«Бояться нечего, — думает Олле. — Однако люди спрашивать начнут, отчего моя одежда грязная и рваная. Откуда пришла, спросят».

Перекувыркнулась Олле через голову, сделалась девочкой.

— Скажу, сирота, — придумала Олле. — Жила в урмане с братьями. Братья ушли куда-то жен искать.

Подошла Олле к окраине города. Возле одного дома старика увидела. Старик дрова рубит. Олле-де-вочка поздоровалась, спрашивает:

— Не возьмешь ли, дедушка, в прислуги?

Старик старуху позвал. Та обрадовалась. Прожила Олле у старика со старухой три дня. На четвертый день гонец на коне приехал.

Старик со старухой вышли на крылечко. И Олле вышла.

Говорит гонец:

— Хозяин нашего города Ай-Лонт-Вурт к предкам собрался, не может он без ног жить. Велит перед смертью, чтобы ты, старуха, сварила ему уху из муксуньих головок, а старик покормил бы богатыря ухой.

Поспешили старик со старухой во дворец.

Олле перышком обернулась, следом полетела, туесок с кровью и лапками Гуся-богатыря понесла. Отыскала Олле чувал, где котел с ухой кипел. Как старуха отвернулась, Олле из заветного туеска в котел все вылила и скорее обратно.

Скоро старик и старуха домой вернулись довольные. Рассказывают Олле:

— Хозяин нашего города хорошо ухи похлебал. Все муксуньи головки высосал. Потом крепко уснул.

Прожили день до вечера, ночь ночевали. Наутро гонец от богатыря приехал. Вышли старик со старухой на крылечко.

— Ай-Лонт-Вурт благодарит вас, — говорит гонец. — От старухиной ухи, видно, у богатыря ноги отросли. Стал он весел и здоров. На охоту пошел хозяин Верхнего города.

Опять день до вечера прожили, ночь ночевали. Олле горюет, как ей мужу объявиться, как повиниться перед ним. Думала-думала, ничего не придумала.

Опять утром гонец приехал. Зовет старика со старухой на свадьбу во дворец: женится Гусь-богатырь на Дочери Утренней Зари.

К вечеру нарядились старик со старухой, на свадьбу отправились. Олле с ними до дворца дошла.

Как раз семь оленей на праздничной нарте примчали невесту-красавицу. Женщины помогли ей с нарты сойти. Обронила Дочь Утренней Зари золотую сережку.

Олле-девочка подобрала серьгу.

Поздно вечером старик со старухой явились домой, толкуют:

— Богам угодно стало, чтобы хозяин Верхнего города поправился. В Нижний город никогда наш хозяин не полетит. Тут у него гнездо, тут у него хорошая жена, Дочь Утренней Зари. А в Нижнем городе худая жена. Мужа не послушалась. Ног мужа лишила. Сколько мы богов задабривали, наконец, они богатырю ноги возвратили.

Заплакала Олле, на улицу вышла. Не бывать ей больше женой богатыря. Худая была жена Олле. Не послушалась мужа. Идет Олле, идет. Вдруг музыка зазвучала. Узнала Олле речь струн. Ай-Лонт-Вурт играет на своем лебеде. Поет богатырь:

Олле — любимая жена моя,
Олле — первая жена моя.
Не послушалась, Олле, мужа.
Теперь никогда не увидимся.

Обернулась Олле перышком, подлетела к окну дворца.
Видит она — лицо Дочери Утренней Зари злое. Говорит Дочь Утренней Зари:

— Не хочу слушать эту песню. Обо мне пой, муж. О моей красоте пой под музыку лебедя.

Отвечает богатырь:

— Тебе с Олле не сравниться. У нее сердце как горячий хлеб. Олле на меня не рассердилась бы.

Отвернулась Дочь Утренней Зари.

— Не любишь моего мужа, — прошептала Олле. — Зачем в его дом женою вошла?

Разогнула Олле серьгу, ту, что обронила Дочь Утренней Зари перед свадьбой. Дочь Утренней Зари глаза закрыла и упала на шкуры.

— Спи до весны, — сказала Олле тихонько. — Весной богатыря позовут озера Нижнего города. Улетит он раньше, чем ты проснешься.

Прошло три дня, три ночи.

Велел богатырь перенести Дочь Утренней Зари в Вечерний Дом, на женскую половину.

Дальше живут.

Опять богатырь жениться решил. Взял в жены Дочь Луны.

Проводила Олле старика со старухой до дворца.

Как раз семь оленей на праздничных нартах невесту примчали. Женщины принялись невесту с нарт снимать, обронила Дочь Луны золотое кольцо.

Подняла Олле кольцо.

Вечером старик со старухой вернулись веселые со свадьбы.

Олле перышком обернулась, ко дворцу полетела.

Гусь-богатырь на лебеде играет:

Олле — любимая жена моя,

Олле — первая жена моя.

Не послушалась, Олле, мужа.

Теперь никогда не увидимся.

Прилепилась Олле-перышко к окну. Слышит — Дочь Луны говорит богатырю:

— Не хочу слушать эту песню. Обо мне пой, муж! О моей красоте пой под музыку лебедея!

Отвечает богатырь:

— Тебе с Олле не сравниться. У нее сердце как горячий хлеб. Олле на меня не рассердилась бы.

Отвернулась Дочь Луны.

— Не любишь моего мужа, — прошептала Олле. — Зачем в его дом женой вошла?

Сломала Олле золотое кольцо Дочери Луны. Дочь Луны сразу глаза закрыла и упала на шкуры.

— И ты будешь спать до весны, — сказала Олле.

Через три дня самые уважаемые женщины унесли спящую Дочь Луны на женскую половину Вечернего Дома.

Прошло сколько-то времени.

Ай-Лонт-Вурт посватал Дочь Солнца.

Опять старик со старухой на свадьбу пошли. Олле с ними отправилась невесту глядеть.

Когда женщины невесту с праздничных нарт снимали, обронила она золотую гребенку.

Подобрала Олле гребенку.

Кончилась свадьба. Затихло в городе.

Олле ко дворцу пошла. Идет она, печальную музыку слышит. Играет богатырь на своем лебеде, о любимой Олле поет.

Олле перышком обернулась, в окно увидела — разозлилась Дочь Солнца, не велит мужу эту песню петь.

— И ты его не любишь! — промолвила Олле. — Так усни же и ты до весны. — Разломила Олле золотую гребенку Дочери Солнца.

Три дня, три ночи проходят. Утром Олле по Верхнему городу ходит, слушает. Люди между собой говорят:

— Боги не дают веку девушкам Верхнего города, которые за Ай-Лонт-Вурта идут. Не возьмет богатырь больше ни одну девушку замуж. Надо ему свою первую жену проведать. Наверно, хорошая жена была. Ноги из Нижнего города мужу в Верхний город послала.

Ай-Лонт-Вурт тоже речи народа слушает. Каждое слово острой стрелой в его сердце попадает. Поднялся богатырь в свой самый высокий амбар. Стал богатырь на лебедь играть.

Проскользнула Олле-перышко в амбар. Смотрит из темного угла на своего любимого мужа. Сильно горюет богатырь, плачут струны лебедя.

Играл-играл богатырь, в сердцах кинул лебедя об пол, разбил. Лицо руками закрыл.

Олле дотронулась до лебедя. Лебедь целым сделался, струны туго натянулись.

Очнулся богатырь — лебедь в руки его просится. Опять стал играть богатырь. Запел он:

Олле — любимая жена моя.

Чует мое сердце, ты недалеко.

Обними меня, Олле, первая жена моя!

Олле вышла из угла, своим платком закрыла глаза Ай-Лонт-Вурта.

Воскликнул богатырь:

— Олле! Это ты пришла ко мне!

Весело зазвучали струны лебедя, запели струны, как птицы весной.

Услыхал народ, собрался к высокому амбару хозяина Верхнего города.

Вышел Гусь-богатырь вместе с Олле к народу.

Три дня, три ночи веселились все в городе. На четвертое утро богатырь созвал мужчин ко дворцу, сказал:

— Выбирайте нового хозяина города, я в Нижний город полечу с женой. Меня озера зовут, народ Нижнего города ждет.

Избрали мужчины хозяином Верхнего города самого смелого охотника. Олле ему берестяную шкатулку подала.

— Как исчезнем из виду, открывайте шкатулку. Исправьте серьгу, кольцо и гребенку. Проснутся тогда Дочь Утренней Зари, Дочь Луны и Дочь Солнца.

Надел богатырь на Олле белую гусиную шкурку. Взвилась Олле к самым облакам. Надел на себя богатырь серую гусиную шкурку. Догнал Ай-Лонт-Вурт свою любимую жену. Полетели они на Север, на нашу с тобой землю. Весну на Север наш принесли.

Источник: Чучелина, Т. С. Сказки Югры [Текст] : сборник / Т. С. Чучелина. - М. : Наш современник, 1995. - 176 с.

МАЛЬЧИК КОРЕШОК

Хантыйская сказка

Жила в лесу на берегу озера одинокая женщина Маньсь Нэ. Ловила она рыбу, собирала ягоды. Однажды спустилась к озеру искать корни водяных растений. Брала, брала их, хотела уж домой возвращаться, да подумала: «Дай вырву ещё

корешок». Вытянула корешок из ила, видит — похож он на маленького мальчика. Вымыла его Маньсь Нэ, положила в корзину и принесла домой.

Дома сплела она из берёсты люльку, сшила из ленты рубашку. Одеда корешок, уложила в постельку и стала качать, как куклу.

Качала она, качала люльку и вдруг услышала плач ребёнка. Глянула — корешок ожил! Радости Маньсь Нэ не было конца. Ухаживает она за мальчиком Корешком, как за сыном.

Стал мальчик Корешок быстро расти. Вот он уже на ножки встал, во двор выскочил. Сам мастерит себе лук и стрелы, колет дрова и в дом несёт. Не налюбуется на него Маньсь Нэ.

Однажды ушла она из дому на озеро рыбу ловить, а Корешок решил тем временем в лес сбегать, ягод пособирать. Тут подкараулила его лесная колдунья, прикинулась матерью и увела его к себе домой.

Вернулась Маньсь Нэ с озера — никто её не встречает. Вошла в дом. Что такое? Сидит у окна чужая девочка.

— Чья ты, девочка? И где мой сын Корешок?— спрашивает Маньсь Нэ.

— Твоего сына забрала моя мать, лесная колдунья,— ответила девочка.— Будет он кормить её да моих братьев. А ты мне есть давай! Я голодная.

Заплакала Маньсь Нэ. Но слезами делу не поможешь. Накормила она девочку и спрашивает, не хочет ли дочь колдуньи учиться шить. Но девочка отшвырнула нитки, порвала тряпки.

В доме она прибирать не хочет, даже за дровами во двор сходить отказывается. Такая ленивая, что совсем Маньсь Нэ измучилась с нею. Ловит Маньсь Нэ рыбу, на охоту ходит, еду на двоих готовит и ласково зовёт девочку по имени Нэнь. А

той и разговаривать лень, даже ложкой хлебать не хочется — совсем изнежилась.

От непосильного труда состарилась Маньсь Нэ, не может больше ни рыбу ловить, ни охотиться. В доме есть нечего. А Нэнь кричит на мать и гонит её на работу.

Зато лесная колдунья живёт припеваючи. Сыновья у неё тоже бездельники. Один Корешок ставит силки³² и капканы на зверей и всегда возвращается с добычей. Один Корешок закидывает невод и приносит много рыбы. А лесная колдунья лучшие куски отдаёт родным сыновьям, сама ест, Корешку оставляет что похуже.

Однажды Корешок задумался: «Почему моя мать со мной такая грубая? Ведь любит же она братьев...» Вышел он во двор, пригорюнился и вдруг слышит, что мать его смеётся в избе:

—Ха-ха-ха! Сын Маньсь Нэ нас кормит, поит, а сама она уже не может прокормить одну мою дочь Нэнь.

«Вот в чём дело! Она мне не мать!— догадался Корешок.— Что же делать?» И решил бежать.

Стояла зима. Куда идти, где искать мать, Корешок не знал. Взял он лыжи, прихватил котелок и отправился куда глаза глядят. Шёл, шёл, проголодался. Вскоре напал на след дикого оленя. Погнался за ним, убил. Потом развёл костёр, сварил мяса, поел и задремал.

И снится ему, будто подходят к костру две куклы, сделанные из утиных клювов, точь-в-точь такие, какими он в детстве играл.

— Здравствуй, Корешок,— говорят ему куклы.— Вкусно ли ты поел?

— Вкусно,— ответил Корешок.

³² Силки - ловушки на зверя, птицу.

— А вот мы голодные,— сказали куклы.— И твоя мать Маньсь Нэ тоже есть хочет. Она стала стара, и никто ей не помогает.

— Но где она?

— Отдай нам твою добычу — мы путь укажем.

— Берите, берите,— обрадовался Корешок.

Тут куклы и говорят:

— Толкни котелок, куда он покатится, туда и иди.

Проснулся мальчик — никого. Костёр погас. И туши оленьей нет, только в котелке мясо осталось.

Толкнул он котелок — и тот покатился. Надел Корешок лыжи — да за ним.

Долго ли, коротко ли шёл — привёл его котелок к маленькой избушке. Подошёл Корешок к двери, слушает, что в домике делается. А в это время ленивая Нэнь говорит матери:

— Иди на охоту! Я есть хочу!

— Ох, не могу. Болею я,— отвечает Маньсь Нэ.— Потеряла я милого сына Корешка. Он бы помог мне в старости.

Услышал Корешок эти слова и догадался, что тут его родная мать живёт. Влез он осторожно на крышу и спустил через трубу в дом котелок с мясом.

Глянула Нэнь в чувал — а там котелок. Обрадовалась:

— Вот Бог нам мяса послал. Иди за дровами, разогрей мясо скорей!

— Это не Бог, это, наверно, мой сын Корешок,— сказала старая Маньсь Нэ и заплакала.

Корешок не мог больше стоять за дверью и открыл её.

— Я твой сын Корешок, мама,— сказал он.— Я никогда больше тебя не оставлю. А ты, ленивая Нэнь, уходи к своей матери.

Источник: Сказки народов Севера [Текст] / сост. Е. Н. Самойлова. - СПб. : Алфавит, 1995. - 160 с. : ил.

СИРОТСКИЕ СЛЕЗЫ

Хантыйская сказка

Однажды в деревне отмечали праздник. С утра все принарядились, гулять отправились.

А молодые женщины решили за ягодами на Черёмуховый остров съездить. Сели в лодки и уплыли.

На Черёмуховом острове заросли густые, ягоды низко свисают — и дитя наберёт.

Уехали хозяйки. Песни их еле слышны с острова. А старушки расхрабрились, молодость вспомнили:

— А что, не пойти ли и нам за черёмухой? Пойдём на Черёмуховую гриву к самой горе.

— Пойдём, пойдём! — засобирались полуслепые да глухие бабушки.

Некому было отговорить их. И отправились они в опасное место: там, на Черёмуховой гриве, у горы, злой дух Шиликун пошаливал. И великаны-менгки этот лес своим считали: здесь они черёмухой запасались. Если они брали ягоду после дождя, то на земле огромные, как разостланная шкура, следы оставались. Ещё дождь пройдёт, вода в них наберётся — будто озёрки стоят.

Побрели, стало быть, разнаряженные старушки по ягоды. Взяли с собой обноски — в лесу поверх новых узорчатых одежд накинуть, чтобы соком ягодным да зеленою трав платья не запачкать.

Увидала их в окно одна молодка, что дома оставалась. Всплеснула руками, думает: «Не остановить мне старух. Пойду с ними, пригляжу».

С кузовом за спиной, с набиркой³³ у пояса, догнала их молодка.

— Дозвольте, бабушки, с вами!

— Пойдём, пойдём с нами! — отозвались бабушки.— Неленива, весела. Сила есть. Может, на обратном пути кому и подсобишь.

Идут старухи, беседуют. Песни поют. На солнечном пригорке передохнут, дальше двинутся.

Шли, шли — до места дошагали. Что за дивный сад на Черёмуховой гриве! Бог Торум, видно, самые крупные ягоды тут посеял.

Стали старухи набирки заполнять. А молодка оглядывает рощу. Черёмухи — что кедры. Могучи стволами, высокие, раскидистые. Гроздья сияют на солнце, спелые-переспелые. Так много — всю листву заслонили. Ягоды величиной с большой палец. Сказочные, волшебные! Не чёрная ли в них сила колдовская?

Не один раз обошла молодка вокруг места, где бабушки черёмуху брали. Но тихо кругом, спокойно.

«Ягодины, будто детские глаза, беззащитные», — думает молодка. На вершины черёмух взглянула. Росинки с ягод стекают, будто слёзы катятся. Так на душе тревожно!

Прислушалась. Не хватает чего-то. Подумала: «Голосов не слышно!»

Ох, беда! Заметалась туда-сюда. Как не бывало старух! Слышит — птичка жалобно запела. Посмотрела молодка вверх:

³³ Набирка - посуда из бересты для сбора ягод.

— Милая, красивая пташечка! Не покажешь ли, куда бабушки подевались? Полетела птичка в глубь рощи — молодка за ней бежит. Ветви по лицу хлещут, сучья в тело впиваются.

Вдруг просвет увидала: меж деревьев тропинка протоптана. Глядит — следы на ней виднеются: вот старушки прошли, но их следы большой, великанский след покрыл. Ужаснулась молодка:

— Великан, как телят, бабушек гонит! Спасать надо!

Побежала по тропинке. Смотрит — не сам великан, а дочь его впереди вышагивает. Одежды на ней неприглядные, кое-как скроенные, через край сшитые.

— Менгк-эви, голубушка! — закричала молодка. — Зачем полонила старушек?

Девчонка-великанша обернулась:

— Пусть наряды мне шьют-вышивают. Видишь, что на мне? — Потрясла подолом замызганного платья.

— Старухи плохо видят. Не сшить, не вышить им великанских одежд, — говорит молодка.

— Тогда игрушками моими будут! Живые куклы! — захохотала девчонка-великанша. — Давно охочусь за бабами, да только нарядные не попадались.

У старух ноги подкосились. Сели в траву, причитают:

— Ох, зачем в нечистое место пошли!

— Менгк-эви, — просит молодка, — отпусти ты бабушек! Недолго им жить осталось, не успеешь наиграться.

— Хоронить буду. В похороны играть буду! — скалится великанша.

— Вели им праздничную одежду снять да отдать тебе. Я тебе кукол нашью, нарядишь их в старушечьи платья. Вот игру-то весёлую затеешь! — уговаривает молодка.

— А мне платьев нашьёшь, бисером украсишь?—не унимается упрямая великанша.— Если не сумеешь, задушу!

Уговорила молодка Менгк-эви отпустить перепуганных старух.

Кинула девчонка-великанша женщину в грязный, пропахший сырой рыбой подол и унесла к себе домой.

Живёт молодка у великанов. Кроит, шьёт. Слезам воли не даёт. Но сердце болит, будто уголёк грудь прожигает: как там дети без матери?

В селении женщины молча сидят. Ругаться на старух — грешно, а если не ругать за пропавшую молодку, то о чём говорить?

Свекровь молодки вместе с внучатами плачет:

— Осиротели, осиротели мы. Не увидим больше матери. Не придёт, песни не споёт.

А муж молодки у Черёмуховой гривы шалаш себе соорудил. «Дождусь,— думает,— придёт жена обратно. Вернёт её злой дух на старое место. Неужели напрасно слёзы сиротские льются?»

Много ли, мало ли времени прошло — все запасы шкур и мехов, ситцев и шелков у великанов кончились. Нашила пленница им шуб и шапок, обуви и рукавиц, платьев и чулок. Кукол смастерила.

— Отпусти женщину домой! — ворчит старик, отец Менгк-эви.— Накажет небо за неё. Всем нам худо будет!

— Ещё одну куклу сошьёт, тогда отпущу,— обещает великанша.

— Дети без матери — сироты. Столько слёз выплакали — туча собралась,— говорит старик дочери.— Отнеси лучше мастерицу туда, где взяла.

Только не слушает его Менгк-эви. А молодка всё шьёт, головы не поднимает.

Вдруг средь бела дня темно стало. Глянула женщина — туча тяжёлая небо закрыла.

Молния, как копьё богатыря, ударила в великанский дом. Через дымовое отверстие вошла, двери запалила. Кинулись великаны в окно. А девчонка-великанша бросила пленницу в подол и побежала к Черёмуховой гриве.

Догнала её молния-копьё, пронзила ей правую руку. Почернела, повисла рука.

Заревела Менгк-эви, но дальше побежала. Левой рукой полу держит, женщину несёт. Прибежала на то место, где взяла её, да и бросила рядом с шалашом. Бегом назад понеслась. Тут хлынул ливень. Поток сбил Менгк-эви с ног и повлёк прямо в зыбун, в гиблое место.

С тех пор великанов не стало в округе. И злой дух Шиликун куда-то откочевал. Забыл народ про них. А про молодку, терпеливую да бесстрашную, помнят. Слезы деток спасли её, говорят.

Источник: Сказки народов Севера [Текст] / сост. Е. Н. Самойлова. - СПб. : Алфавит, 1995. - 160 с. : ил.

ИДЭ

Хантыйская сказка

Идэ остался сиротой, когда был маленьким. Взяла его к себе бабушка Имъял-Пая.

Вырос Идэ, но всего боялся. Никуда от бабушки не отходит, за бабушкин подол держится.

«Как отучить Идэ всего бояться, чтобы он на рыбалку ходил, на зверя ходил, смелым охотником стал? — думала бабушка.

Был как-то урожайный на кедровые орехи год. Бабушка и говорит:

— Пойдём, Идэ, орешки собирать!|

— Пойдём, бабушка!

Бабушка села в лёгкую лодку-долблёнку, усадила Идэ, положила ружьё, подтолкнула лодку — и поехали.

День был ясный. Солнышко светит. Тайга тихонько шумит. Тым-река от одной песчаной отмели до другой бежит.

Приехали бабушка с Идэ, вышли на берег, поднялись на гору, пошли в тайгу.

В тайге птицы поют. Далеко слышно: кедровка стучит, орешки из шишек выбирает.

Стали бабушка с Идэ орехи собирать. Кедры высоко головы подняли, в ветвях шишки спрятали. Старая Имъял-Пая колотушкой по сучку ударит — шишки сами падают.

Полную лодку орехов насыпали, домой собрались, а бабушка одну берестяную кошёлку с орехами на горе оставила.

— Ох, Идэ, кошёлку забыли! Сбегай принеси! — говорит она.

Идэ на гору побежал. Видит: лежит кошёлка, а рядом ружьё.

Идэ с горы глядит: бабушка оттолкнула лодку от берега и уехала.

Закричал Идэ, заплакал:

— Зачем ты оставила меня, бабушка?

Имъял-Пая даже не оглянулась ни разу — быстро гребла веслом, и скоро лодка совсем исчезла из виду.

Остался Идэ один в тайге. Начал по берегу бегать, искать, где бы спрятаться. Искал, искал — нашёл дупло. Залез в него, клубочком свернулся, лежит тихо, ружьё к себе прижимает.

Солнце спускаться стало, ветер подул, дождь пошёл. Тайга шумит, кедровые шишки падают, по дуплу стучат. Страшно Идэ. Думает: звери пришли, съедят его. Со страху кричать начал:

- Всего съешьте, только голову не троньте.

А его никто и не трогает. Только стук кругом идет - шишки падают. Идэ еще крепче ружьё к себе прижимает

Сколько ни боялся Идэ, заснул все-таки. Спал, спал - проснулся. Смотрит: светло стало, солнце высоко, птицы поют. Тайга тихонько шумит. Идэ ощупал себя. Цел ли? Левую руку протянул — здесь рука. Правую руку протянул — здесь рука.

Идэ из дупла выскочил, на ноги встал. Смотрит: кругом шишки. Ой, сколько шишек!

Стал Идэ шишки собирать и страх позабыл. Некого бояться!

Большую кучу шишек собрал Идэ, на берег посмотрел, видит: бабушка приехала. Идэ бабушке руками замахал, кричит:

— Зачем ты меня одного оставила?

А бабушка ему отвечает:

- Не сердись, Идэ. Ты — человек. С тобой никто ничего сделать не сможет. Человек — везде хозяин. Теперь ты ничего бояться не будешь!

Подумал Идэ: «Права бабушка. Не надо бояться».

Помирился Идэ с бабушкой. Опять стали они орехи собирать, полную лодку набрали и домой поехали.

Тым-река от песка к песку бежит. Высоко солнышко светит. Тайга тихонько шумит.

Хорошо!

С тех пор Идэ бояться перестал. Куда захочет — один идёт.

Так бабушка отучила внука бояться.

Источник: Сказки народов Севера [Текст] : [сборник] / [сост. и обраб.: В. В. Винокуровой, Ю. А. Сема ; худож. А. М. Гусаров]. - Смоленск : СПК, 1992. - 334, [2] с. : ил.

ОТТЕПЕЛЬНАЯ ДЕВУШКА

Хантыйская сказка

Высоко на холме, на Полуденной горе, Хозяин Тепла жил. Владыка тепла. Богатырь.

Вздумается ему среди зимы узнать, каких невест ханты вырастили, наслёт на иное село страшную стужу. Народ ни рыбачить, ни охотиться, ни по дрова выйти не смеет.

Болезни привяжутся, голод.

Ждут-пождут люди, не сбавит ли мороз.

Если из-за морозной мглы днём непроглядная тьма, как ночью, если днём солнце в зловещем стылом мареве — как малый костерок, собирают ханты в путь лучшую девушку.

Не на гибель! А попросить тепла для земли. Хозяина Полуденной горы яствами усладить. Одежды новые ему сшить. Владыка потом Срединный Мир³⁴ солнечными днями отдарит.

Оживёт народ. А девушка вернётся — на всю жизнь ей почётное имя Оттепельная. Её слово потом священным будет.

Однажды вскоре после ледостава укрепился в горной деревне нестерпимый мороз. Только подлёдная рыбалка началась, только пушная охота наладилась, а тут нос не высунешь. Стужа дыхание рвёт.

Запасы дров на исходе, а за деревню ехать

³⁴ Срединный мир — по древним верованиям ханты в Верхнем мире обитают боги, в Срединном — живут люди, в Нижнем мире — мертвые.

жутко.

Собрались на совет мужчины. Каждый кормилец пришёл с отцом-старцем и сыновьями. Седые старики решили:

— Надо Оттепельную богатую отправлять. Богатых везде уважают.

Молодые мужчины настаивают:

- Не богатую, а самую красивую. Красивая и богов пленит.

Дети голос подали:

- Самую добрую, работающую Оттепельной следует назвать. Владыка Тепла, наверно, один живет.

У ханты старших не оспаривают. Хотя свои мысли мужчины — взрослые и малыши — все высказывают.

Позвали на совет самую богатую невесту деревни. Лицо у неё полное. Сытно живётся. Глаза у неё ясные. Всегда высыпается. Руки белые, нежные. Прислуга есть для забот у чувала, для работы со шкурами, для шитья одежды-обувки. Просят девушку люди:

— Угоди Хозяину Тепла. Попроси позволения в очага хозяйничать. Подбросишь валежины в чувал с утра пораньше — светлее у нас станет. Днём подкинь поленцев. Потеплеет на земле. Вечером сушины³⁵ потолще клади. Чтобы огонь не извёлся.

Девушка твердит одно:

— Постараюсь. Исполню. Умею.

А думает другое: «От дыма веки краснеют. От огня шелка блекнут. От жара мех на обувках свалется».

Подымается Оттепельная девушка на широких лыжах вверх, на Полуденную гору карабкается. Лыжи новым камусом³⁶ обтянуты - шкурками с ног лося.

³⁵ Сушина (сухара) – дерево, засохшее на корню.

³⁶ Камус - шкура, снятая с ног лося или оленя.

Идёшь вперёд, шерстинки лыжам помогают скользить. А назад не дают скатываться — топорщатся.

Идёт богатая невеста в соболиных мехах. Мороз её не донимает. За спиной тащится к опояске ремешком привязанная нарточка с нарядами. А в руках котелок несёт, полный берёзовых полыхающих углей, если у богатыря нет огня, Оттепельная свой раздует, покуда Хозяин с охоты воротится.

Долго шла Оттепельная девушка. Совсем из сил выбилась. Хотела в снег зарыться, переночевать, как куропатка в снегу.

Вдруг увидела каменный дом. Вошла, очаг едва светится. Подсыпала своих угольков, огонь в чувале ожил.

Осмотрелась гостя, дров нет. А на улице совсем темно. Страшно выходить. И не стала Оттепельная о дровах беспокоиться. Разморило её с дороги, прилегла на лавку в собольей шубе и уснула. Пробудился от стука.

Слышно, мужчина с лыж снег обколачивает!

Вошёл богатырь, добычу занёс:

- О! Ханты из горной деревни богатую невесту послали.

— Вуся вула! — поздоровалась Оттепельная. -
Хозяин Тепла, народ обижается. Ловушки в речках вмёрзли, не подступиться. В урман идти боязно.

— Три дня стужи не будет, а дальше как заслужишь, -
отвечал Владыка.

Посидел он, помедлил, потом дров занёс. Отдохнул, подумал, в чувал подбросил.

Оттепельная сидит, греется.

Богатырь оленя обснял³⁷, шкуру на мороз унёс. Мясо разделил. Помедлил.

Девушка думает: «Есть хочется!»

А сама ни с места.

Сварил Хозяин. Мясо достал из котла. Просит богачку:

³⁷ Обснял - снял шкуру с убитого животного.

- На три блюда положи: себе, мне и моей семье. У меня семья в чуме живёт. Отнеси в чум третье блюдо.

Оттепельная самое вкуснее себе выбрала, пожёстче куски — Хозяину, а на третье блюдо кучу костей вывалила и понесла за дверь.

На улице теплынь. Месяц светит.

Поискала красавица чум, не увидела. Ссыпала кости на вершину сугроба и в дом поспешила.

После вечернего застолья Хозяин просит:

— Приготовь, гостя, постели!

Оттепельная из вороха мохнатых шкур мягкие для себя достала. Мужчине, думает, после долгого бега на лыжах и на жестком ложе сладко спится.

Постелила богатырю вытертые меха. Лёг Владыка Тепла и тотчас уснул.

А Оттепельной невесте не спится на новом месте. Проведала она погоду.

Внизу, под холмом, видит, светятся весёлые огоньки, колыхаются домашние дымы. Не столбом дым поднимается, как в мороз бывает, а плавает, рассеивается над селением.

Прилегла Оттепельная, сквозь сон слышит: птички по-человечески говорят-поют:

Пожалел Срединный Мир наш Хозяин.

Мы же косточки клюём и размышляем:

Неужели внизу нынче все невесты —

Чёрствые душой богачки?

Неужели все девушки лучший кусок себе кладут?

Мягкую постель лишь себе стелют?

Нежатся, чтобы завтра проспать

Даже время дневной еды?

«О ком такие чёрные слова? — подумала Оттепельная.—
Худая песня».

С тем и заснула. И встала после обеда.

Владыка с охоты воротился, Оттепельная девушка в чувале едва огонь поддерживает. В котле пустую воду кипятит.

Богатырь из амбара мясо занёс. Сварилось мясо, пока он добычу обснял.

Богатая девушка вспомнила песню птиц:

— Не обо мне ли болтали?

Хозяину лучшие куски положила, себе поменьше и постные, а семье Владыки опять вываренные кости остались.

Ещё два дня так же прошло. Владыка сердит. Выгнал Оттепельную. Стужи нагнал. Стыдно девушке в селение ни с чем идти. Ушла богачка в урман.

А в горной деревне опять совет.

Отправляют богатырю на вершину горы самую красивую девушку. Три дня тепло у подножия холма было. А потом залютовала зима хуже прежнего. Не прилежней богачки, видно, и она послужила Владыке.

— Надо самую добрую, самую работающую Оттепельной выбрать,— с укором сказали мальчики.

В поношенном сахе³⁸ из оленьих мехов отправилась на бабушкиных старых лыжах третья Оттепельная девушка. Нарточку за собой тащила не с нарядами. А лежал на лёгкой нарте рукодельный мешок да в двух мешках гостинцы Владыке из Срединного Мира. А что за подарки?

Белую рыбу везла Оттепельная на холм. Из своего амбара своих трудов рыбу. Вяленую и мороженую. Осетра и стерлядь, муксунов и нельму.

— Лакомой, сытной белой рыбой Владыку угощу,— думала третья Оттепельная девушка. - Владыку Тепла летом сон одолевает, сам добывает мало.

³⁸ Сах - верхняя женская одежда из сукна, меха, шкурок птиц.

Засветло взобралась Рукодельница на гору. Как ни устала, отыскала в сенях лопату. Сугробы убрала, отгребла от богатырского жилища подальше. Подивились: в ельнике лапником, пихтовыми ветвями чум покрыт. Собакам такие чумы ставят.

Постояла девушка, видит: из пихтового укрытия птички выпархивают. Крошечные птички, а бойкие, щебечут не переставая.

Заглянула Оттепельная в амбар. Мясо взяла, раздробила жирный кусок мелконько. В деревянное блюдо выложила. Унесла в чум.

— Ешьте, птички! Владыка вас возле дома содержит, значит, близкие вы нашему Хозяину.

Хором птички отозвались:

- Добрая невеста к Хозяину пришла.

А Оттепельная девушка сухары в избу занесла. Очаг запылал. Мясо в котле навесила варить.

Полы подмела. Постели выколотила, выветрила. Нары — лавки для сна — выскоблила, горячей водой вымыла.

Тут и Хозяин с охоты воротился. Поклонилась ему Оттепельная. Добычу приняла.

Разула. Охотничьи одежды снять помогла. На жердях у чувала развесила.

Хозяину еду горячую подала, гостинцы в деревянные блюда выложила. Хозяин рад! А гостя на улицу в чум блюдо с горячим мясом отнесла. И чашу берестяную с дымящимся мясным отваром. Сама добычу обсняла. Шкуру на морозе расправила, пусть сороки дочиста изнанку обклюют. Потом за неё Рукодельница примется: сушить, да мягчить, да одежды Хозяину кроить и шить.

Пышную постель приготовила Оттепельная Владыке. Перед сном говорит:

— Верно, знаешь, Хозяин, как народ зябнет, голодает. Не пожалей тепла! А уж я привычна ночей не спать. Любую работу исполню.

Богатырь своё:

— Три дня мороза не будет. А дальше как заслужишь.

Села Рукодельница шить богатырские одежды и сапоги — нюки-вей³⁹. Тут Владыка Тепла вспомнил: гостя не кормлена.

Усадил её за стол, угощал от души. Беседу вёл и всё дивился, переспрашивал:

— Значит, дети тебя выбрали Оттепельной?

- Мальчики так решили,— отвечала девушка.— А народ согласился с ними, когда ни богатая, ни красавица угодить тебе не сумели.

Спит Владыка богатырским сном.

Рукодельница погоду проведала. Подножие холма в нежной синеве купается. С крыши каплет. Оттепель. Слышит девушка: птички - семья Владыки— заливаются-щебечуг. Новую гостью, её славят.

Досыта мяса наклевались.

Кожунгк⁴⁰ пили, напились.

Как прекрасно: внизу нынче все невесты —

Добрые душой рукодельницы.

Как чудесно: все лучший кусок кормильцу кладут!

Мягкую постель старшим стелют.

Не спят ночей, кроят и шьют,

Чтобы в новое одеть близких.

Застеснялась девушка похвалы птичек.

— Спице спокойно, милые! Утром рано вам еду принесу,— угомонила она ночных певиц.

³⁹ Нюки-вей - легкие высокие сапоги из кожи оленя.

⁴⁰ Кожунгк - мясной бульон.

Наутро Владыка проснулся, стол накрыт. В доме светло и жарко от горящего чувала. На охоту собрался, ключи подал:

— Смотри, Оттепельная невеста, мои богатства!

Девушка тотчас же в сенях ключи повесила. Воды нагрела. До вечера дом богатыря скоблила и чистила.

Три дня тепло в Срединном Море. Мужчины на охоту даже самых маленьких сыновей брали. Учили.

И на четвёртый взяли. Тепло!

Всю зиму лютых морозов не было. Всю зиму с отцами промышляли. Хорошо охотничью мудрость переняли.

А Оттепельная невеста, та, что самая добрая и работающая в горной деревне была, женой богатыря стала.

Вот-вот срок ей подойдёт родить сына.

Владыка Тепла собирался в урман, беспокоился:

— От дома далеко не уходи. Жди, сын должен родиться в тепле. Тогда хорошим помощником будет. Я ведь не успеваю один узнавать, каких невест в деревнях растят. Облентяй девушки, если стужу на деревни не насылать.

Ушёл богатырь на промысел,

Рукодельница поглядела:

- Мало припасла я древесной трухи⁴¹. В колыбельку стелить мох понадобится. Мошу много засушила. А древесный пух – присыпать складки на теле ребенка - не принесла.

Поторопилась на северный склон Полуденной горы, где истлевшие стволы видела. Полон мешок набрала. Коротким путём вздумала к дому дойти. И остолбенела от ужаса. По склону оледенелые девушки стоят. Богачки и красавицы. Их как берёз в светлом лесу. По северному склону — все Оттепельные заморожены.

Закричала Рукодельница и упала без чувств.

⁴¹ Древесную труху подкладывали в люльку младенца, чтобы избежать опрелостей.

Услыхал Владыка, жену с родившимся сыном на нарте домой помчал.

Как проснулась, очнулась Рукодельница, сразу мужа попросила:

— Оживи ты, Хозяин, девушек. Молодые они, всему научатся.

Не успел младенец насытиться из груди матери, Владыка котёл над огнём навесил. В котел стоймя мёрзлых щук наставил.

Закипела, заклокотала вода.

Хозяин Тепла рыбакам приказывает:

— Выскакивайте!

Щуки подпрыгнули, в воздухе перевернулись и обратно в котёл нырнули, а Оттепельные девушки все ожили и в свои деревни побрели.

До сей поры, если долго стоит стужа, ханты выбирают Оттепельного человека. Не самого зажиточного, не самого красивого, а доброго и трудолюбивого. Не посылают Оттепельного к Владыке, а на месте, в деревне, просят мороз покинуть урман. Не сам собой мороз спадает, это Рукодельница вспоминает о нас с вами. По её воле зима на Севере соблюдает древние обычаи людей.

Источник: Слинкина, Г. И. Как Мышата и Лягушата внучатами стали [Текст] : хант. сказки : для мл. шк. возраста / Г. И. Слинкина ; худож. П. Болюх. - Екатеринбург : Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1992. - 144 с.

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Хантыйская сказка

Жили в бору три брата. Старший на лосей и оленей охотился, глухарей слопцами ловил. Белую рыбу в Оби

добывал. Средний брат белку и рябчиков стрелял, куропаток плёнками-силками ловил. Чёрную рыбу из речки и озера черпал. Младший брат на промысле не бывал. Не пускали старшие. Он одежду латал, чувал топил и еду варил. Словно старушка-бабушка.

Обидно малышу. Решил он старшим доказать, что тоже в урмане справится, рыбы добудет и дичи.

Однажды возвращаются братья с добычей, с уловом, в избушке темно, очаг погас.

— Не съел ли медведь нашего маленького брата? — говорит старший.

— Не съел,— подал голос мальчик.— А если захочет съесть, задерёт, потому что охотиться не учите. Не буду больше и избушке оставаться. Сам промышлять пойду.

Братья уговаривать: «Мал ещё. Твои лоси не родились, глухари не выпарились».

Молчит мальчик. Одежду из амбара охотничью достал, нюки-вей с перекладины снял. Лук и стрелы приготовил.

Утром рано на охоту ушёл.

Проснулись братья. Старший говорит среднему:

— Сегодня ты домовничай. Одежду почини, обуви зашей, еду свари. По очереди оставаться будем дома. А я пока по следу младшего пойду. Как бы не завяз он в болоте, не заблудился бы.

Шёл старший брат, шёл, на берег речки выбрался, следов брага не видит.

Речка сильно разлилась. Вода бурлит, сучья и листья несёт. Видно, смыла речка следы.

Глядит старший брат: на другой стороне лодка. В лодке женщина сидит.

— Тётушка! — кричит старший брат.— Перевези! Маленького брата ищу.

Пригнала женщина лодку. Сел старший брат в нос лодки.
Женщина говорит:
— Нос моей лодки — святое место. Садись посередке.
Послушный парень сел посередине лодки.
Женщина гребёт веслом то справа, то слева и кричит:
— Тямбльшуп!
Тямбльшуп!
Тямбльшуп!
Тямбльшуп!
Надоело слушать старшему брату, он пожаловался:
— Вода шумит. Ты кричишь. Уши не терпят.
- Тогда давай мои ловушки посмотреть,— говорит женщина.
Стала она плетёнки-гимги⁴² из воды вытаскивать. Окуней
крупных по одному достаёт, в лодку кидает и кричит:
— Хобл! Хобл!
Надоело старшему брату, он взмолился:
— Вода шумит. Ты кричишь. Уши совсем заболели.
— Тогда уху хлебать поедем.
Переехали речку. У избушки лодку на берег втащили.
Хозяйка быстро окуней сварила. Есть сели.
Старший брат поднёс рыбу ко рту. Тут с крыши избушки
кинулись на него коршун и ястреб, выхватили окуня и
проглотили.
Клюют парня в голову. Он башлык натянул, руками
закрылся:
— Прогони своих птиц, - умоляет женщину.
Она отвечает:
— Эти птицы — моя радость.
Потом знак сделала, убрались птицы. Повела женщина
парня в избушку.
— Почему у избы окошка нет? — спрашивает он.

⁴² Гимги – приспособление для рыбной ловли, плетенное из прутьев.

— Есть,— говорит хозяйка,— на северной стороне. Заходи-ка.

Толкнула парня внутрь, нос его приколола иглой к стене и ушла, задвинув засов.

Вечер настал, младший браг в избушку воротился с рыбой, с дичью. Всю ночь старшего ждали, не спали.

Утром средний брат говорит:

— Маленький брат, ты домовничай. Я старшего искать пойду. Всё ли с ним ладно?

Добрался средний брат до берега речки.

Речка ещё пуще разлилась. Вода бурлит, деревья несёт.

Увидел средний брат лодку на другой стороне. В лодке женщина.

— Тётушка,— кричит средний брат,— перевези! Старшего брата надо с охоты встретить.

Пригнала женщина лодку. Сел парень в нос лодки.

Женщина говорит:

- Нос моей лодки — святое место. Садись посерёдке.

Сел смирный охотник в середине обласа.

Женщина гребёт веслом, кричит:

— Тямбльшуп!

Тимбльшуп!

Тямбльшуп!

Тимбльшуп!

Взмолился средний брат:

— Вода шумит. Ты кричишь. Уши не терпят.

— Тогда давай мои ловушки смотреть.

Стала она жирных окуней доставать, в лодку по одному кидает и кричит:

— Хобл! Хобл!

Просит средний брат:

— Тише! Уши совсем заболели.

— Тогда уху хлебать поедем.

Переехали речку. Женщина уху сварила. Начал парень есть. Коршун с ястребом налетели, едва отбился. Побежал в избушку, кричит:

— Уйми своих птиц!

А рыбачке то и надо. Толкнула его в тёмный угол. Приколола нос бедняги иглой к стене и заперла. Опять в лодке у другого берега сидит, ждёт. И дождалась.

Наутро мальчик ей кричит:

— Тётушка, перевези! Братьев ищу.

Сел младший брат в нос лодки, женщина ему говорит:

— Нос лодки — святое место. Мальчик отвечает:

— Я мал, без грехов. Мне святое место как раз.

Дальше плывут. Женщина гребёт, вопит:

— Тямбльшуп!

Тимбльшуп!

— Тихо! — сказал мальчик. — Всех рыб и зверей, всю дичь распугаешь.

Она притихла.

— Тогда, — говорит, — мои ловушки посмотрим.

Кинула женщина первого окуня в лодку да как закричит:

— Хобл!

— Перестань! — предупредил мальчик. — Разве не знаешь обычая? Добыче радуются молча.

Как будто застыдилась женщина.

Подъехали к берегу. Она уху сварила. Мальчик есть собрался. Вдруг ястреб с коршуном налетели. Не растерялся маленький охотник, схватил топорик и убил птиц кровожадных. Бросил их в костёр. Запахло пером палёным, чёрный дым за клубился. А когда дым рассеялся, увидел

мальчик: женщина горелой сухарой обернулась, уродливой корягой у костра лежит.

— Душа твоя, знать-то, в пакостливых птицах жила-раздваивалась,— помянул малыш хозяйку здешнего уголья.

Взошёл он на берег к избе, откинул засов. А там братья его по тёмным углам неминуемой смерти ждут.

— Выходите! — позвал их младший.

— Не можем сдвинуться,— шепчут братья.

Распахнул малыш дверь, впустил солнышко. Стоят его взрослые братья распухшими носами к стене!

Должно быть, с тех пор в хантыйских семьях к малышам с почтением относятся.

— Не беспечная птичка, не бессловесная рыбка, наше дитя — новый человек! — издавна так в тайге гордятся каждым ребёнком.

Источник: Слинкина, Г. И. Как Мышата и Лягушата внучатами стали [Текст] : хант. сказки : для мл. шк. возраста / Г. И. Слинкина ; худож. П. Болюх. - Екатеринбург : Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1992. - 144 с.

ВЕЛИКА СИЛА ЛЕСА

Мансийская сказка

Однажды, в эпоху песенного периода, жил охотник с сыновьями в лесу. С отцом жили одиннадцать сыновей. Вместе охотились. Живут в лесу, разговор затеяли: «Если бы к нам в лесу кто-то пришёл, нас столько мужчин, мы совсем не боимся. Лесного зверя так бы и поймали. Зарубили бы, водой бы унесли»⁴³. Так они болтают. Хотя отец не раз им говорил:

⁴³ Водой бы унесли – т.е. превратили бы в воду.

«Дети, будьте тише. Подслушивающего разве нет. Почему всё хвастаете». Сыновья отвечают: «Отец, кто с нами может справиться. Нас одиннадцать младших-старших братьев! Если встанем, леса не останется, горы не останется».

Так хвастаются. Живут они в чуме. Отец всё пытается их учить. Но они каждую ночь всё хвастаются.

Однажды вечером, когда они сидели в чуме, с улицы закатился маленький каменный шарик. Брат [младший] либо старший попинывают. Нет, а он всё к очагу, туда всё катится. К огню хочет. Несколько раз на улицу выпинавали [братья], сами смеются. Вдруг пнули - какой горячий камень! Босые ноги, голые руки обжигает. Затем он [шарик] начал закатываться в середину очага, вдруг начал в разные стороны кататься, стал увеличиваться в размерах. Сыновья сразу выскочили на улицу, встали на лыжи и убежали.

Отец у них старый человек. А камень тем временем всё крутится, крутится, всё увеличивается. Мужчина, как мог, вылез на улицу. Его личные ездовые олени [самцы] на улице стоят. До них дошёл, запряг, затем помчался на оленях.

По дороге в сторону реки, жилья понёсся. Сзади слышит - чум его пополам раскололся. Слушает. До болота ещё не добрался, по кедровнику олени его мчат, сзади догоняют. Вот-вот догонят! Прибыв на открытое место, старик специальными ремнями и веревками из оленьей упряжи хорей⁴⁴ завязал поперёк нарты. Сам, подобно куропатке, [в сугроб] бросился; снег, видимо, был глубокий. Лезет глубже в сугроб. А олени там мчатся. Под слоем снега долго ли, коротко лежал, вдруг слышит - мимо него пронёсся. А что пронеслось, так пронеслось: Огонь пронёсся ли, Богатырь [дух] пронёсся, неизвестно. В это время Тот говорит: «Гонюсь за ним. Догонял. Хорей лежит, а самого нет. Одиннадцать сыновей

⁴⁴ Хорей - длинный шест для управления оленьей упряжкой.

имеет, в лесу живут. Не воспитал их как следует. Не боятся Нас. Если бы я его догнал».

Если бы догнал мужчину, уничтожил бы. Он залез под снег, поэтому остался живой.

Эта мансийская сказка учит - когда живёшь в лесу, не болтай лишнего, не хвастай, какую бы силу, какую бы удачу ни имел. Кого только в лесу нет. Подслушивающих [существ] много - возле тебя, вот тут, за твоей спиной. Мы сейчас разговариваем, а Он, может, стоит на улице, слушает.

Источник: Сказания-рассказы людей Сосьвы [Текст] / Науч.-исслед. ин-т угроредения ; пер., сост., предисл., примеч. В. С. Ивановой ; [науч. ред. Н. В. Лукина]. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. - 126 с. - На рус. и манс. яз.

ДОЧЬ ВОДЯНОГО ЦАРЯ И СЛЕПОЙ МУЖЧИНА ИЗ ДЕРЕВНИ МЕСЫГ

Мансийская сказка

Однажды из деревни Месыг четверо братьев поехали рыбу ловить: едут они за рыбой-муксуном или за рыбой-осётром. В общем, в сторону Оби они гребут. Один из братьев был совсем слепым мужчиной. Глаз не было.

В общем, гребли-гребли они на Обь. Прибыли на Обь. В то время рыбу плавными сетями или ещё чем-то ловили. Братья-то рыбу ловят, всё, что надо ловят, его не кормят. Брат у них слепой, что он найдёт, живёт помаленьку, бедствуя... Думает: «Какой-нибудь отец Нуми-Торум что-то дал бы, может, стал бы я чуть богаче».

Слепой мужчина с братьями плавными сетями рыбачат. Братья разговаривают: «Зачем такое слепое существо с собой таскать, кормить».

А он все - тот мужчина - все плавает с сетями. Снова плавает, ничего нет, с пустым животом ложится спать. Во время плавежа всё слушал-слушал... Однажды слышит: родственники его отпустили, бросили. В это время братья смеются, говорят: «Зачем нам такой братишка нужен. Пусть его несёт течением». Он, мужчина, не знал, куда его везут, куда его несёт течение.

Однажды, когда так мучался, его кто-то схватил.
[На этом месте сказитель вздыхает].

Запихнули его... Он сначала не понял. Куда-то его всё тянут, тянут. Ничего не понимает, его всё дальше везут. И вот он оказался под водой, там он начал осматриваться.

Глаза стали зрячими. Когда он понял, смотрит – кругом хрусталём всё сверкает. В золото одетая девушка сидит.

Она, оказывается, Девушка Вит-хон. Девушка сказала: «Если бы я тебя сюда не позвала, здесь не задержала, откуда бы ты здесь появился? У тебя были очень сильные духи-боги. Ты сюда и вошёл. Знаешь, в чей ты дом вошёл? Как же тебя братья мучили. Сегодня-завтра выйдем, туда смотри. В их, туда уходящий день, в их, туда идущий день, с голода они там и помрут».

Затем братья все там и погибли. Братишка их хорошо зажил. Почему же они слепого братишку бросили.

[Сказку рассказывающий мужчина: В старинный песенный период была девушка Вит-хон. Наши манси хотели убить Вит-хон. Они столько этих (изображений духов) одели. В тех местах, в городе Вит хотели убить Вит-хон. Не смогли. Она до сих пор живой так и осталась].

Источник: Сказания-рассказы людей Сосьвы [Текст] / Науч.-исслед. ин-т угроведения ; пер., сост., предисл., примеч. В. С. Ивановой ; [науч. ред. Н. В. Лукина]. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. - 126 с. - На рус. и манс. яз.

О МУЖЧИНАХ, КОТОРЫЕ ПОССОРИЛИСЬ

Мансийская сказка

Когда-то двое мужчин долго вместе по Уралу каслали⁴⁵. Долго ли, коротко каслали, однажды из-за чего-то поссорились. Стали ругаться: «Ты не будешь постоянно по Уралу ездить. Я, между прочим, знаю твою смерть. Ты когда-нибудь поедешь на Обь. Посреди лета, в пору прихода хорошего муксуна, в пору жирного осетра, вода будет убывать. Оденешь новые летние вай⁴⁶ из сыромятной кожи, съездишь на плав⁴⁷. Приедешь с плава, будешь на берег выходить, а там слизистая осетровая чешуя. Подумаешь, вдруг новые вай запачкаю, глинистый берег. Захочешь снять свои новые вай, не будешь же ты вылезать в ваях. Там и найдёшь свою смерть».

Второй мужчина ругается: «А с тобой, пока постоянно едешь по Уралу, пусть тоже несчастье случится. Пока с семьёй живёте, наступит сильная жара. Посреди лета будет мор у оленей. Олень твой, сохыт хоптырка⁴⁸, примчится домой, у грузовой нарты свалится вверх животом. Свалится вверх животом, затем ты подумаешь — такой хороший вожак был. Шкуру, лапы захочешь снять. Когда будешь шкуру, лапы снимать, только дойдёшь до [сердцевины], в месте надреза кровь появится, и сам тогда свалишься».

⁴⁵ Каслать — переехать на оленях с одной стоянки на другую вместе с передвижным жилищем (чумом) и всем имуществом.

⁴⁶ Вай — летняя обувь из ровдуги (замши из оленьей кожи).

⁴⁷ Плав — способ ловли рыбы сетями на реке в безветренную погоду.

⁴⁸ Хоптырка — кастрированная олениха, ведущая в упряжке.

Всё, поругались. Разошлись в разные стороны. Долго ли, коротко жили. Один дальше продолжил по Уралу каслатъ, другой остался в деревне и в летнее время начал на Обь ездить.

Тот, который на Обь ездит, столько муксуна, столько осетра ловит, так много... Семейю кормит. Столько ещё запасов делают. С наступлением осени тянут [бечевой] в свою деревню. Про ту ругань уже давно забыли.

Однажды жена сшила ему новые летние вай из сыромятной кожи. Среди лета стоял такой чудесный теплый день. Мужчина на осетра рыбачил. Около лодки очень скользко. Он снял свои вай. Босиком пошёл по воде. Вот и всё! Там и попал серединой подошвы на [чешую] осетра. Мужчина так и умер.

А теперь про другого мужчину, который по Уралу каслат. Слишком уж жаркое лето было. В середине лета олени плохой заразной болезнью начали болеть. Вдруг, в какое-то время у мужчины поддыхает ведущая хоптырка. Пока снимал с неё шкуру, сам и свалился замертво.

Люди, нельзя друг другу слать плохие, собачьи проклятья.

Тому, кто посылает проклятье, проклятье обратно возвращается, его ищет.

Источник: Сказания-рассказы людей Сосьвы [Текст] / Науч.-исслед. ин-т угроведения ; пер., сост., предисл., примеч. В. С. Ивановой ; [науч. ред. Н. В. Лукина]. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. - 126 с. - На рус. и манс. яз.

СВЯЩЕННЫЙ ПОЯС

Мансийская сказка

В давние времена в доме жили муж и жена. Они имели двух детей — девочку и мальчика — и имели много оленей.

Однажды что-то случилось с оленем, они очень испугались и стали переживать. Замёрзший на морозе муж пришёл домой: «Что случилось с оленем?». Все гладят оленя, гладят. Оленя, который удачу приносил им, они очень любили и жалели. Муж жене говорит: «Детей куда-нибудь спрячь, откуда-то идущий ненецкий царь нагрянет к нам». Действительно, жена только успела спрятать детей под снег. Она сделала детям под снегом нору и спрятала их там.

[Сказку рассказывающая женщина: О детях поющая женщина, о детях сказывающая женщина из-за простора, из-за леса пришла].

Ненецкий царь вдруг появился неожиданно. Начал убивать их оленей. Мужа закололи копьём, а жену забрали с собой. А дети под снегом так и остались. Дети долго ли, коротко ли спали под снегом, однажды проснулись...

[Сказку рассказывающая женщина: Это древний разговор, это старый разговор].

Стали дети немного подрастать. Осталось от их родителей всего один-два оленя. Они этих оленей съели, силы у них прибавилось. И пошли, куда глаза глядят, сами не знают, куда идут.

Шли-шли, вдруг видят - возле берега стоит маленький дом. Подошли. Кто-то здесь живёт. К дому идут дети. Возле дверей лежит большой камень. Они присели возле камня, видят: лежит ремень и рядом лук. Парень взял и надел на себя ремень, сразу почувствовал прилив силы: рука налилась мускулами, и смотрит - тело его налилось силой. Зашли в дом, видят -

никого нет, они обрадовались. Еда есть, вода есть, почти все запасы имеются.

Утром встали, он сестре говорит: «Схожу-ка я на охоту. Теперь - как надеваю я ремень, так сила у меня появляется. Не пропадём». Вышел на улицу, подпоясался ремнём, почувствовал прилив силы в руках и в ногах. Взял лук. В лесу соболя, белок нашёл. На быструю ногу, на скорую ногу спешит домой. Где-то три дня и ночи, может быть, четыре дня и ночи ходил на охоте.

Вдруг к ним мужчина приходит, как и они же, мужчина удачу ищет. Они поженились с сестрой. Она вышла замуж за этого мужчину. И зажили они втроём. Этот мужчина стал спрашивать у сестры: «Твой брат ходит без ружья с одним луком, и столько зверя он добывает, что нельзя добыть и с ружьём. Всё несёт и несёт добычу в дом, хоть на оленях вези. А я схожу, почти пустой возвращаюсь. Открой мне секрет, скажи - в чём причина?». Не хочет говорить сестра, не хочет раскрывать секрет, настойчиво требует муж: «Скажи, скажи...». Он говорит: «Неужели он имеет столько везения, счастья, что добывает столько пушнины?». И тут сестра сказала: «Когда мы пришли в этот дом, возле дверей лежал ремень, как подпоясался им мой брат, так у него появилась невероятная сила. Куда он ни пойдёт, ремень просто несёт его».

Брат пришёл с охоты, снял ремень. Зять тем временем наблюдает, смотрит, и, когда мужчина заснул, зять взял и украл волшебный ремень. Бросился в лес. Брат проснулся, ищет-ищет, а ремня-то нет.

Зять пришёл с охоты, принёс много добычи, хвалится удачной охотой. Брат ему говорит: «Ты зачем взял мой ремень? Это моя вещь». - «Нет, - говорит зять, - это не твой ремень, это украденная вещь. Ты украл мой ремень!». Взял

зять и выколол мужчине глаза. «Не убивай моего брата, - взмолилась жена, - выколол глаза, оставь его». Они с женой утром покинули этот дом, бросили его слепого с выколотыми глазами одного в доме.

И так, опустив голову, мужчина идёт, идёт. Долго ли, коротко шёл, глаз у него нет. Вдруг кто-то обнюхивает его, почувствовал, что кто-то волосатый обнюхивает его, облизывает слегка. Встретил его «лесной брат»⁴⁹, облизывает, обнюхивает, прикасается к нему. Куда он пойдёт, идёт за «лесным мохнатым братом», где тот ягоду ест, он тоже вместе с ним поест. Так они проходили всё лето. Наступила осень, пора ложиться на зимовку. Привёл он мужчину в берлогу. Легли они в одну берлогу на зимовку. Спали, спали, вдруг мужчина захотел поесть, поднял голову, а «брат лесной» дал ему пососать лапу, так он утолял жажду и голод, так он успокаивал своё сердце и желудок.

Когда они лежали, «лесной брат» периодически облизывал его пораненные глаза: как проснётся, опять полижет, когда кровь шла, он облизывал кровь. Пусть его сердце будет сытое.

Наступила весна, пора выходить наружу. Высунулись из берлоги, вышли на белый свет. Весной светло, небо высокое, светло днём, глаза режет, как ото льда. Мужчина немного поползал, повалялся, туда смотрит, сюда смотрит, землю видит, воду видит: «Да что это! У меня же глаз не было». Это «брат лесной» вылечил его, вернул ему зрение.

Мужчина говорит «лесному брату»: «Пойдём». Они вдвоём пришли к дому, где жил зять с сестрой. Мужчина сказал: «Пусть они спят. Напугаем, пусть мужик напугается. Он всё равно в это время находится без ремня. Когда он выйдет на

⁴⁹ Лесной брат – по верованиям ханты, это медведь, который прежде был сыном бога Торума, но изгнан на Землю за непослушание.

улицу, надо в это время украсть у него ремень. Если на нем будет ремень, его не одолеем».

Пришли в деревню, подошли к дому, и вправду, двери открытые. В старину пожилые люди никогда не закрывали дверей ни днём, ни ночью. Закричал нечеловеческим голосом «лесной брат». Вдруг в дверях босиком показался зять. Когда зять выскочил на улицу, мужчина проскользнул в дом. Зять от испуга упал на месте. Затем мужчина видит, помаленьку зять стал подниматься. Тем временем мужчина успел в дом войти, надеть волшебный ремень.

[Сказку рассказывающая женщина: Не знаю, что сделали с тем зятем: убили или нет - не знаю].

У мужичка вдруг сила появилась в теле, в ногах. Глянул, нет «лесного брата». «Огненная женщина»⁵⁰ - богиня стоит перед ним, девица невиданной красоты. Одета она в красное платье. Это была медведица, обернулась она красной девицей.

И зажили они втроём: он со своей женой и его сестра.

И до сих пор живут с Богом, до сих пор живут с Духом!

Источник: Сказания-рассказы людей Сосьвы [Текст] / Науч.-исслед. ин-т угроведения ; пер., сост., предисл., примеч. В. С. Ивановой ; [науч. ред. Н. В. Лукина]. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. - 126 с. - На рус. и манс. яз.

УМНАЯ СОВА

Мансийская сказка

Сидел однажды Верхний дух Топал-Ойка с женой у окна своего дома. Жена сказала:
— Ты кто такой, Топал-Ойка?

⁵⁰ Огненная женщина – Богиня огня.

— Как кто такой? Верхний дух.

— А если ты Верхний дух, почему же в таком плохом доме живёшь?

— Чем же наш дом плох? — удивился Топал-Ойка. — Мне наш дом нравится.

— У людей точь-в-точь такие дома. Это для Верхнего духа стыдно. Построй новый, просторный, высокий, чтобы все удивлялись, все его хвалили.

— А из чего же я такой дом построю? — спросил Верхний дух Топал-Ойка.

— Хорошо бы из костей, — посоветовала жена.

— Да где же столько костей взять?

— Очень просто, — отвечает жена. — Собери всех зверей, птиц, рыб и убей. Из костей новый дом построишь.

— Что ж, это можно, — говорит Топал-Ойка. — Так и сделаем.

Рыб собирать щуку послал. Зверей — юркого горноста. Птиц созывать велел длинноногому куличку.

Немного прошло времени, приплыли рыбы, прибежали звери, прилетели птицы. Вышел Топал-Ойка, пересчитал всех и говорит:

— Звери все тут, рыбы все. А птицы не все — совы не хватает. Ты, куличок, сову видел?

— Нет, не видел, — куличок отвечает.

— Ну, беги, найди её, — говорит Топал-Ойка. — Убивать, так всех сразу.

Побежал длинноногий куличок сову искать. Долго искал, наконец, нашёл. Она на высоком кедре сидела.

— Ты что, сова, сидишь? Разве не слышала, тебя звали!

— Кто звал?

— Топал-Ойка, Верхний дух. Он всех рыб, птиц, зверей собирает.

— А зачем?

— Всех убьёт. Из наших костей новый дом построит. Старый дом жене Топал-Ойки не нравится.

— Ах, вот оно что! — говорит сова. — Ну, тогда ты иди, я потом прилечу.

Куличок обратно побежал.

— Нашёл сову? — спрашивает Топал-Ойка.

— Нашёл, — отвечает куличок.

— Где ж она?

— На кедре сидит. Говорит, потом приду.

Ждут, ждут сову — не летит. Топал-Ойка опять куличка посылает:

— Беги скорей. Что её так долго нет!

Побежал длинноногий куличок.

Сова всё ещё на кедре сидит.

— Что ж ты не идёшь? — кричит куличок. — Все тебя ждут.

— В таком деле торопиться незачем, — отвечает сова, — ещё немного подумаю. И за себя, и за вас мне ведь думать приходится, раз вы сами за себя не умеете. Иди, я следом за тобой полечу.

Прибежал назад куличок, от усталости еле дышит. Отдышался, сказал:

— Сова следом за мной летит.

Опять все ждут сову. А её нет да нет. Рассердился Топал-Ойка на куличка.

— Беги за совой, да смотри, без неё не возвращайся!

В третий раз пустился куличок. А сова ещё лапами по ветке не переступила. Как сидела, так и сидит. Куличок ей говорит:

— Ноги меня уже не держат, не могу больше за тобой бегать. И Топал-Ойка гневается.

Сова взмахнула крыльями, сделала круг над куличком.

— Видишь, лечу. А ты уж в последний раз ног не жалея, беги вперёд да скажи, пусть жена Топал-Ойки окно в доме растворит.

Прибежал куличок.

— Сова за мной летит. А вы окно в доме распахните — так она сказала.

Распахнули окно. Тут как раз и сова явилась. Села на окно, хвостом внутрь дома, клювом — наружу.

— Ты где пропадала? — спрашивает Топал-Ойка. Сова молчит.

— Что ты молчишь? — сердится Верхний дух.

— Я думаю, — отвечает сова.

— О чём же? — спрашивает Топал-Ойка.

— А вот думаю: чего на земле больше — сухих деревьев или зелёных?

— Глупо ты думаешь, — говорит Топал-Ойка. — Зелёных деревьев на земле больше.

— Хэ! — говорит сова, — так только кажется. А я считаю: если у дерева сердцевина высохла, оно всё равно скоро засохнет, хоть ещё и зелёное.

— Это ты правильно говоришь, это ты умно думаешь, — сказал Топал-Ойка. — Уж раз начало дерево сохнуть — высохнет, ничего не поделаешь!

— И ещё я думаю, — говорит сова. — Если взять всех птиц, рыб, зверей, кого среди них больше: живых или мёртвых?

— Ясное дело — живых, — отвечает Топал-Ойка, — зачем и спрашивать?

— Вот и нет, — говорит сова. — Ты собрал нас тут,

чтобы убить, себе новый дом построить. Мы уже всё равно что мёртвые. Скоро совсем живых не будет.

— Так и есть, — закричал Топал-Ойка. — Как же я раньше не догадался!

Сова опять молчит. И все молчат. Наконец Топал-Ойка не вытерпел:

— Неужели ты думать не кончила?

— Не кончила, — отвечает сова. — Как по-твоему: кого на свете больше — мужчин или женщин?

— Тут и думать не надо, — засмеялся Топал-Ойка. — Мужчин больше. Что, неправда, скажешь?

Сова покачала головой:

— Это как считать! Рассуди сам: если мужчина чужим умом живёт, можно его назвать мужчиной?

— Не мужчина такой человек, — сказал Верхний дух.

— А ведь это ты о себе говоришь, Топал-Ойка, — сказала сова. — Не мужчина ты!

— Как это не мужчина?! — закричал Верхний дух.

— А вот так! Когда зверей, птиц, рыб создавал, никого не спрашивал. Тогда был мужчиной. Теперь глупую свою жену послушался. Ей на прихоть хочешь нас всех погубить. Меня-то не убьёшь, я нарочно так села — хвост назад, клюв вперёд. Взмахну крыльями и улечу. Всем, кого ни встречу, кричать буду: не мужчина Топал-Ойка, умом глупой женщины живёт, не своим!

Стыдно стало Топал-Ойке.

— Подожди, не улетай! — сказал он сове. — А вы, рыбы, птицы, звери, идите, откуда пришли. Не стану вас убивать. Мне и в старом доме хорошо. А жена как хочет.

Обрадовались все. Рыбы уплыли, птицы улетели, звери убежали.

А сова сидит, жёлтыми глазами светит.

— Ну, что скажешь, сова? — спрашивает Топал-Ойка. — Теперь не будешь про меня говорить, что я не мужчина?

— Теперь, пожалуй, не буду, — сказала сова.
Верхний дух Топал-Ойка очень обрадовался.

Источник: Журавлиное перо [Текст] : сказки народов Севера. — Л. : Дет. Лит., 1968. — 318 с.

БАБУШКА ХАСЫНГЕТА

Хантыйская сказка

Любил чёрт глухариным мясом лакомиться. Много ловушек стояло у него на Глухариной горе. На это место со всего леса собирались глухари токовать по весне, даже траву на макушке горы лапками дочиста вытоптали. Потому-то чёртовы ловушки вокруг токов всегда были с добычей.

А неподалёку от Глухариной горы жил Хасынгет со своей бабушкой. Хасынгет тоже любил глухариное мясо. Только силки ставить ему было лень. Вот он и таскал птицу из ловушек чёрта. Сперва по одному глухарю брал, потом по два, а там стал забирать подряд из всех ловушек.

Придёт чёрт — пусто, насторожит опять снасть. На другой день снова ничего. Однако чёрт не дурак был, смекнул, что дело неладно. Спрятался с вечера за кустами, всю ночь просидел, а рано утром поймал Хасынгета.

— Ты зачем моих глухарей берёшь? — закричал чёрт.

— Я своих глухарей беру, — отвечает Хасынгет.

— Как своих? Ведь ловушки-то мои!

— Ловушки, может, и твои, а глухари мои. Вся Глухариная гора моя. У кого хочешь спроси.

— У кого же спросить, — удивился чёрт, — когда тут на день пути, кроме тебя да меня, никто не живёт?

— Да хоть у бога спроси, — говорит Хасынгет, — уж он-то всё знает.

Чёрт ещё больше удивился.

— Как это у бога спрашивать?

— А вот так. Приходи завтра поутру к старой ели, что над рекой стоит, там и спросим у бога.

Ушёл чёрт. Хасынгет к бабушке побежал.

— Вот что, бабушка, — сказал он, — завтра утром посажу я тебя в лубяном туесе⁵¹ на ёлку. Ты тихонько сиди, не шевелись. Я тебя спрошу — отвечай, другой спросит — молчи.

Так Хасынгет и сделал. Пока ещё солнце не взошло, посадил бабушку на ёлку, сам на берегу сел. Поднялось солнце, явился чёрт.

— Ну, — говорит Хасынгет чёрту, — ты первый у бога спрашивай. Послушаем, что он скажет.

Чёрт задрал голову и закричал:

— Эй, бог, кто хозяин Глухариной горы?

Ни слова бабушка не ответила.

— Молчит бог, — сказал чёрт. — Теперь ты, Хасынгет, спрашивай.

Тут Хасынгет задрал голову.

— Эй, бог, скажи: моё место Глухарина гора?

— Твоё, твоё! — крикнула бабушка.

Так громко крикнула, что даже подпрыгнула. Обломилась под туесом ветка, он и упал вниз вместе с бабушкой, только вода плеснула.

— Что это? — спрашивает чёрт.

— Это шишка в реку упала, — отвечает Хасынгет, а

⁵¹ Туес — емкость из бересты для ношения поклажи на спине.

сам думает: «Надо бы, однако, бабушку из реки выловить, да чёрт догадается, что я его обманул. Ну ладно, одно дело кончу, другое начну».

— Что ж, — говорит чёрт, — видно, и правда Глухарина гора твоя. Нечего мне тут делать, уйду в другие места жить. Можешь мои ловушки себе забрать.

Ушёл чёрт. Хасынгет так обрадовался, что и про бабушку забыл. Стал ловушки настораживать.

А туесок с бабушкой подхватила река, понесла вниз по течению. Колыхается на речной волне туесок. Вот уже одну излучину миновали, второй поворот позади остался.

Подплыла стая мальков — посмотреть, что это на воде качается.

Увидели мальки бабушку и говорят:

— Бабушка, бабушка, нас много, давай мы твой туесок к берегу направим.

— Нет, малёчки, не надо. Раз внучек за мной по берегу не бежит, значит, я ему не нужна. Пускай несёт меня река, куда сама знает.

Мальки вильнули хвостиками и ушли в глубину.

А туесок дальше поплыл.

Вдруг из воды высунули головы серебристые рыбки.

Увидели бабушку, глаза вытаращили.

— Бабушка, бабушка, смотри, намокнет твой туесок, потонешь. Давай мы его к берегу подгоним.

— Нет, рыбки, не надо, — отвечает бабушка. — Не ищет меня внучек, значит, меня не любит. Пускай река что хочет со мной делает.

Плеснули рыбки, скрылись.

Плывёт туесок, качается в туеске бабушка. То шире река, то уже, то прямо течёт, то извивами. Наконец зацепился туесок за корягу. Ни вправо, ни влево, ни вперёд, ни назад.

Подплыли тут к туеску большие осетры. Спрашивают:
— Бабушка, бабушка, что это ты посреди реки качаться вздумала? Давай мы твой туесок к берегу подтолкнём.

Бабушка отвечает:

— Что ж, толкайте! Видно, не хочет меня вода дальше нести.

Осетры ударили по туеску хвостами — туес снялся с коряги. Ударили носами — поплыла бабушка в туеске к берегу. Не успела она вздохнуть, очутилась на отмели.

Осетры помахали ей плавниками и пустились своим путём, по своим осетровым делам.

Ступила бабушка на землю, огляделась. Место, видать, хорошее, лес рядом, река тут. Можно жить...

И зажила бабушка. Берестяной чум поставила, грибы-ягоды собирает, рыбу ловит.

Всё бы хорошо, да скучно ей без внука.
«Где-то, — думает, — Хасынжет? Как там без меня живёт? Лучше ли, хуже ли?»

Однажды заметила — кто-то по берегу идёт.
Присмотрелась, а это Хасынжет. Подошёл, сел у огня.
Бабушка спрашивает:

— Что ж ты, внучек, один не живёшь? Глухарей на Глухариной горе не ловишь?

Хасынжет отвечает:

— Обманул я чёрта. Думал умнее его быть, да он хитрее меня оказался. Глухариную гору мне оставил, а глухарей с собой увёл. Плохо мне, бабушка, голодный я.

— Эх, внучек, ты обманул — тебя обманули. С чёртом связался — бабушку на волю воды бросил. Ну, раз голодный, что с гобой сделаешь, куда денешь?

Пожалела бабушка внука, накормила.

Поел Хасынжет, сказал:

— Прости меня, бабушка! Плохим я оказался внуком. Видно, чёрт меня попутал.

Стали они вместе жить.

Хасынгет на охоту, на рыбную ловлю ходил. Бабушка еду варила, шила ему одежду.

Источник: Журавлиное перо [Текст] : сказки народов Севера. – Л. : Дет. Лит., 1968. – 318 с.

СКАЗАНИЕ ПРО БОГАТЫРЯ ВИЩ-ОТЫРА

Мансийская сказка

В верховьях Онку-ях-реки, что в многоводную, многорыбную Обь впадает, семеро братьев живут, восьмая сестра. Братья, как горные скалы, как утёсы речные, крепки. Сестра, как весенний цветок, нежна. Месяц такой красавицы не видал, солнце такой красавицы не видало. Длинные её косы медными птичками-подвесками украшены. Повернёт она голову, подвески звенят, будто птички поют.

Однажды младший брат поиграть вздумал. Взял лук, пустил стрелу, одну птичку-подвеску сбил. Девушка ничего бы не заметила, да братья смеяться над ней начали. Тогда она рассердилась, вырвала лук у младшего брата да так натянула тетиву, что лук пополам сломался. Старший брат вступился за младшего, тоже пустил стрелу, сразу семь птичек сбил.

Тут сказала девушка:

— За то, что вы моих медных птичек сбили, не будет вам удачи в охоте на птиц. А я с вами больше жить не хочу. Обидели меня — в лес от вас уйду!

Братья тоже обиделись.

— Ну и уходи от нас! — крикнули.

Ушла сестра. Братья за ней не побежали, не стали искать. Думали: походит по лесу, походит и назад вернётся. А она не вернулась. Что с ней случилось, потом узнаем.

В Смородиновом городке, на берегу многоводной, многорыбной Оби, Вищ-Отыр, молодой богатырь, жил. Однажды утром вышел он из дому, голову поднял, на ясное небо посмотрел. Видит, летит стая чернетей — уток-нырков, а с ними чёрный ворон Острый Клюв. Вищ-Отыр на землю кусок мяса бросил. Чернети мимо пролетели, чёрный ворон вниз спустился, мясо склевал. Потом сделал круг над головой Вищ-Отыра и сказал:

— Вищ-Отыр, славный богатырь, до какой поры ты здесь один гулять будешь? Послушай, что я тебе поведаю. В верховьях Онку-ях-реки семь братьев живут. С ними, восьмою, сестра жила. Такой красавицы солнце не видало, месяц не видал. Обидели её братья, посмеялись над ней, медные птички-подвески с кос сбили. Ушла она от них в лес, а там её лесной дух, трёхсаженный Менкв-Ойка, схватил, к себе в городок унёс. Вот бы тебе её у менква отнять, самому на ней жениться!

Сказал так ворон Острый Клюв и дальше полетел.

А Вищ-Отыр загрустил, задумался. Домой не заходя, к старшему брату отправился.

Пришёл к старшему брату, тяжёлую дверь, из стволов лиственницы слаженную, распахнул, через порог переступил. Давно братья не виделись, поздоровались, сели, разговор завели. Вищ-Отыр рассказывает:

— Есть на свете красавица, семи братьев сестра. Такой красавицы солнце не видало, месяц не видал. Обидели её братья, она в лес от них ушла, а там её Менкв-Ойка схватил, к

себе в городок унёс. Вот на той красавице хочу я жениться. Что, старший брат, скажешь?

Старший брат не отвечает. Сидит, молчит, голову опустил. Пока молчал, три раза котёл с рыбой свариться бы мог. Наконец голову поднял, на младшего брата взглянул, сказал:

— Да ты знаешь ли, каков Менкв-Ойка, лесной дух? Страшен он. Ростом в три сажени, в обхват — три сажени. Кости его крепче железа, мышцы твёрже камня. В городке его менквов столько, сколько муравьёв на муравьище в жаркий день. Птица городок его из конца в конец пролететь не может, от усталости падает. Если человек посмотрит — края городка не увидит, взор на середине оборвётся. Не ходи туда, головы не унесёшь!

— Милый брат, — просит Вищ-Отыр, — а как же девушку без защиты у злого менква оставить?

Старший брат отвечает:

— Была у неё защита — семеро братьев, как горные скалы, как речные утёсы. Сама от них ушла, сама виновата!

Вищ-Отыр рассердился, с места вскочил. Половицы под его ногами, как рыбы рёбра, прогнулись. Бросился к выходу, на пороге обернулся.

— Не человек ты — брус точильный! Ножи бы об тебя точить — вот как хорошо было бы! Камень ты!

Из дому выбежал, дверью хлопнул. Не будь она ладными руками сделана, в щепки бы разлетелись лиственничные брёвна.

Вернулся Вищ-Отыр в свой городок, места себе не находит. Поставил варить оленью голову. Тот олень заколот в безлистное, осеннее время, когда все звери жиреют. А сварилась голова, Вищ-Отыр куска проглотить не может.

— Не захотел брат помочь, один пойду! — сказал

себе.

Пошёл на берег реки, стал спускать на воду семисаженную длинную лодку. Только успел в неё сесть, прибежала на берег Вищ-Отырова сестра, схватилась за распорку на корме лодки. — Милый братец, — кричит, — не езд! Куда ты один пойдёшь? В дальнем месте убьют тебя, в далёкой стороне погубят тебя! Дома останься!

Вищ-Отыр ничего ей не ответил. Ударил громко звенящим железным веслом по воде, вырвалась лодка на середину реки, а распорка в руках сестры осталась.

Молодой богатырь сильно гребёт, так сильно, что буря поднялась, гром загремел. В ближних селениях люди от ветра на землю попадали, в дальних селениях люди вверх глядят, удивляются, откуда гром гремит, когда в небе ясно.

Три дня, три ночи Вищ-Отыр так грёб. На четвёртый день городок лесного духа показался. Богатырь к берегу пристал, из лодки вышел, подумал:

«Если так пойду, увидят меня менквы!»

Обернулся рогатым оленем, немного пробежал, опять думает:

«У менквов зоркие глаза. Если долго так бежать буду, узнают меня!»

Ястребом обернулся. Два круга в небе сделал, вперёд полетел.

Уже совсем близко Менкв-Ойки городок. Ястреб — Вищ-Отыр думает:

«И ястребом нехорошо! Если долго так лететь буду, догадаются менквы!»

Короткохвостой ящерицей обернулся, меж травинок, меж листиков скользит.

«Так, пожалуй, не разглядят меня!»

Добежал ящерицей до ограды. Высокая ограда у менквов. Палисады в небо упёрлись, вершинами за тёмные тучи задевают, нижними концами, верно, в подземный мир уходят. Нигде щёлочки не найти, внутрь ограды не пролезть. Вищ-Отыр — ящерица в трещинку бревна забилась, сидит. Потом так сказал себе:

— Долго ли мне здесь сидеть? Чего ждать?

Стал он просить Верхнего духа:

— Верхний дух, пошли жару на семь дней, на семь ночей!

Услышал Вищ-Отыра Верхний дух, наслал жару. Таковую жару, что листья на деревьях привяли, трава пожелтела, земля потрескалась. Менквы старухи, менквы старики в городке ямы повыкопали, забрались в них. Молодые менквы в реке плещутся.

Вищ-Отыр всё в трещине сидит — теперь знает, чего ждёт. Как задумал, так и стало. На третий день спустились к реке из городка десять женщин. Девять из них женщины-менквы, среди них старшая — Менкв-Ойки сестра. Худая, длинная, и имя у неё длинное. Зовут её: Сухая-Как-Под-Ветром-Качающаяся-Трава-Женщина.

А десятая... Не у менквов такая красота родилась!

Глаза у неё — как две спелых смородины, щёки румяные, косы до колен, на концах кос птички сидят, песни поют.

Вот она — красавица, вот о ком говорил чёрный ворон Острый Клюв!

Стали женщины купаться. Наплескались вволю, вышли из воды, одеваются. Вдруг красавица вскрикнула:

— Кэй! Какой-то зверёк мне в рубашку заполз!

А это Вищ-Отыр — ящерица заполз.

Схватила рубашку красавицы Сухая-Как-Под-Ветром - Качающаяся - Трава-Женщина, принялась

трясти. А Вищ-Отыр уже иголкой обернулся, в рукав вкололся, крепко держится.

Оделись женщины, в городок уходят. Уже к воротам подошли.

Вищ-Отыр — иголка думает:

«Чего дальше ждать? Что задумал, то делать надо!»

Выскользнул из рукава, упал на землю, в медведя превратился. Сгрёб красавицу мохнатыми лапами и пустился бежать.

Долго ли, коротко ли бежал, добежал до своей лодки. Тут опять сделался Вищ-Отыром — богатырём, самим собой стал. Увидела его красавица, обрадовалась, улыбнулась ему.

Вищ-Отыр спрашивает:

— Куда лодку направлять? Хочешь — к братьям своим вернёшься, хочешь — со мной поедешь, моей женой будешь?

Красавица отвечает:

— Куда ты, туда и я. Ты меня от злого Менкв-Ойки спас, я тебе верной женой буду.

Приплыли они в городок Вищ-Отыра. На другой же день Вищ-Отыр укреплять городок стал. В семь рядов палисады поставил, изнутри к ним залавы пристроил, чтобы удобнее было сквозь палисады стрелы пускать. Ведь не у кого-нибудь, а у Менкв-Ойки невесту отнял! Не простит тот обиды.

Ни много, ни мало живёт Вищ-Отыр с молодой женой, а только счастливо живёт. Году не прошло, родился у них ребёнок, сын-красавец, будущий богатырь.

Смастерил Вищ-Отыр для сына берестяную люльку, жена люльку у окошка повесила. Однажды качала она люльку и песню пела:

Качаю я своё дитяtko

В берестяной люльке с обручевым ободом.

Качаю я своё дитяtko

В берестяной люльке с корневым ободом.

Качаю я своё дитяtko

Пятипалой ногой с пятью пальцами.

Руки твои — молодые деревца,

Ноги твои — молодые деревца...

Заплакал ребёнок, мать его перекладывает, а сама поёт:

Выну я тебя из берестяной люльки

С корневым ободом,

Подниму я тебя вверх

Пятипалой рукой с пятью пальцами,

Буду я похаживать по тесовому полу

С десятью тесинами...

Когда мать сына перекладывала, сухой тёплый мох в люльку клала, щепотка мха из колыбельки за окно упала. Летела мимо синичка, схватила мох и унесла.

А Менкв-Ойка целый год покоя не знает. Всё по своей невесте, красавице маленькой женщине тоскует. У всех спрашивает, не видел ли кто, не слышал ли, куда она подевалась. Спрашивал и у сестры своей:

— Ты в тот день с ней купаться ходила, Расскажи, что знаешь.

Сухая-Как-Под-Ветром-Качающаяся-Трава - Женщина отвечает:

— В тот день мы уже от реки к воротам подходили, вдруг, будто из-под земли вырос, встал между нами медведь. Схватил маленькую женщину и унёс. Больше ничего не знаю.

Взревел Менкв-Ойка, к лесу бросился.

Три дня в лесу бушевал, деревья с корнем выворачивал, а к концу третьего дня стали падать на городок клочья медвежьей шерсти, когти медвежьи, зубы медвежьи.

Вернулся Менкв-Ойка страшнее бури, чернее тучи. Сестре своей так сказал:

— Бил я медведей, стариков лесных трепал, в клочья разрывал... Пленницы моей, маленькой женщины, нету у них! Скажи, что знаешь?

Затряслась от страха Сухая-Как-Под-Ветром-Качающаяся-Трава-Женщина.

— Милый мой брат, ничего больше не знаю. Ничего больше не видела, ничего больше не слышала.

Стал Менкв-Ойка всех пробегающих зверей, всех пролетающих птиц, всех проплывающих рыб спрашивать.

Никто ничего не видел, никто ничего не слышал.

Загрустил трёхсаженный лесной дух, посреди городка скамью поставил, сел на неё и заплакал. Плачет-рыдает, ручьями слёзы текут.

Так целый год сидит.

Пролетал как-то над городком чёрный ворон Острый Клюв. Менкв-Ойка голову поднял, спросил:

— Над землёй ты повсюду летаешь, всё видишь. Пленницу мою, маленькую женщину, не встречал ли где?

Отвечает ворон:

— Знаю, где она, видел её. Только тебе, как ни проси, не скажу. Ты с охоты идёшь— меня от добычи отгоняешь, кусочка мяса не кинешь, капельки крови не дашь.

Улетел ворон. А Менкв-Ойка от злой досады ещё громче заплакал.

Тут пролетала над его головой синичка.

— Чип-чип, что я знаю! Что я знаю!

— Что ты знаешь? — крикнул ей Менкв-Ойка.

— Знаю, знаю, что в гнезде моим птенчикам тепло будет. У маленькой женщины, Вищ-Отыра богатыря жены, сын родился. Мать сыночку мохом люльку устлала. Когда ребёнка перекладывала, клочок тёплого моха за окно выпал. Я тот мох подобрала, в своё гнездо несу. Чип-чип!

Трёхсаженный лесной дух разом плакать перестал.

Вскочил, громко крикнул:

— Собирайтесь, менквы мои! Идём войной на Вищ-Отыра богатыря, что унёс мою пленницу, маленькую женщину!

Снарядились менквы-воины, отправились. Столько их было, что когда первые к городку Вищ-Отыра подошли, последние только из ворот городка лесных духов выходили.

Впереди войска трёхсаженный Менкв-Ойка идёт. Рядом с ним брат его, по имени Пирх-Камка-Сорт-Камка, шагает. Подошёл Менкв-Ойка к палисаду, закричал:

— Эй, Вищ-Отыр, отдай мою пленницу, маленькую женщину! А не хочешь, покажи свою силу, ловкость свою покажи. Посмотрим, кто кого одолеет.

Вищ-Отыр костяной лук схватил, стрелу из колчана вынул. Стрела длиной в четыре четверти, наконечник у неё железный, в три четверти. Наложил Вищ-Отыр стрелу на середину лука, стал тетиву натягивать. Натянул на всю длину стрелы, на всю длину наконечника. Пустил стрелу.

«Тэнн-тэнн», — она запела, лесного духа в плечо ударила, с ног его сбила и дальше полетела. Потом в землю воткнулась во весь железный наконечник.

А Менкв-Ойка вскочил, к городку бросился. Рубит тяжёлым ножом палисады, кричит:

— Куда годятся твои стрелы, куда тебе со мною тягаться!

Вищ-Отыр вторую стрелу пустил. Стрела в грудь лесного духа ударила, на три сажени его отбросила, а сама поверх голов войска перелетела, по самые перья в землю воткнулась.

Так бьются три дня без еды, три ночи без сна. У Вищ-Отыра тетивой кожу с пальцев содрало. Вдруг он слышит, Менкв-Ойка ему кричит:

— Эй, Вищ-Отыр, поесть хорошо бы, отдохнуть не плохо бы!

Перестали биться. Вищ-Отыр в дом вошёл. Молодая жена лук у него из рук взяла, в угол поставила. Пот у мужа со лба рукавом утёрла. Потом пить-есть подала.

Он есть не начинает, сестре говорит:

— Иди к нашему старшему брату, скажи ему: тетивой у меня на пальцах кожу сорвало, силы мои кончаются. Не придёт ли, не поможет ли мне. Беги в земле вырытым ходом, что ведёт от моего городка к городку брата.

Побежала сестра. К старшему брату пришла, говорит ему:

— Старший брат, иди помоги младшему брату. Трое суток бьётся он с лесным духом, тетивой ему на пальцах кожу сорвало, силы у него кончаются.

Усмехнулся старший брат.

— Разве я человек? Я камень. Так Вищ-Отыр сказал. Если у него оружие затупилось, пусть придёт, об меня поточит. А я к нему не пойду.

Заплакала сестра, в земле вырытым ходом назад побежала. Вищ-Отыр её выслушал, ничего не сказал. Опять за лук взялся, стрелы схватил.

Пустил первую стрелу. Десять менквов рядом стояли — стрела всех десятерых пронзила. Вторая стрела пригвоздила к земле двадцать менквов.

А Менкв-Ойка со своим братом тяжёлыми ножами три палисада в щепки искрошили, к четвёртому добираются.

Ещё так три дня без еды, три ночи без сна бьются.
У Вищ-Отыра сил совсем не осталось, на пальцах белые кости
показались.

— Эй, остановимся! — закричал он лесному духу.—
Отдохнуть пора, поесть пора!

Согласился Менкв-Ойка. Он тоже поесть хочет,
отдохнуть хочет.

Вищ-Отыр не домой пошёл. В земле вырытым ходом к
старшему брату отправился. Тяжёлую лиственничную дверь
распахнул, через высокий порог переступил. Со старшим
братом поздоровался. Брат ничего не сказал. Жирную оленью
голову в котёл положил, котёл на огонь повесил. Скоро и мясо
сварилось, поели, попили.

Молчат.

У стены большой ящик стоял. Старший брат поднял
крышку, вытащил мешок, сшитый из рысей шкуры. Оттуда
кольчугу вынул. Из медных колец, из железных проволок
скована кольчуга, блестит, переливается серебром и золотом.
Надел её старший брат. Поясом, дятловыми носами
украшенным, опоясался. Меч в руки взял. Тогда только первое
слово сказал:

— Теперь пойдём!

Подошли к городку Вищ-Отыра. Возле палисада
громадный, как скала, валун лежал. Старший брат ударил по
валуну ногой. С грохотом камень раскололся, на много кусков
разбился. Посыпался каменный град на войско Менкв-Ойки.
Половину его воинов разом перебило.

А старший брат выхватил меч из ножен, принялся
крушить вражье войско. Вищ-Отыр от него не отстаёт.
Старший брат налево рубит, младший — направо. Старший —
направо, младший — налево. Тем менквам, что от каменного
града уцелели, головы снесли.

Опустили мечи братья, огляделись. Все менквы мёртвые лежат, только лесного духа ни мёртвого, ни живого не видно. И брата его, Пирх-Камки-Сорт-Камки, нету.

— Испугались нас, убежали! — сказал старший брат. — Догонять придётся. Ты за которым погонишься?

— С кем бился, за тем и погонюсь! — отвечает Вищ-Отыр. — Менкв-Ойку стану преследовать.

— Как сказал, так и будет, — согласился старший брат. — Одно помни: если сил у тебя не хватит, если слабеть начнёшь, молчи, ни слова не промолви. Только обо мне подумай.

Пошли братья, куда следы повели. Старший брат — налево, младший — направо.

Долго ли, коротко ли шёл-бежал Вищ-Отыр, наконец нашёл трёхсаженного лесного духа. Сидит он на стволе упавшего дерева, горько плачет. Вищ-Отыра увидел, вскочил.

— Ну, — говорит, — как биться будем? Лук и стрелы выберем или врукопашную схватимся?

— Луки наши уже опробованы, стрелы испытаны, — отвечает Вищ-Отыр. — Врукопашную мы ещё не бились, силы рук друг у друга не знаем. Давай поборемся!

Схватились оба. Земля под ними гудит, деревья кругом, как сухой камыш, качаются. То лесной дух верх берёт, то Вищ-Отыр побеждает. А всё же у трёхсаженного Менкв-Ойки силы больше. Начал клониться книзу Вищ-Отыр, трещат его кости, руки, ноги слабеют.

Повалил лесной дух Вищ-Отыра на землю, выхватил нож, хочет богатырю горло перерезать.

«Милый брат, — думает Вищ-Отыр, — был бы ты здесь, не смотрела бы смерть в глаза!»

Только успел подумать, захлопали над ним крылья, закричал чей-то голос: «Ку-гу! Ку-гу!»

Взглянул вверх Менкв-Ойка, ослабил хватку. В тот же миг Вищ-Отыр из-под него выскользнул. Лесного духа на землю повалил, придавил, в чёрное его сердце нож воткнул.

Теперь сам вверх посмотрел. Видит — сидит на ветке филин, на него глядит. Спрыгнул с ветки, обернулся старшим братом, сказал:

— Менкв-Ойка тут лежит. Пирх-Камка-Сорт-Камка на том краю леса мёртвый валяется. Больше у нас врагов не осталось. Возвращайся к своей жене, к своему сыну.

Вернулись они, весёлый пир устроили. И семерых братьев, что живут в верховьях Онку-ях-реки, позвали.

Жена Вищ-Отыра, сестра семерых братьев, ласково их приняла, обиду забыла. И братья тоже обиду забыли, помирились с ней.

Долго после того Вищ-Отыр с женой в радости и счастье жил. Сын его богатырём рос, человеком сказки, человеком песни.

Вот нашему сказанию о богатыре Вищ-Отыре и конец пришёл!

Источник: Журавлиное перо [Текст] : сказки народов Севера. – Л. : Дет. Лит., 1968. – 318 с.

БЕРЕСТЯНОЙ НОС

Мансийская сказка

Как-то вечером сказал старик своей старухе:

— Насуши сухарей. Давно не охотился, завтра с утра в лес пойду.

Старуха заворчала:

— Давно не охотился, так и ходить незачем. Хочешь, чтоб менквы, лесные духи, тебя там съели?!

Старик отвечает:

— Менквы не менквы, всё равно пойду.

И лёг спать.

Утром встал, спрашивает:

— Насушила сухарей?

— Не насушила, — отвечает старуха. — Не пойдёшь ты в лес.

— Пойду! — говорит старик.

— Не пойдёшь! — говорит старуха.

Так полдня и проспорили.

Солнце уже на другую половину неба клониться начало, когда старик из дому вышел. До его лесной избушки, где он смолоду, охотясь, бывало, по неделям жил, далеко идти. Солнце село, смеркается, совсем стемнело, а он до своей избушки ещё не добрался. Шагает, думает:

«А ведь верно старуха говорила — съедят меня менквы! Лучше бы не ходил».

Такой страх его пробирает, что ноги трясутся. Однако бежит. В избушке, думает, не так страшно. Теперь уже близко.

Вдруг смотрит, сквозь деревья огонёк мерцает. Подошёл поближе — это в его избушке окошко светится.

«Значит, — думает старик, — какой-то охотник раньше меня забрёл. Вот хорошо, вдвоём переночуем».

Всё-таки сразу входить не стал, сначала в окошко заглянул.

Ох, страх какой! Сидят у очага два огромных менква с голыми волосатыми руками, с голыми волосатыми ногами. Один обдирает шкуру с красного зверя, другой обдирает шкуру с чёрного зверя.

Шарахнулся старик от окошка, наступил на берёзовый сук. Крак! — сук сломался.

— Ой! — вскрикнул один менкв грубым голосом.

— Ай! — второй вскрикнул.

А старик опять к окошечку. Смотрит, слушает.

— Чего это мы так боимся? — спрашивает первый менкв, а сам весь дрожит.

Второй отвечает:

— Не знаю, чего боимся. Разве есть на земле кто-нибудь сильнее нас? Разве есть на земле кто-нибудь больше нас? — И тоже весь дрожит.

— А что же это было? — спрашивает первый менкв.

— Видно... — отвечает второй менкв. — Видно, это берёзовый сук треснул.

— Ох, не говори, сердце у меня от страха лопнет! Ну-ка скажи ещё раз, что это было?

— Сук берёзовый треснул!

— Ох, молчи! С чего бы ему треснуть?!

Старик за окошком думает:

«Кто кого больше боится — видно. А кто кого сейчас больше испугается — увидим!»

Отодрал кусок берёсты, свернул трубкой, к носу приставил. Длинный-предлинный нос у него сделался. Потом просунул старик голову в окошко и закричал:

— А вот берестяной нос в гости пришёл! У-гу-гу-у!

Вскочили менквы, кинулись к выходу. Дверь из избушки вышибли, бежать бросились. Только топот по ночному лесу слышится.

Старик двери назад приладил. В избушку вошёл, спать лёг.

Охотился не охотился, а шкуру красного зверя, шкуру чёрного зверя домой принёс. Старухе отдал, сказал:

— А ты говорила: в лес не ходи!

Источник: Журавлиное перо [Текст] : сказки народов Севера. – Л. : Дет. Лит., 1968. – 318 с.

КАК ИМИ-ХИТЫ НА САНКАХ КАТАЛСЯ

Хантыйская сказка

Маленький Ими-Хиты ни отца, ни матери не помнит, давно они умерли. Ими-Хиты с бабушкой живёт. Живут они на далёком берегу большой реки, таком далёком, что если идти туда, это место краем Земли покажется.

Растёт мальчик, и дороги его растут, всё дальше от дому уходят. По лесу бродит — слушает, по тундре идёт — смотрит. Однажды прибежал к бабушке и говорит:

— Бабушка, кого это я видел: сам серый, хвост чёрный, от дерева к дереву быстро бегают, с ветки на ветку прыгает.

Бабушка отвечает:

— Это белка. Твой отец много белки добывал.

— И я добывать буду, — говорит Ими-Хиты.

— Мал ты ещё, внучек, — бабушка сказала. — Ты за ней погонишься, она от тебя на дерево убежит, в густых ветвях скроется. Что ты с ней сделаешь?

В другой раз Ими-Хиты так бабушку спросил:

— Опять я видел кого-то. Весь белый, только кончик хвоста чёрный. Не знаешь ли, как его зовут?

— Как не знать! — смеётся бабушка. — Горноста́й это. Твой отец помногу горностаевых шкурок приносил.

— Ну, так я побегу, догоню его.

— Ох, внучек, разве горноста́й догонишь! Он от тебя под корнями дерева спрячется. Что тогда сделаешь?

Ещё раз прибежал Ими-Хиты, издали кричит:

— Бабушка, бабушка, не белку, не горноста́й я видел. Тёмный, как мокрая кора, этот новый зверь. Ушки круглые, хвостик пушистый.

Бабушка отвечает:

— Самый дорогой зверёк тебе повстречался. Соболем называется. Отец твой говорил: шкурку соболя добыть — удача для охотника.

— Побегу я, бабушка, за ним, за своей удачей побегу!

— Ох, внучек, соболь — зверь с длинным следом. По такому следу охотник, бывает, три дня, три ночи идёт. Да и чем убьёшь его?

— А чем мой отец убивал?

— Луком звенящим, стрелой поющей, — отвечает бабушка.

— А сумеешь ты сделать мне лук и стрелы?

— Попробую, может, выйдет что.

Долго трудилась бабушка, ведь не мужчина она, а старая женщина. Всё-таки смастерила лук, стрелы сделала, тупые наконечники насадила — на пушного зверька.

Начал Ими-Хиты охотиться. Сперва за три дня одного зверька приносил, потом за один день — трёх. Принесёт добычу, бабушка внука накормит, напоит. Сядут вдвоём тушки разделывать, бабушка учит-показывает:

— Отец твой вот так свеживал, так шкурки натягивал для просушки.

Ими-Хиты старается, всё так делает, как отец делал.

Теперь лучше стали жить бабушка и внук, есть сытнее, одеваться теплее. Ими-Хиты растёт, подрастает.

Однажды говорит он бабушке:

— Бабушка, я ближние места все исходил. Смастери мне кузовок, положи в него на три дня съестного припаса. Хочу на дальних путях охотиться, дальнего зверя бить.

— Ну что ж, как просишь, так и сделаю, — отвечает бабушка. — И твой отец не всё вокруг дома промышлял.

Села бабушка у очага, из гибкой берёсты изладила хороший кузовок. Положила в него побольше еды, отправила внука на дальнюю охоту.

Вышел из дому Ими-Хиты, бросил впереди себя свои подволочные лыжи. Куда они носами легли, в ту сторону он и пошёл.

Идёт, следы примечает. Увидел след мышки — пошёл по следу мышки. Перебился тот след следом соболя, он по соболиному следу отправился. Потом ступил на песцовый след. Ни одного зверя не добыл, а от дома на три дня ушёл. В кузовке съестного припаса лишь на донышке осталось. Ими-Хиты съел последнее, подумал:

«Охотничье счастье — что ветер: то в одну сторону дует, то в другую. А всё-таки далеко я побывал. Верно, и отец мой отсюда домой бы повернул».

Сделал Ими-Хиты разворот на лыжах, вдруг слышит — свист по лесу идёт, крик раздаётся, хохот, как гром, перекачивается. Ими-Хиты немножко испугался, немножко обрадовался — человек близко, а какой такой человек, не знает... Он на своём веку только бабушку и видел.

Стал Ими-Хиты меж деревьев и кустов пробираться. Вышел на высокий берег реки. Видит — с ледяной горы на санках мальчишка катается. Ростом чуть пониже дерева, брови у него — что длинный мох, волосы — что густой кустарник. Чудной такой: катится вниз — громким криком кричит. Скатится на речной лёд — звонким хохотом хохочет, в ладони бьёт.

Ими-Хиты глаза раскрыл — смотрит, уши раскрыл — слушает.

И мальчишка его увидел.

— Иди сюда, человеческий мальчик, вместе кататься будем!
— закричал.

— А ты чей мальчик? — Ими-Хиты спрашивает.

— Я Менгк-поших, из семьи лесных духов, — тот отвечает. — Садись передо мной на санки, я тебя покатаю.

— Лучше я позади тебя сяду, — говорит Ими-

Хиты.— Очень уж ты громко кричишь, я на санках не удержусь.

— Разве я громко кричу? — удивился Менгк-поших.— Ну, хорошо, я совсем тихонько кричать буду.

Сели. Ими-Хиты впереди, Менгк-поших сзади. Только раскатились, закричал от радости лесной мальчишка. У Ими-Хиты в ушах зазвенело, свет в глазах померк. Упал он с санок, ничего не помнит. Долго ли, коротко ли лежал на снегу, очнулся, видит — Менгк-поших санки опять в гору тянет.

Ими-Хиты на себя рассердился, на мальчишку обиделся. Не стал дожидаться, пока тот на гору поднимется, подвязал лыжи, в обратный путь пустился, с пустыми руками вернулся к бабушке.

Время своим чередом идёт. Зима кончилась, весна прошла, лето миновало, осень с дождями новой зимой сменилась. Ими-Хиты охотится, не далеко и не близко от дому уходит, добычу бабушке несёт.

А как настала опять пора подволочных лыж, Ими-Хиты в дальний путь собрался. К тому лесу, к той горе лыжи направил, где с лесным мальчишкой катался на санках. Не даёт ему покоя обида, что он тогда на санках не удержался, хочется ему над мальчишкой верх взять.

Только и в этот раз у него ничего не вышло. Хоть и сел позади, всё равно упал с санок, когда Менгк-поших закричал-засмеялся.

Опять в обиде на мальчишку, в досаде на себя ушёл Ими-Хиты с того места.

Год прошёл. Ими-Хиты совсем вырос, парнем стал. Плечи широкие, руки сильные, на целую голову выше бабушки.

«Уж теперь-то, — думает, — не упаду с санок, хоть впереди, хоть позади сяду. Пусть Менгк-поших кричит сколько хочет!»

Встретились на горе Ими-Хиты и Менгк-поших.

Менгк-поших над Ими-Хиты смеётся.

— Ну что, опять кататься пришёл, с моих санок падать?

Ими-Хиты отвечает:

— Кататься буду, падать не стану.

Сели, покатались. Тут Менгк-поших так закричал, как раньше не умел. Он ведь тоже за эти годы подрос. С ближних деревьев хвоя осыпалась, на дальних деревьях ветки закачались. Не удержался Ими-Хиты — упал без памяти.

Очнулся, сказал:

— Не буду с тобой больше кататься. Сам себе санки сделаю.

Взял Ими-Хиты свой топорик, срубил тонкую берёзку, расколол её пополам, стал обтёсывать.

А Менгк-поших стоит рядом, на его работу смотрит.

Ими-Хиты махнёт топором, блеснёт на солнце лезвие, Менгк-поших засмеётся. Так засмеётся, что топор у Ими-Хиты в руках дрогнет, скользнёт по дереву, даже зарубинки не оставит.

А Менгк-поших ещё громче смеётся.

Потом говорит:

— Тупой у тебя топор, наострить надо.

Ими-Хиты отвечает:

— А на чём наострить? Я с собой точила не захватил.

— Как на чём? На моём языке наточи.

И высунул язык. Длинный, шершавый, лучше всякого точила.

Принялся Ими-Хиты водить топором взад-вперёд по языку Менгк-пошиха. Щекотно тому стало, засмеялся он. Дрогнул

топор в руках Ими-Хиты, соскользнул, ребром повернулся и отрубил кончик языка у лесного парнишки.

Замахал руками Менгк-поших, затопал ногами. Кричать не может, смеяться не хочет. Санки бросил, побежал прочь.

«Эх, — думает Ими-Хиты, — сам ведь он виноват. А всё-таки жалко его!»

Подобрал отрубленный кончик языка, положил в кузовок и пошёл по следу Менгк-пошиха.

Долго шёл, и привёл его след к большому селению. Дома там из толстых брёвен сложены. Где лиственничных стволов не хватило, еловые клали, где еловых не хватило, клали лиственницу.

Оборвался путь Менгк-пошиха у двери не лучше, не хуже других. Видно, туда вошёл лесной парень. Ими-Хиты быстро на крышу дома взобрался, приложил ухо к дымовому отверстию. Так и есть, там Менгк-поших.

Слышно, как стонет и плачет, слышно, как домашние его расспрашивают, никакого толку добиться не могут. Потом говорит кто-то — может, мать, может, бабушка:

— Видишь, со средним братом что-то случилось. Беги к дедушке, спроси, какая беда, чем помочь. Дедушка всё видит, всё знает, он не поможет, никто не поможет.

Выбежал из дома совсем маленький лесной мальчишка. На правой ноге пляшет, левой рукой машет, поёт и хохочет чуть потише Менгк-пошиха, много громче, чем Ими-Хиты смеялся, когда бабушка ему смешное рассказывала. Поплясал, поскакал, в соседнем доме скрылся.

Ими-Хиты, как белка, с крыши спрыгнул, на соседнюю крышу взобрался. Опять слушает. Кто-то в доме мальчишку спрашивает:

— Зачем, внучек, пришёл? Верно, за делом тебя прислали?

Внучек ничего не отвечает, только слышно, как ногами притопывает, в ладоши прихлопывает. Поплясал, поскакал, из дому выскочил, в свой дом убежал.

А Ими-Хиты всё слушает. Тот же голос говорит:

— И с чего это у нас, лесных дедушек, такие лесные внуки растут — озорные да бестолковые? Когда ещё ума наберутся! Придётся самому пойти.

Услышал такое Ими-Хиты, еле успел с этой крыши спуститься, на ту крышу взобраться. Тут вышел из своего дома старик. Брови как белый мох, волосы как ворох пожелтелых листьев. Из своего дома вышел, в дом, где живёт Менгк-поших, вошёл.

Слышит Ими-Хиты, старик говорит:

— Ну что, внучек Менгк-поших, доигрался?

А Менгк-поших ничего не отвечает, только стонет. Мать его плачет, у деда спрашивает:

— Что же с ним такое? Бедное моё дитя никому зла не сделало. Ему кто-то зло сделал! Помоги скорей, дедушка, твой ведь это внук!

— Я ему помочь не могу, — отвечал дедушка. — Пусть тот поможет, кому наш мальчишка досадил, — человечий парень, по имени Ими-Хиты.

— А где его возьмёшь, этого Ими-Хиты? — плачет мать.

Дедушка отвечает:

— Да ведь не далеко ходить! Ими-Хиты на крыше сидит. Что мы говорим, в дымовое отверстие слушает.

— Побегу позову! — мать крикнула.

— Нет, не годится, — сказал дедушка. — Ты позовёшь — Ими-Хиты не пойдёт, я позову — не пойдёт, Менгк-пошиха и посылать не стоит — он ничего сказать не сможет. А посылать надо старшую его сестру. Кто такой красавице откажет?

Тут вышла из дома девушка. Глянул на неё Ими-Хиты, чуть с крыши не свалился. Брови у девушки, как летящая птица, косы, как поющая птица, поведёт головой — слышен звон серебра и золота.

Поглядела красавица вверх, увидела Ими-Хиты, усмехнулась, слова не сказала, в дом назад пошла.

У Ими-Хиты сердце оборвалось, за красавицей покатилося. За своим сердцем и сам Ими-Хиты прыгнул, в дом побежал. Там схватил из кузовка кончик языка Менгк-пошиха, на место приставил. Мигом сросся язык.

Менгк-поших заплясал, засмеялся, только открыл рот, чтобы закричать погромче, да посмотрел на Ими-Хиты и сказал тихонько:

— Вижу, вижу, этот мой товарищ дорогое принёс, с дорогим и уйдёт.

Все на Ими-Хиты посмотрели, а он глаз с красавицы не сводит. Тогда все на красавицу посмотрели — она глаз с Ими-Хиты не сводит.

Сказал тут старик:

— Э, давно, видно, надо было Менгк-пошиху язык укоротить, может, давно бы он поумнел. Правду мой внучек сказал — само дело сладилось, не нам его разлаживать. Ну, как, Ими-Хиты, верно мы с внуком угадали, ответь.

А Ими-Хиты не отвечает, к девушке подошёл, с ней заговорил:

— Пойдёшь за меня замуж?

— Пойду, — девушка сказала.

Что ж теперь долго рассказывать — на другой же день свадебный пир устроили. После пира Ими-Хиты с молодой женой в обратный путь собрался, к бабушке своей.

Немного ещё отошли, выскочил из дома Менгк-поших, стал им вслед свой целый язык показывать, стал смеяться, громким

криком кричать. Закачались деревья, и Ими-Хиты покачнулся, а всё же удержался на ногах.

Теперь настоящим мужчиной он стал, женатым охотником! Разве поддастся на озорство лесного мальчишки?

Бабушка Ими-Хиты с радостью встретила внука и невестку. Так внуку сказала:

— И с твоим отцом такое было. Пошёл однажды на охоту, зверя не притащил, шкурок не принёс, зато жену за руку привёл, ту, что твоей матерью стала. Ну, входите в дом!

Источник: Журавлиное перо [Текст] : сказки народов Севера. – Л. : Дет. Лит., 1968. – 318 с.

МЕНКВ И ЮНОША

Хантыйская сказка

В давнюю пору на таёжной стороне Малой Оби жил-был менкв. На другом берегу той же реки среди смешанного леса стояла избушка, в которой проживал юноша-ханты.

Как только начиналась вонзевая пора⁵², лесной великан ловил рыбу на одной стороне Оби, а юноша - на другой.

Когда же наступала зима и подходило время охотничьего промысла, менкв вставал на широкие лыжи, подбитые лосиными камусами, и отправлялся в тайгу, а его сосед уходил добывать зверя в свои леса.

Так день проходил, ночь наступала. И опять новый день начинался.

Однажды долгим зимним вечером, сидя на нарах своего огромного дома, лесной великан задумался:

— Что-то в последнее время мне скучновато стало. Схожу-ка я завтра в гости к соседу через реку и попробую вызвать его на состязания. Посмотрим, кто из нас двоих сильнее, ловчей и

⁵² Вонзевая пора – «месяц прихода рыбы», время подъема рыбы на нерест.

смекалистей. То-то потеха будет! Где же обычному человеку справиться со мной, откуда ему взять столько силы, которой меня наделила матушка-природа?

Состязаться мы будем при одном условии, что победивший должен привязать побеждённого к самой громадной лиственнице, растущей в моей тайге. У меня на этот случай припасена железная цепь с замком и ключом. Ей, как бы её завтра не забыть!

Если даже и проиграю, то пусть сосед привяжет меня к дереву кожаными верёвками, которые я, конечно, тут же разорву безо всяких усилий. Ну, а если выиграю состязание, то как следует этого ханты своей цепью к лиственнице прикручу.

Зато, когда я от него избавлюсь, все близлежащие леса, земли и воды будут принадлежать только мне одному!

С такими радостными мыслями он улёгся на нары да так громко захрапел, что бревенчатые стены просторной избы, срубленной из вековых лиственниц, заходили ходуном в такт его богатырскому храпу.

На следующее утро менкв пришёл к юноше и, поздоровавшись с ним, завёл такую речь:

— Слушай, внучек⁵³, я просто удивляюсь тому, что нынче на моих охотничьих угодьях слишком много диких оленей развелось. Было бы очень здорово, если бы мы вдвоём сумели добыть семерых оленей-быков, затем устроить состязания: сварить оленину, разделить мясо поровну и съесть. При этом, кто из нас победит, тот должен привязать побеждённого к самой большой лиственнице. Если я проиграю, то ты меня привяжешь. Через свои слова не перешагну, вот мой огонь горит, — сказал он, кивнув головой в сторону увала, где весело потрескивали горящие дрова, пылало яркое пламя.

⁵³ Внучек — ханты в старину считали, что менквы - их дяди, и при обращении к людям всегда называли их «внуками».

— Ну, что же, дядюшка, — ответил юноша, — я согласен потягаться с тобой и условия этих состязаний меня вполне устраивают.

После этого разговора двое охотников, проверив луки и стрелы, тронулись в тайгу на поиски диких оленей. Долго ли, коротко ли они охотились — добыли семерых быков.

Ободрали с них шкуры, освежевали туши, разрубили мясо и положили в огромный котёл, висевший над костром.

Сварив оленину, разделили её пополам и, усевшись на снегу друг против друга, приступили к состязанию. Юноша во время еды незаметно от своего соперника туда брошенное мясо — туда бросил, сюда кинутое мясо — сюда кинул.

Менкв с большим аппетитом, громко чавкая, все I подряд съедает, только лишь обглоданные кости в разные стороны летят и по снегу рассыпаются.

— Дядюшка, я уже закончил есть! — крикнул менкву юноша-ханты.

— А я, внучек, ещё ем, — отвечает он, — подожди немного, дай хоть остатки мяса доесть, а ты тем временем своей крепкую веревку.

Юноша, взяв в руки острый нож-щохар⁵⁴, разрезал на длинные полосы сырые оленьи шкуры и сплёл из них толстый канат.

Проигравший состязание лесной великан нехотя подошёл к громадной лиственнице, и победитель начал изо всей силы привязывать его. Но стоило только менкву шевельнуться, как веревки, сплетённые из сырой оленьей кожи, лопнули в нескольких местах.

И в этот самый момент юноша заметил на поясе его малицы железную цепь с замком и ключом к нему. Он резко выхватил

⁵⁴ Нож-щохар – узкий длинный охотничий нож, заточенный с одной стороны.

её, несколько раз обернул цепью своего соперника и, повернув ключ, захлопнул замок.

После этого смельчак спокойно отошёл от дерева, куда был прикован менкв, собрал раскиданное им во время состязания варёное оленьё мясо. Затем, сложив его на заплечные нарты, тронулся домой.

С тех пор много ли, мало ли времени прошло, решил юноша посмотреть: жив ли ещё лесной великан.

Пришёл он к нему и видит: лежит менкв прямо у порога своего дома и громко-громко стонет, а к его спине железной цепью привязана огромная лиственница, вывороченная вместе с корнями из мёрзлой земли.

Подошёл храбрец к лесному великану, отомкнул замок и, освободив его, сказал:

— С этих пор и на будущее запомни, что земля и вода на всех одна и пока жив человеческий род, не смей его трогать!

С такими словами юноша-ханты зашагал на свою сторону Малой Оби.

Он и поныне там живёт-поживает, бед и горестей никаких не знает.

Источник: Енов, В. Е. Сказы рода Правдивых людей [Текст] : мифологические сказки по мотивам хантыйского народного фольклора : [для среднего школьного возраста : 6+] / Владимир Енов ; [иллюстрации Н. П. Носкова ; автор предисловия Е. Игушев]. - Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2012. - 119 с. : ил.

Сказка моя!

Айпин Еремей Данилович, писатель

Далеко-далеко, на Крайнем Севере, на реке Оби живут малые по численности народы ханты и манси. В старину они звались уграми, или остяками и вогулами. Они ходили на охоту, ловили рыбу, пасли оленей, собирали вкусные северные ягоды. А вечером они сходились в доме самого мудрого сказочника и певца. Он сказывал сказки, пел песни, загадывал загадки о зверях-птицах, о рыбной ловле, о Земле, о Солнце и Луне.

Его слушали в детстве мои дедушки и бабушки. Все, что они узнали, потом передали моим родителям, Маме и Папе. А они - мне и моим сестрам.

КЛЮКВИНКА И ТРАВЯНАЯ КОСИЧКА

Хантыйская сказка

Клюквинка и Травяная Косичка вместе живут. Каждое утро первой Клюквинка поднимается. Она огонь в чувале разводит и пищу готовит. А Травяная Косичка другими домашними делами занимается. Так они и живут-поживают.

Однажды утром Клюквинка говорит подруге:

- Я каждое утро первая встаю. Сегодня ты первая вставай, огонь разведи.

Встающий первым всегда огонь разжигает.

- У меня же косичка... - тихо напомнила Травяная Косичка.

- Ничего с твоей косичкой не случится, если один раз огонь разведешь! - сказала Клюквинка.

- Ладно, огонь разведу, - согласилась Травяная Косичка.

Травяная Косичка встала, оделась и начала огонь в чувале разводить. Береста-растопка загорелась, дрова загорелись. Тут порыв ветра пламя подхватил - и вспыхнула травяная коса Травяной Косички.

Увидела это сидевшая на постели Клюквинка, увидела и так расхохоталась, что тотчас лопнула.

Тут и сказке конец.

***Источник:** Айтин, Е. Д. Клюквинка и травяная косичка [Текст] : потешки, сказки, были сургутских остяков : (из серии "Сказки моего детства") / Е. Д. Айтин ; в авт. ред. ; худож. Г. Райшев. - Нижневартовск : Прессграфика, 2001. - 36 с. : ил.*

КАВИ

Хантыйская сказка

В одном доме семья охотника жила. Отец на охоте был. Мама на нарах сидела, одежду шила. Возле нее дети, Сынок и Дочка, в свои игры играли.

Маме пить захотелось, и она попросила детей:

- Воды мне подайте...

- Са-сар, - сказал играющий Сынок, что значит "сей-час".

- Сей-час, - сказала увлеченная игрой Дочка.

А Мама шьет, торопится. Скоро зима наступит. Без теплой одежды не прожить. Некогда ей встать и за водой сходить. А пить хочется. И она снова просит:

- Сынок, водицы мне дай! Ох, как пить хочется!..

- Сей-час, - отвечает Сынок.

К Дочке обращается:

- Дочка, водицы мне дай! Ах, как пить хочется!.

- Сей-час, - откликается Дочка.

Мама шьет, а дети все продолжают играть. Не несут Маме свежей водицы. А жажда томит, не дает покоя. И Мама опять к детям поворачивается, просит:

- Сынок, водицы мне принеси! Горло совсем пересохло!

- Сей-час, - слышится в ответ.

- Доченька, водички мне поднеси! Горло совсем пересохло мочи нет!..

- Сей-час, - доносится голос Дочки.

Потом дети так заигрались, что совсем забыли про Маму. А Мама уже слово вымолвить не может. Горло совсем пересохло без воды. Тут рассердилась она, выронила из рук доску, на которой орнаменты вырезала. Доска пополам раскололась. Она схватила эти половинки они крыльями стали. Бросила через

плечо игольницу - она хвостом распушилась. Взмахнула крыльями - в кукушку обернулась. И полетела. Возле дома на дерево села. Горло-то пересохло, слово вымолвить не может. Только один звук издает:

- Как-кук! Как-кук!..

Увидели это дети, схватили ковшик с водой, за Мамой-кукушкой бросились. Взмолились:

- На, Мамочка, водицы испей!

- Вот тебе, Мамочка, водица!

- Кукушкой не улетай, Мамочка!

- Вот водица, к нам вернись!

Да поздно спохватились дети. Мама-кукушка не слышит их. С дерева на дерево перелетает, все одно повторяет:

- Как-кук! Как-кук!..

А дети с ковшиком воды бегают за ней от одного дерева к другому. Плачут, зовут ее:

- Мамочка, напейся водицы! Домой вернись!

- Вот водица, к нам вернись!

- К нам вернись!

- Вернись!..

Долго бегали дети за Мамой-кукушкой, все звали ее. Так долго бегали, что в кровь изодрали свои ноги. И вдоль таежных рек, где они пробегали, кусты от их крови стали красными. До сих пор на берегах рек и ручьев, недалеко от воды, растут эти кусты с красной корой. Красноталом их зовут...

А весной, когда кукушка прилетает в наши края и подает голос, женщины в селениях строго внушают своим сыновьям и дочерям:

- Не дразните кукушку!.. Это человеческая женщина, несчастная мать непослушных детей... Вот такова история Кави-кукушки.

Источник: Айпин, Е. Д. Клюквинка и травяная косичка [Текст] : потешки, сказки, были сургутских остяков : (из серии "Сказки моего детства") / Е. Д. Айпин ; в авт. ред. ; худож. Г. Райшев. - Нижневартовск : Прессграфика, 2001. - 36 с. : ил.

Вагатова Мария Кузьминича, хантыйская поэтесса

В бездверном, в бесстенном большом Доме, где живет наше Солнце, светит наша Луна, искрятся наши Звёзды, живет и наша родная Земля. Не мы одни, только люди, живем на ней. С нами живут, ты знаешь, деревья, травы, цветы. В лесах бегают, живут звери большие и малые. На небе летают птицы, бабочки, по Земле ползают жучки и паучки... На Земле — океаны, моря, озера, по Земле текут реки, речки и ручейки... В этих водах живут, плавают рыбки.

...Тысячи и тысячи лет позади, ушло очень много поколений людей, но они оставили нам самое ценное - традиции, обычаи, корни жизни, сказки, легенды, песни, танцы. Всё это передаётся из одного поколения в другое как великая ценность, без чего нельзя, даже невозможно жить дальше.

Каждая бабушка, каждый дедушка знают всё это и рассказывают детям, внукам и правнукам, вливают в их души добрые силы, наполняют их сердца ценностями, накопленными на Земле, учат беречь Землю и Жизнь.

Да, это так. Нельзя без надобности рубить деревья, топтать траву, рвать цветы. Нельзя убивать зверей, птиц, букашек, жучков. Пусть на Земле с нами живут комары, мошки, бабочки, мухи... Они тоже хотят жить, их тоже Бог создал. Да это всё так! А где сказка?

ЖЕНЩИНА ЯГОДКА

Хантыйская сказка

Жил один мужчина, было у него три сына. Жили они совсем в отдаленном углу Земли, вокруг никого не было, а может, и были люди. Кто знает, кто видел, но они не видели, не слышали про них.

Сказка есть сказка. Жена у этого мужчины была или нет, никто не знает. Сколько они здесь одни живут, много ли времени, мало ли времени ушло, но однажды отец говорит детям: «Я вам мать искать поеду». Запряг в саночки собак и поехал. Длинный путь — долго ехал, короткий путь — быстро ехал.

Много земли проехал, много рек переехал. Он устал, собаки тоже устали. Вдруг нечаянно ногой задел гнилой дуплистый пень березовый, а оттуда дым повалил. Мужчина стал вокруг пня ходить и искать двери. Вдруг нашел небольшое отверстие и зашел в него. Походил, походил, посмотрел вокруг — никого не было. Подошел мужчина к месту, где хранится посуда, и вдруг выкатилась оттуда Ягодка и тут же куда-то покатилась, нигде ее нет. Немного погодя в сениях слышится писклявый голос: «Не могу поднять котел с круглым дном».

Мужчина вышел ей на помощь, а котел-то был величиной с полголовы белки. Прошло еще немного времени, снова Ягодка где-то пищит: «Ой, не могу я поднять голову этого зверя, хотела бы я ее сварить для гостя». Мужчина опять подошел на помощь. Видит — голова белки. Ягодка кое-как сварила еду с помощью мужчины, поужинали.

Никаких сватов не было, сами ли договорились, но Ягодка с мужчиной стали мужем и женой, вместе стали жить.

Любуется мужчина на свою Ягодку. Обо всем на свете забыл, даже о детях. А она то туда покатится, то сюда скатится, ничего без помощи мужа не может делать.

Много ли тут жили, вдруг мужчина вспомнил о детях и говорит жене: «Надо бы домой ехать, как там мои ребятишки, наверное, ждут меня». Ягодка села на нарту невесты, которую снарядил муж, запрягли собак и поехали.

Долог ли был путь, коротка ли была дорога, но они приехали домой. А ребятишки соскучились, выбежали из чума и кричат: «Ий, ий! Папа приехал! Наверное, маму нам он привез! Где наша мама?»

«Мать ваша на нарте с меховым укрытием сидит, помогите ей сойти с нарточки».

Самый маленький ребенок залез на нарточку, поднял меховое одеяло, а оттуда Ягода выкатилась, выпала с нарточки на землю, катится в сторону дома. Мальчик побежал догонять ее и нечаянно наступил на нее. Она и лопнула.

— Ну, где же, дети, мать? — спросил отец.

— Мы ее не видели! — ответили старшие дети.

— Какая-то ягодка была в нарточке, я наступил нечаянно на нее, и она лопнула, — сказал с грустью самый маленький мальчик.

— Это же она и была! Где мы теперь ее возьмем? — сказал с досадой отец.

И стали они жить дальше.

Правда, говорят, красота человека в его умелых руках, а не только во внешнем облике. Женщина бывает красива, как ягодка, но ничего не умеют делать ее руки, вся она беспомощна, никому нет тепла и добра от нее. Жизнь такого человека похожа на жизнь Ягодки из нашей сказки.

Источник: Вагатова, М. К. (Волдина М. К.). Маленький Тундровый Человек [Текст] : [стихи и сказки] / М. К. Волдина ; худож. А. С. Кухтерин. - Тюмень : СофтДизайн, 1996. - 208 с. : ил.

Иванова Валентина Селиверстовна, историк

ЗРЯ НЕ ВОРЧИ

Мансийская сказка

Два охотника в лесу живут. Живут, охотятся. Из-за того что маловато белки добывают, один постоянно ворчит. Он по десять или двенадцать белок добывает, а всё сердится: «На суп даже не хватает. Вчера семь, сегодня восемь - очень мало белок добываю». Второй мужчина ему говорит: «Ты в лесу зря не ворчи. Подслушивающего человека, думаешь, нет». Что-то говорит, что - неизвестно - кто его знает...

Однажды вечером сидит так, кто-то к нему явился. Сзади к нему подошёл, прикоснулся к нему. Он не поверил. Затем оглянулся, видит - сидит мужчина. Пришедший мужчина ему сказал: «Если завтра, пока не погаснет вечерняя зорька, не успеешь, то с собой тебя заберут. Если сможешь, если успеешь, тогда...». На следующий день, шагая, мужчина вспомнил про то: «Как хоть утром я душу спасу?».

На следующий день ворох белок ему бросили. Мужчина обдирает-обдирает. Туда-сюда всё бегают... Успел.

Когда гасла вечерняя зорька, к мужчине опять явился Тот, спрашивает: «Что? Ты успел?». Мужчина, оказывается, всех белок ободрать успел.

Потом Тот [появившийся] мужику сказал: «Раз такой ты шустрый был, то удачу дам. Но в жизни никогда не хвастай!».

Источник: Сказания-рассказы людей Сосьвы [Текст] / Науч.-исслед. ин-т угроведения ; пер., сост., предисл., примеч. В. С. Ивановой ; [науч. ред. Н. В. Лукина]. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. - 126 с. - На рус. и манс. яз.

Енов Владимир Егорович, поэт, сказитель

«До выезда за пределы своей малой родины я жил в том сказочном мире, где всё было просто и понятно. Меня окружали великаны-менквы, противоборствующие с людьми; лесные люди-мишьёх, приносящие удачу на рыбной ловле и охоте; добрые богатыри-урты, являвшиеся защитниками народа ханты во время всяческих жизненных невзгод. И над нами в небе проживал Нум Туром – Великий Небесный Отец, создавший жизнь в этом мире и пристально наблюдающий сверху за тем, чтобы все на земле жили честно и справедливо...»

ПОДАРОК МЕНКВА

Хантыйская сказка

В старину на самой окраине небольшой хантыйской деревеньки рядом с дремучим лесом проживали бабушка Щащи и её внук Хилы.

Старая женщина никогда не сидела сложа руки: то она мяла руками звериные шкурки, плела травяные коврики, шила одежду и обувь для людей, то прибиралась по дому и готовила еду для себя и внука.

Щащи была хорошей сказочницей и знала разные старинные предания про богатырей народа ханты, которые жили в прежнее время на этой древней земле. Иногда мальчик был настолько очарован её удивительными рассказами, что мог

долгие часы просиживать на одном месте и, затаив дыхание, слушать очередной сказ.

Порою Хилы казалось, что он и на самом деле живёт в сказке и где-то совсем рядом с ним, в тайге, проживают урты — добрые богатыри и защитники народа, мишьёх — лесные люди-доброжелатели, приносящие удачу на рыбной ловле и охоте.

Но, кроме добрых героев, мальчик видел и злых — таких, как: моми — людоедов с круглой головой, большими оттопыренными ушами, сильными руками, выпуклым животом и короткими кривыми ногами; а также менквов — лесных великанов, которые были такими огромными, что могли дотянуться рукой до макушек самых высоких сосен, растущих в их дремучем лесу

Все менквы представлялись ему злыми двуногими существами, способными приносить лишь только множество бед и неприятностей в их тихую мирную жизнь.

Бабушке очень хотелось, чтобы её внук стал добытчиком, как все мужчины их деревни, поэтому она смастерила ему черёмуховый лук и сосновые стрелы.

С этого времени Хилы целыми днями пропадал на улице и занимался тем, что учился стрелять из лука по разным целям.

Как-то, пытаясь попасть в мишень, он заметил белку и выстрелил в неё, но промахнулся.

В мальчике проснулся охотничий азарт, и он начал преследовать свою добычу.

Долго ли, коротко ли Хилы гнался за белкой, но всё же упустил зверька из виду, а когда остановился и оглянулся назад, то понял, что ушёл далеко от своей деревни и заблудился в тайге.

Прямо перед мальчиком стояли могучие древние кедры, которые вряд ли смогли бы обхватить два человека. Чуть

подальше от них, будто упираясь своими макушками в синее небо, росли высокие сосны. Кругом стояла жуткая тишина.

Ему стало страшно, но, собрав все свои силы, он начал искать дорогу, которая вывела бы его в родную деревню.

Долго ли, коротко ли шёл Хилы по тайге, как вдруг до его слуха донеслись частые всплески воды и чей-то громкий протяжный стон.

Он осторожно прокрался к месту, откуда был слышен шум, и увидел, как великан-менкв, попав в болотистую трясину, делает отчаянную попытку вырваться из вязкой бездны. В очередной раз, захлебнувшись болотной жижей, он с шумом выплюнул её и, заметив мальчика, изо всех сил крикнул: «Внучек, внучек, не бросай меня в беде. Напротив этого болота, за высоким кедровым островом, находится мой дом. Ты сбегай туда и предупреди мою жену, что я попал в трясину. Пусть она поспешит сюда и поможет мне выбраться!»

Хилы начал искать жилище менква и вскоре вышел к большому рубленому из лиственничных брёвен дому.

Он зашёл внутрь и увидел, как на самом краешке нар с левой стороны сидит жена менква, покачивая берестяную люльку с ребенком.

Завидев мальчика-ханты, она обрадовалась в предвкушении вкусного обеда: и вот-вот схватит, вот-вот накинется на него!

Перепугался Хилы и, удерживая дрожь в голосе, сказал ей: «Тётушка, на соседнем болоте твой муж попал в вязкую трясину и никак выбраться не может. Пospеши ему на помощь!»

Вскочила великанша, словно кипятком её ошпарили, и со всех ног бросилась к болоту. Ещё не дойдя до места, она вместе с корнями вырвала из земли несколько громадных сосен и покидала их в трясину.

Схватился менкв за стволы брошенных ему деревьев, подмял их под себя и с трудом выкарабкался из болота. Отряхнулся он, отдышался, вытер с себя травой болотную грязь и попросил мальчика: «Ты, внучек, не бойся нас и не убегай. Пойдём, пойдём вместе с нами!»

Так Хилы попал в гости к лесным великанам.

Дома менкв достал из сундука свою красную шёлковую рубашку, отхватил острым ножом правый рукав и, протянув его своему спасителю, сказал: «На, внучек, возьми подарок от меня! Иди прямо от моего дома, так быстрее придёшь в свою деревню и по дороге не заблудишься».

Из подаренного менквом рукава Щащи сшила своему внуку целых семь рубашек.

И до сегодняшнего дня живёт Хилы со своей бабушкой. Но как только надевает красную рубашку, то с благодарностью вспоминает добрых лесных великанов.

Источник: Енов, В. Е. Сказы рода Правдивых людей [Текст] : мифологические сказки по мотивам хантыйского народного фольклора : [для среднего школьного возраста : 6+] / Владимир Енов ; [иллюстрации Н. П. Носкова ; автор предисловия Е. Игушев]. - Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2012. - 119 с. : ил.

Шесталов Юван, писатель

... Помню: я плакал. В берестяной люльке плакал, со связанными руками рыдал, на солнце ревел, на небо орал. Солнце качает меня и качает. Режет мне глаза и на жарких руках качает.

— Не качай меня, солнце! — может быть, кричал я.

— Не пали меня, солнце! — может быть, кричал я.

— Не слепи меня, солнце! — может быть, кричал я.— Я еще не успел ничего увидеть.

— Развяжи мне руки, солнце! — может быть, кричал я.
— Я еще ничего не успел сделать.

А солнце смеется и еще сильнее качает. Жарче смеется, сильнее палит, острее режет глаза. И я реву. Громко реву на бессердечное солнце, на высокое небо. Откуда мне было знать, что солнце не слышит, а небо не поймет. И где мне было знать, что солнце мне дарило тепло и свет.

Разве мог я тогда понять, что качала меня река, такая же живая, кипучая, как люди и жизнь. И не знал, что я в берестяной люльке. А берестяная моя люлька в другой большой люльке — на калданке-лодке. Ее качают не люди. Ее качают волны, ее качает жизнь.

Хорошо, что в этой люльке моя мама. У нее красное весло с узорами — лодка дальше плывет наперекор волнам. Красивое красное весло. И красивая у меня мама.

— А почему все мамы такие красивые? — может быть, проклюнется мысль, осветив на мгновение сознание.

А грудь у мамы теплая, и молоко сладкое... И забудешь про солнце, не реवेशь на небо...

Грудь у мамы теплая, и молоко сладкое.

— Хорошо с мамой! — уже тогда чувствуешь.

— Хорошо с мамой! — лишь потом поймешь...

И еще одну вспышку первого сознания сохранила память.
Ночь. Теплая грудь. Сладкое молоко. Сказка...

Но кто-то чиркнул спичку — и засияла лампа. Яркий свет раскрыл мои глаза и зажег в них ужас: я сосал чужую грудь, чужой мамы грудь.

— Почему молоко такое горькое и так холодно?! — может быть, кричал я. — Где мое, сладкое? Ма-ма-а!..

И она пришла. Вся сияющая и светлая.

— У тебя братец родился, — сказала она. — Черненький такой, вороной такой. Не понимаешь?! Наша старая лошадь жеребенка принесла... Как его назовем? Черным ястребом? Да?! Будет у тебя братец, крылатый конь.

И захотелось мне увидеть моего коня. И опять сказка рядом со мной поскакала...

С мамы начинается земля.

В люльке просыпается земля.

Под солнцем качается земля.

В сказке продолжается земля.

А на земле — песни.

Юрий Вэлла, писатель

Встанешь утром,
откинешь с окна занавеску,
выглянешь во двор,
а там на скамейке
сидит синица.
Вокруг все бело и серо,
а грудь у синицы яркая.
Сидит и голову эдак важно из
стороны в сторону поворачивает.
Глядишь на нее, и лицо твое разглаживается,

хочется улыбаться,
и ты улыбаешься,
и от тревожного сна,
который тебя поднял с постели,
остается только смутное,
неясное,
постепенно растворяющееся эхо.

Райшев Геннадий Степанович, художник

... Детские воспоминания мои хотя и яркие, но неуловимо
зыбки и туманны, уходящи. Что ни вспомню, оно как будто не
здесь, а уже далеко.

... И вспомнил я однажды, как при свете керосиновой
лампы тени ходят по стене и даже на потолок забираются. А,
думаю, вот оно откуда. От неясности-то у нас и начинается
воображение работать, фантазия разыгрывается. Вот отчего и
интерес к сказке, потому что есть у каждого возможность эту
сказку самому себе представить, видеть ее по-своему.

... Меня повела мечта, мечта как вымысел, сон, сказка, как
необыкновенное отражение жизни. Удивлен! Но нет средств,
равных для выражения, и я их ищу. Поиск продолжается. Он
бесконечен, хотя я всегда думаю о конце. Это и ведет человека
по пути творчества. И я иду с надеждой и мечтой.

Сведения об авторах

1. **Айпин Еремей Данилович** – хантыйский писатель, посвятивший рассказы и романы своему народу, в которых он отразил самобытную культуру народов Севера. Основные его произведения переводились на языки народов России и ближнего зарубежья, издавались в Венгрии, Германии, Италии, США, Финляндии, Испании, Франции.
2. **Анисимкова Маргарита Кузьминична** - член Союза писателей СССР. Почетный гражданин города Нижневартовска, автор многих книг, мансийских сказов, повестей и исторических романов.
3. **Вагатова Мария Кузьминична** - член Союза писателей России, член Международного общества финно-угорских писателей, автор сборников сказок и стихотворений на русском и хантыйском языках.
4. **Вэлла (Айваседа) Юрий Кылевич** – член Союза писателей России, ненецкий и хантыйский поэт, публицист, общественный деятель.
5. **Енов Владимир Егорович** - поэт, сказитель, журналист, корреспондент Объединенной редакции национальных газет «Ханты ясанг" и «Луима сэрипос».

6. **Иванова Валентина Селиверстовна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры уральских языков, литературы и фольклора Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.С. Герцена.
7. **Райшев Геннадий Степанович** – член Союза художников СССР, заслуженный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств.
8. **Ругин Роман Прокопьевич** – член Союза писателей СССР, общественный деятель, Почётный гражданин г. Салехарда Ямало-Ненецкого автономного округа.
9. **Слинкина Галина Ивановна** - член Союза журналистов, член Союза писателей России, автор книг хантыйских сказок.
10. **Чернецов Валерий Николаевич** - археолог, историк, этнограф, фольклорист. Работал над созданием мансийской письменности, составил и издал букварь на мансийском языке.
11. **Чучелина Таисия Сергеевна** – хантыйская народная сказительница, рукодельница, художник. Со слов сказительницы записано большое количество сказок, легенд и других произведений устного народного творчества ханты.
12. **Шесталов Юван (Иван) Николаевич** - член Союза писателей СССР, первый профессиональный поэт манси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИЗДАНИЙ

1. **Айпин, Е. Д.** Клюквинка и травяная косичка [Текст] : потешки, сказки, были сургутских остяков : (из серии "Сказки моего детства") / Е. Д. Айпин ; в авт. ред. ; худож. Г. Райшев. - Нижневартовск : Прессграфика, 2001. - 36 с. : ил.
2. **Анисимкова, М. К.** Сказы [Текст] : по мотивам сказок, легенд, мифов народов Обского Севера и Приполярного Урала / Маргарита Анисимкова ; [послесл. А. П. Зенько]. - Переизд. - Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2012. - 227 с. : цв. ил.
3. **Вагатова, М. К.** (Волдина М. К.). Маленький Тундровый Человек [Текст] : [стихи и сказки] / М. К. Волдина ; худож. А. С. Кухтерин. - Тюмень : СофтДизайн, 1996. - 208 с. : ил.
4. **Вагатова, М. К.** Моя песня, моя песня [Текст] : стихи. Легенды. Сказки / М. К. Вагатова ; худож. Г. Райшев. - Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во : Новое время, 2002. - 192 с. : ил.
5. **Вагатова, М. К.** Тей, тей [Текст] : [сказки, стихи, песни и считалочки для детей] / М. К. Вагатова ; [предисл. А. Б. Кердан ; худож. А. С. Кухтерин]. - Тюмень : Тюм. дом печати, 2006. - 87, [1] с. : ил. - Тексты на рус. и хант. яз.

6. **Енов, В. Е.** Сказы рода Правдивых людей [Текст] : мифологические сказки по мотивам хантыйского народного фольклора : [для среднего школьного возраста : 6+] / Владимир Енов ; [иллюстрации Н. П. Носкова ; автор предисловия Е. Игушев]. - Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2012. - 119 с. : ил.
7. **Журавлиное перо** [Текст] : сказки народов Севера. – Л. : Дет. Лит., 1968. – 318 с.
8. **Ругин, Р. П.** Легенды и мифы народа ханты [Текст] / Р. П. Ругин. - Салехард : Красный Север, 2008. - 433 с.
9. **Сказания-рассказы людей Сосьвы** [Текст] / Науч.-исслед. ин-т угроведения ; пер., сост., предисл., примеч. В. С. Ивановой ; [науч. ред. Н. В. Лукина]. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. - 126 с. - На рус. и манс. яз.
10. **Сказки народа ханты** [Текст] : кн. для чтения в мл. и сред. кл. / под ред.: Е. А. Немысовой, Е. К. Скрибник ; ил. Л. Н. Иванов ; сост.: Е. В. Ковган [и др.]. - СПб. : Алфавит, 1995. - 143 с. : ил.
11. **Сказки народов Севера** [Текст] : [сборник] / [сост. и обраб.: В. В. Винокуровой, Ю. А. Сема ; худож. А. М. Гусаров]. - Смоленск : СПК, 1992. - 334, [2] с. : ил.
12. **Сказки народов Севера** [Текст] / сост. Е. Н. Самойлова. - СПб. : Алфавит, 1995. - 160 с. : ил.

13. **Слинкина, Г. И.** Как Мышата и Лягушата внучатами стали [Текст] : хант. сказки : для мл. шк. возраста / Г. И. Слинкина ; худож. П. Болюх. - Екатеринбург : Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1992. - 144 с.
14. **Слинкина, Г. И.** Сказки земли Югорской [Текст] / Галина Слинкина ; [худож. Ф. Г. Ячигин]. - Изд. доп. и испр. - Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2010. - 199, [6] с. : [12] л. цв. ил.
15. **Фольклор народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России** [Текст] : кн. для детей сред. и ст. шк. возраста / сост. Е. Р. Акбальян ; под общ. ред. А. В. Преловского. - М. : Сев. просторы., 2002. - 544 с.
16. **Чернецов, В.** Вогульские сказки : сборник фольклора народа манси (вогулов) / В. Чернецов . – Ленинград : Гослитиздат, ЛО, 1935 . – 142 с.
17. **Чучелина, Т. С.** Сказки Югры [Текст] : сборник / Т. С. Чучелина. - М. : Наш современник, 1995. - 176 с.